

Т. В. ВОЛОКИТИНА

ПРОГРАММА РЕВОЛЮЦИИ

*у истоков
народной
демократии
в
Болгарии*

«НАУКА»

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ

Т. В. ВОЛОКИТИНА

ПРОГРАММА РЕВОЛЮЦИИ

*у истоков
народной
демократии*

**в
Болгарии**

1944 — 1946 гг.

Ответственный редактор
доктор исторических наук
А. Ф. ПОСКОВА

МОСКВА «НАУКА» 1990

Рецензенты:

кандидат исторических наук Ю. Ф. Зудин ов,
кандидат исторических наук В. Ф. Жа да ц к и й

Волокитина Т. В.

В68 Программа революции. У истоков народной демократии в Болгарии. 1944—1946 гг.— М.: Наука, 1990.— 240 с.

ISBN 5—02—009968—6

Что поможет разрешить спор о характере революции в Болгарии? Какова классовая сущность народной власти, установленной в сентябре 1944 г.— революционно-демократическая диктатура народа или диктатура пролетариата? В чем суть альтернативных программ развития, выдвигавшихся в болгарском обществе в 1945 г. Эти и другие малоизученные и дискуссионные вопросы составляют содержание книги.

Для историков, славистов, международников.

В 0503030000—415
042(02)—90 —81—90—I

ББК 63.3(Бл)

ISBN 5—02—009968—6

© Т. В. Волокитина, 1990

ВВЕДЕНИЕ

Современная эпоха, облик которой сложился под влиянием Великого Октября, отмечена крупными революционными взрывами в различных регионах мира. Осмысление опыта революций новейшего времени, среди которых одно из важнейших мест принадлежит революциям 40-х годов в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, имеет непреходящее идейно-теоретическое и политическое значение. Ныне, когда социализм оказался перед лицом «исторического вызова», требующего глубокого качественного обновления, разработки современной концепции этого общественного строя, особенно важны «прорывы в непознанное», целостное, углубленное, на обогащенной информационной основе рассмотрение пройденного пути¹. Вместе с тем обращение к опыту победоносных революций 40-х годов актуально прежде всего с точки зрения исторической перспективы, т. е., говоря словами В. И. Ленина, «в смысле безбоязненного предвидения будущего и смелой практической деятельности, направленной к его осуществлению...»².

Революции 40-х годов дали богатейший и, что важно, разнообразный опыт практической реализации ленинской теории перерастания революции в эпоху империализма, когда «линейный, однонаправленный процесс капиталистической эволюции сменился альтернативным и впервые в истории открылась реальная возможность социалистического выбора»³, когда эта теория стала одновременно и практической основой переходных к социализму революционных процессов, путей и форм подвода масс к социалистической революции с различных ступеней общественно-экономического развития. Сердцевинной теорией являлась разработанная В. И. Лениным осенью 1917 г. концепция революционно-демократического пути к социализму. Она была связана с поисками наиболее безболезненного и выгодного для народных масс способа перехода к новому общественному строю в России,

причем в условиях, когда реально существовавшая в период двосвладения возможность мирного развития революции в направлении к социализму не была реализована. В сфере политики вступление на революционно-демократический путь к социализму В. И. Ленин связывал с завоеванием государственной власти Советами как органами революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства. Опираясь на них, революционно-демократическое правительство может осуществить в сфере экономики целую серию преобразований, направленных на подрыв позиций крупного капитала и усиление роли пролетариата в жизни общества. В силу этого намеченные преобразования (ликвидация помещичьего землевладения, национализация земли, банков, страхового дела, важнейших монополизированных отраслей промышленности, отмена коммерческой тайны, введение рабочего контроля и т. д.), не будучи еще по характеру социалистическими, становились бы «переходными мерами к социализму»⁴. Так, из постепенного перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую в политике и решительного осуществления системы переходных преобразований в экономике должно было складываться, по мысли Ленина, то целостное единство, которое определяло внутреннее содержание революционного процесса. В ходе последнего Россия могла перейти от капитализма к социализму по революционно-демократическому пути, учитывающему имевшийся уровень развития экономики и культуры, а также сознательности масс.

Сложившаяся в России обстановка не дала возможности реализовать на практике эту концепцию. Стране пришлось идти, по определению Ленина, «наиболее болезненным путем»⁵, через вооруженное восстание. Но концепция мирного развития революционных процессов получила воплощение в созидательной практике других стран и народов.

Условия борьбы против наступления фашизма и угрозы войны в межвоенный период, многократно увеличив значение общедемократических задач, по-иному поставили и до предела заострили вопрос о новых путях революционной борьбы пролетариата. В середине 30-х годов марксистская мысль сформулировала идею народной антифашистской революции и особой формы демократической диктатуры рабочего класса и крестьянства как переходных к социалистической революции и диктатуре пролетариата. Борьба против фашизма и реакции, ограничива-

ющая власть капитала, борьба за расширение демократии справедливо рассматривалась в конкретных условиях межвоенного периода как «старт» новой политики в интересах народа, как завоевание демократии, которая, еще не став социалистической, уже не была бы буржуазной или, иными словами, создавала условия для дальнейшей борьбы за социализм.

Фашизм оказался политической альтернативой не только народной революции, но одновременно и буржуазной демократии. И это обстоятельство, ясно осознанное в международном коммунистическом движении, новой гранью повернуло вопрос о соотношении борьбы за демократию и борьбы за социализм. Это отчетливо проявилось в решениях VII конгресса Коминтерна (1935 г.) о правительстве народного фронта, которые воплотили в себе ленинскую идею революционно-демократического подхода к социалистической революции. Правительство народного фронта, по определению Г. Димитрова, выступало как «орган сотрудничества революционного авангарда пролетариата с другими антифашистскими партиями в интересах всего трудового народа, [как] правительство борьбы против фашизма и реакции»⁶. Его классовый характер зависел от конкретного соотношения сил и объективно стоявших перед обществом задач. При наличии большого объема перешедших буржуазно-демократических задач правительство народного фронта могло стать органом демократической диктатуры рабочего класса и крестьянства⁷, т. е. действовать на длительном переходном этапе, создающем предпосылки для перерастания революции в социалистическую. Однако переходной формой правительство народного фронта могло стать и там, где задачи буржуазно-демократической революции уже были решены, но сохранялась необходимость защиты демократии от империалистической реакции в условиях, когда рабочий класс, являясь гегемоном в развитии революционного процесса, еще не обеспечил свое политическое господство. Власть правительства народного фронта рассматривалась не как синоним диктатуры пролетариата или особая общественно-экономическая стадия, а именно как переходная форма⁸. В демократическом государстве переходного этапа, указывал Г. Димитров, еще существует буржуазная система, но решающее влияние за народным фронтом. Частнокапиталистическая собственность сохраняется, но контролируется рабочим классом и его союзниками в борьбе против фашизма, т. е. мелкой буржу-

азней и крестьянством. «Теоретически это, может быть, будет правильно выразить как *особую форму* (выделено нами.— Т. В.) демократической диктатуры рабочего класса и крестьянства на данном этапе»⁹.

Вывод о том, что в эпоху империализма антиимпериалистические, антифашистские, демократические революции содержат тенденцию к перерастанию в социалистическую, вовсе не означает отсутствие альтернатив общественного развития. Напротив, революционные эпохи наиболее ясно демонстрируют альтернативность исторического развития, резко выявляют классовое содержание и направленность его различных вариантов¹⁰.

Историческая практика дала конкретные примеры того, что революционно-демократический этап не всегда приводит к формационному переходу, т. е. трактовать его однозначно, лишь как преддверие социализма было бы неверно. Результатом этого этапа может стать, как свидетельствует история после второй мировой войны, укрепление буржуазно-демократических порядков (Франция, Италия), подавление демократических сил контрреволюцией и реставрация монархии (Греция), «остановка» процесса углубления революции с последующим «пятным» ее движением (Португалия), насильственное прерывание революционного процесса, ликвидация завоеваний народа и утверждение военной диктатуры (Чили).

Альтернативное развитие революционного процесса предъявляет особые требования к тактике коммунистических партий, их умению сформулировать исходную платформу объединения широких классовых сил, «находить и выдвигать такие лозунги и формы борьбы, которые бы вытекали из жизненных потребностей масс, из уровня их боеспособности» на каждом конкретном этапе развития¹¹, и тем самым обеспечивать поступательное движение революции.

Реализация этого требования предполагает объективную оценку уровня развития страны и ее социально-классовой структуры: к борьбе за социализм широкие народные массы, как показывает опыт XX в., подходят через борьбу за демократические требования и удовлетворение их насущных экономических нужд. Впервые это нашло воплощение в России, где в силу конкретной разновидности капиталистической эволюции, характеризовавшейся специфической последовательностью развития капиталистического способа производства и, как следствие, тной «сцепкой» общественных сил, возник новый тип

освободительного движения: пролетарская война против буржуазии своеобразно слилась с крестьянской войной против помещиков¹².

В Болгарии, социально-классовый облик которой определялся составлявшим до 80 % населения крестьянством, являвшейся в годы второй мировой войны сателлитом фашистской Германии, перед коммунистами стояла труднейшая задача: определить адекватные обстановке и условиям страны цели и задачи, объединить на их основе и для их решения все демократические и патриотические силы. Политическая форма объединения широкого союза социально разнородных сил была найдена в лице Отечественного фронта (ОФ), складывавшегося под лозунгами развертывания борьбы за разрыв отношений со странами «оси», свержение антинародного режима, демократизацию политической жизни. Пестрота социальной базы ОФ определила гибкий подход компартии к формулированию требований его программы от 17 июля 1942 г. Этот документ имел ярко выраженный демократический характер. Объединение патриотических сил болгарского народа вокруг предложенной коммунистами платформы позволило ОФ в условиях победоносного наступления Красной Армии свергнуть реакционный режим. Власть перешла к огромному большинству народа, трудящимся города и деревни при активной и руководящей роли рабочего класса и его коммунистического авангарда.

Коренным образом изменившаяся обстановка в стране способствовала разработке нового, более развернутого программного документа, соответствовавшего сложившейся объективной реальности и отвечавшего классовому содержанию ОФ как «длительного боевого союза всех демократических, прогрессивных сил страны, как живого воплощения антифашистского, патриотического единства болгарского народа»¹³. Речь идет о Декларации правительства ОФ, провозглашенной 17 сентября 1944 г., которая, не будучи формально объявленной программой, фактически являлась таковой и справедливо рассматривается в научной литературе как «вторая программа Отечественного фронта»¹⁴. В отличие от первой программы, у истоков которой стояли коммунисты, Декларация разрабатывалась при участии всех партнеров, составивших ОФ, отразив в различной степени их интересы.

Дальнейшее развитие революционного процесса в стране, его углубление в значительной степени зависели от позиции и настроений широких мелкобуржуазных масс,

и прежде всего крестьянства. Именно за его ориентацию развернулась острая борьба между рабочим классом и демократической, нефашистской частью буржуазии сначала в рамках самого ОФ, а позднее, по мере размежевания политических сил внутри фронта, также и за его пределами. В этой борьбе, ведшейся фактически за выбор пути общественного развития, обе стороны выступали под флагом программы ОФ. Исходя из этого анализ сравнительно широкого круга вопросов, связанных с разработкой и реализацией программы от 17 сентября 1944 г., приобретает важное политическое значение, помогает в поисках ответа на дискуссионный вопрос о характере революции в Болгарии и сущности установленной 9 сентября 1944 г. власти, а в более широком плане способствует обобщению практики мирового социализма.

Развитие революции как объективного процесса осуществлялось параллельно с ее «самоопознанием», с постепенным выявлением основных закономерностей и тенденций¹⁵. Инициатором научно-политического осмысления происходивших процессов являлась Болгарская рабочая партия (коммунистов), ставившая эти вопросы попутно с разработкой политической концепции и практического курса своей деятельности в новых условиях. Теоретическая мысль партии в исследовании указанных важнейших вопросов шла сложным и отнюдь не всегда прямолинейным путем. В центр внимания руководства БРП(к) выдвинулся вопрос о характере власти в Болгарии.

Первые шаги отразили непосредственную реакцию коммунистов на зримое несоответствие «облика» власти, установленной 9 сентября 1944 г. в Болгарии и в октябре 1917 г. в Советской России. 20 сентября 1944 г. газета «Работническо дело» писала, что правительство ОФ ни по составу, ни по методам управления не является «коммунистическо-советским». Важное значение имел вывод о том, что такой характер правительства не соответствовал бы ни внутренним, ни международным условиям¹⁶. Первый секретарь Центрального комитета Тр. Костов выступая 25 сентября на Софийской областной партийной конференции, подчеркивал: «Антифашистская революция 9 сентября победила как национально-освободительное движение на широкой национальной основе. Этот факт мы никогда не должны забывать, так как из его правильного понимания следует и правильное решение вопроса о том, какие задачи мы можем и должны поставить после

победы»¹⁷. Несомненно, чувствуя новое «качество» власти ОФ, болгарские коммунисты стремились определить ее характер, дать классовую оценку начавшейся «эпохи Отечественного фронта». Одна из попыток была предпринята в начале 1945 г. на страницах теоретического органа БРП(к) журнала «Современник». В статье «Отечественный фронт — новый тип демократии»* Тр. Костов писал, что «перемена 9 сентября не является обычной сменой одного буржуазно-демократического правительства другим... а представляет собой качественно новое изменение, новую, более высокую ступень в развитии страны»¹⁸.

Вопрос о характере народно-демократической власти стал предметом широкой дискуссии на VIII пленуме ЦК БРП(к), состоявшемся в конце февраля — начале марта 1945 г. В ходе ее прозвучало утверждение, что Болгария находится на «последней стадии буржуазно-демократической революции, которой присуща революционная диктатура рабочих и крестьян»¹⁹. По мнению Тр. Костова, народная демократия являлась «властью демократической части буржуазии в союзе с рабочими и крестьянами, а не революционно-демократической диктатурой рабочего класса и крестьянства»²⁰. С этой оценкой в известной мере перекликалось определение Отечественного фронта, данное в декабре 1945 г. в Народном собрании Г. Димитровым, как боевого союза «рабочего класса, крестьянства, ремесленников, народной интеллигенции и демократической прогрессивной части буржуазии»²¹.

Таким образом, на начальном этапе народно-демократической революции руководство БРП(к) в поисках ответа на вопрос о характере власти, несомненно, подчеркивало факт участия буржуазии в управлении. Как следствие этого, думается, возникали представления о том, что коренных изменений общественного строя в Болгарии после 9 сентября 1944 г. не произошло. Они проникли и в партийную печать. Журнал «Современник» в конце 1945 г., к примеру, писал: «Перемена, осуществленная 9 сентября 1944 г., не затрагивает социально-экономический строй, основанный на частной собственности на средства производства. Она направлена не против буржуазии вообще, а против фашизма в нашей стране... В состав Отечественного фронта, который осуществил эту перемену

* Статья представляла собой часть доклада Тр. Костова перед слушателями Центральных партийных курсов БРП(к), прочитанного 31 декабря 1944 г.

ну, входит и демократическая часть нашей буржуазии». В начавшуюся в стране «эру ОФ» будет построена и уже строится «подлинная демократия», обеспечивающая дальнейшее свободное и независимое национальное развитие Болгарии²².

Диапазон представлений о характере власти, существовавший в 1945 г., отразил прежде всего, как нам представляется, сложность процесса постижения истины, теоретического осмысления накопленного опыта в ситуации, когда общие законы социальной революции воплощались в новых, неизвестных ранее формах. Несомненно одно: болгарские коммунисты были тогда весьма далеки от отождествления характера власти в стране с пролетарской диктатурой.

На VIII пленуме ЦК БРП(к) прозвучала исключительно важная мысль о компромиссном характере ОФ как формы перехода от капитализма к социализму²³. Объективно эта оценка могла быть распространена на правительство ОФ и его программу, но открыто об этом не было заявлено, хотя, конечно, вполне определенные представления на этот счет имелись. Отразились они, на наш взгляд, в решении пленума «одобрить участие партии в правительстве Отечественного фронта»²⁴.

Создание в конце 1947 г. на совещании в Шклярской Порембе (Польша) Коминформбюро в целях «обмена опытом и добровольной координации действий отдельных партий»²⁵, принятый затем в странах народной демократии курс на интенсификацию революционного процесса при унификации форм и методов структурных преобразований общества оказали немалое влияние на развитие общественно-политической мысли в Болгарии.

В октябре 1947 г. на XIII пленуме ЦК БРП(к), обсудившем проблемы, поднятые в Шклярской Порембе, секретарь ЦК В. Червенков, в отсутствие Г. Димитрова и В. Коларова, выдвинул ряд новых для партии тезисов. Он отметил, что после 9 сентября 1944 г. руководство БРП(к) не имело полностью ясного представления о характере коренных перемен в Болгарии, равно как и о перспективах и темпах движения вперед. Прямым следствием этого явились, по мысли Червенкова, сохранение в почти нетронутом виде экономической базы буржуазии, опоздание с разгромом оппозиционных сил. Государственный аппарат в силу незначительных изменений в нем, по сути дела, стал тормозом общественно-революционных преобразований²⁶.

Выводы пленума о политических задачах партии имели далеко идущие последствия. Положения о мирном и постепенном осуществлении революционных преобразований, лояльном сотрудничестве различных социальных групп в ходе восстановления народного хозяйства, о недопустимости форсированной экспроприации крупной капиталистической собственности, о принципах и формах сотрудничества соправящих партий, характеристики народно-демократической революции и народно-демократической власти, верные в своей основе, стали объектом тенденциозной политической и теоретической переоценки. Политическую линию БРП(к) отныне предполагалось выстраивать с учетом перехода к непосредственному построению социализма в обстановке решительного наступления на «реакционные и контрреволюционные силы», т. е. обостряя классовую борьбу внутри страны.

В январе 1948 г. на XIV пленум ЦК БРП(к) был вынесен подготовленный В. Коларовым проект новой программы Отечественного фронта. В ходе дискуссии определились различные позиции и по вопросу о характере болгарской революции. Часть коммунистов считали, что восстание с самого начала целиком и всесторонне имело характер социалистической революции. Другие доказывали, что восстание открыло путь к социализму, но не реализовало непосредственно функции социалистической революции. Сторонники третьей позиции подчеркивали, что в Болгарии произошла не социалистическая и не буржуазно-демократическая революция, а именно народно-демократическая. Крайними «полюсами» в дискуссии стали позиции, с одной стороны, защитников идеи «чистых революционных форм» (в их числе были В. Червенков, Д. Терпешев, Г. Чанков), а с другой — Г. Димитрова и его сторонников (В. Коларова, А. Югова, К. Драмальева, В. Маркова, Р. Видинского и др.). Проанализировав конкретные исторические условия, в которых развивался революционный процесс в стране, Г. Димитров пришел к выводу, что в сентябре 1944 г. Болгария пошла не по пути социализма, а по пути к социализму. Как отмечает болгарский исследователь М. Исусов, «это была не игра слов, а существенное различие в концепциях»²⁷. Г. Димитров подчеркивал, что восстание 9 сентября 1944 г. лишь создало условия для будущей ликвидации капитализма, лишь открыло путь к социалистическим преобразованиям, к коренному государственному переустройству. «Мы прошли один этап, — отметил на плену-

ме Г. Димитров,— создание фундамента для построения социализма»²⁸.

Возвращаясь к итогам предыдущего, XIII пленума, Г. Димитров подверг критике некоторые из его установок, в частности категорически отбросил обвинения В. Червенкова в том, что партия запоздала с решением ряда основных политических, экономических и социальных вопросов, что якобы неверные характеристики восстания 9 сентября затормозили дальнейшие мероприятия партии. «Если мы серьезно, как марксисты... исходим из реальной действительности, а не выдаем желаемое за действительное, то мы должны прийти к единственному [верному] заключению, что замедление не было ошибкой»,— подчеркнул Г. Димитров²⁹.

Дискуссии 1947 — начала 1948 г. показали, что в руководстве БРП(к) все настойчивее начинали звучать голоса, обосновывавшие социалистический характер революции в стране. Объективная основа этого коренилась, на наш взгляд, в динамике развития самого революционного процесса, в происшедших за время после сентября 1944 г. качественных изменениях народно-демократической формы власти. Однако оценки ее состояния в 1948 г. ретроспективно переносились на предыдущие годы, что было недialeктично и неправомерно. Для участников дискуссий единственным критерием в типологизации революций 40-х годов являлся исторический опыт Великой Октябрьской социалистической революции и советской формы диктатуры пролетариата. Между тем в эти рамки не укладывались осуществлявшаяся по мере революционных преобразований поэтапная экспроприация капиталистической собственности, постепенное вытеснение отдельных групп буржуазии, относительно мирное развитие революционного процесса на более широкой социальной основе в 1944—1947 гг. Недооценка указанных особенностей, с одной стороны, непосредственно отразилась на характеристике восстания 9 сентября и последовавших преобразований, а с другой — способствовала появлению новой трактовки осуществлявшейся с учетом этих особенностей политической линии как ошибочной. Наиболее отчетливо такой подход проявился на XVI пленуме ЦК БРП(к) в июле 1948 г. Этот пленум был созван после бухарестского совещания Коминформбюро (июнь 1948 г.), осудившего «ошибки» руководства компартии Югославии и его «отход» с позиций марксизма-ленинизма. В создавшейся обстановке ЦК БРП(к) вновь вернулся к анализу

политической линии, стратегии и тактики партии после 9 сентября 1944 г. Выступивший с докладом Г. Димитров, по определению М. Исусова, «был вынужден» изменить свою позицию, сформулированную в январе 1948 г., и поддержать тезисы, прозвучавшие на XIII пленуме в октябре 1947 г.³⁰ Несомненно, что столь резкий поворот в оценках Г. Димитрова не был случайным и имел под собой конкретные причины. Думается, что одна из них, вероятно главная, заключалась в оказанном на Димитрова «давлении», источник которого, исходя из ситуации в международном коммунистическом движении, нетрудно определить. Просматривается он и в согласии Г. Димитрова с тезисом об обострении классовой борьбы в переходный период.

В декабре 1948 г. на V съезде БКП был обоснован теоретический вывод международного коммунистического движения о народной демократии как одной из форм диктатуры пролетариата. Перед исследователями открылись новые возможности для анализа развития революционного процесса в Болгарии. Однако начали реализовываться они не сразу: основные проблемы болгарской послевоенной истории до начала 50-х годов оставались объектом обсуждений прежде всего и единственно в партийных кругах³¹.

Г. Димитров в 1948 г. на V съезде партии с четырехлетней временной дистанции, как представляется, весьма осторожно подошел к оценкам конкретной ситуации в стране в 1944 г., вновь подчеркнув, что восстание 9 сентября открыло путь для построения социализма. Особенности этого пути он видел в диалектическом единстве общедемократических и антикапиталистических задач: ставя на разрешение демократические задачи, говорил Димитров на съезде, восстание не могло не расшатать основы капиталистической системы и не выйти за рамки буржуазной демократии³².

Близкую точку зрения сформулировал в сентябре 1949 г. В. Червенков в докладе на торжественном заседании в связи с 5-летием народной власти: «Восстание 9 сентября положило начало таким глубоким политическим, социальным, экономическим и культурным преобразованиям, которые подготовили условия, чтобы у нас создавалась и укрепилась подлинная народная демократия — своеобразная форма диктатуры пролетариата. Национализация капиталистических предприятий и банков (в 1947 г. — *Т. В.*)... была решающим шагом в этом отно-

шении»³³. Мы намеренно фиксируем эту оценку В. Червенкова, поскольку она представляется нам достаточно взвешенной и объективной. Однако в скором времени определился известный отход от нее и, как нам кажется, при весьма интересных обстоятельствах.

В июне 1949 г. в «Правде» появилась статья известного в ту пору философа и общественного деятеля П. Ф. Юдина о теоретических проблемах диктатуры пролетариата. Опираясь на конкретно-исторический материал государств Центральной и Юго-Восточной Европы, автор пришел к заключению, что в странах народной демократии произошли экономические и политические перемены, равнозначные по своему характеру социалистическому перевороту. В союзе с крестьянством рабочий класс завоевал государственную власть, а буржуазия и помещики лишились политической власти, крупная капиталистическая собственность, банки и помещичье землевладение были экспропрированы и т. д. Таким образом, подчеркивалось в статье, «народно-демократическая революция была формой социалистической революции, исполнив те же исторические задачи, что и социалистическая революция в СССР»³⁴.

Появление в центральном советском партийном органе такого вывода, естественно, не могло пройти незамеченным руководством БКП. Потребовалось известное время для осмысления позиции советской стороны (вышеуказанная речь В. Червенкова подтверждает это), но уже в декабре 1949 г. на митинге в Софии в связи с предстоящими выборами в народные советы он приравнивал преобразования, осуществленные в стране в 1944—1948 гг., к социалистической революции. Эти преобразования, решающим среди которых была национализация, по «существу сыграли такую же историческую роль, что и Великая Октябрьская социалистическая революция в России. Но осуществилось это другим путем, нежели в Советском Союзе», подчеркнул В. Червенков³⁵.

Теперь предстояло совместить этот вывод с прежним и оценками конкретного развития революционного процесса в стране. Необходимость этого шага становилась еще более настоятельной в связи с тем, что вопрос о характере восстания и установленной 9 сентября 1944 г. народной власти оставался актуальным и, как отмечало «Работническо дело», часто поднимался партийным активом и партийной интеллигенцией³⁶.

В 1950 г. Болгарская академия наук объявила открытую дискуссию по вопросу о характере восстания 9 сентября и болгарского народно-демократического государства. В ходе ее выявились многообразные позиции участников, среди которых преобладали философы, юристы, экономисты. Именно усилиями представителей этих отрядов болгарского обществоведения было положено начало научному изучению проблематики народно-демократической революции в стране.

Одни ученые (философ П. Попов, историки Е. Каменов (Ж. Натан), Е. Меворах, экономист Л. Василев и др.) утверждали, что 9 сентября 1944 г. в стране была установлена диктатура пролетариата в народно-демократической форме, которая впоследствии развилась и укрепилась. Национализация промышленных предприятий и банков в декабре 1947 г. — одна из важнейших вех на пути совершенствования пролетарской диктатуры³⁷.

Иную позицию сформулировал философ В. Захариев, настаивавший на перерастании революционно-демократической диктатуры рабочего класса и крестьянства, каковой являлась по своему характеру власть, установленная в сентябре 1944 г., в диктатуру пролетариата³⁸, под которой упрощенно понималась советская модель политической власти.

Определенную модификацию этой точки зрения отразила позиция философа Р. Караколова, юриста Я. Радева и некоторых других ученых, согласно которой процесс перерастания завершился после выборов в Великое Народное собрание 1946 г.³⁹

Хотя дискуссия обозначила различные позиции, ее итог неожиданно для всех был сивелирован. Участник обсуждений видный болгарский экономист К. Добрев в 1956 г. вспоминал, что во время очередного обсуждения по окончании докладов лично В. Червенковым в двухчасовой речи была дана соответствующая «установка», согласно которой, по словам Добрева, «начали писать... что диктатура пролетариата ведет свое начало с 9 сентября». Позиция ученых, защищавших иные взгляды, была охарактеризована как «меньшевистская» и «троцкистская»⁴⁰.

Таким образом, своеобразный результат дискуссии 1950 г. заключался в формулировании официальной точки зрения, согласно которой 9 сентября 1944 г. с установлением пролетарской диктатуры в народно-демократиче-

ской форме началась социалистическая по своему характеру революция в Болгарии. Диктатура пролетариата совершенствовалась и развивалась вплоть до конца 1947 г., когда свойственные ей черты и функции начали реализовываться в полном объеме.

Прошло немного времени, и возникла необходимость «вписать» этот официальный вывод о характере революции в новую систему представлений о развитии народной демократии, сложившуюся в научной марксистской литературе. Речь идет о концепции ее двух этапов. Впервые она была изложена советским философом А. И. Соболевым в лекции перед партактивом Московской городской и областной организаций ВКП(б), а затем переработана в статью о народной демократии как форме политической организации общества для журнала «Большевик»⁴¹. Опираясь на материалы европейских стран народной демократии, автор обосновал идею перерастания буржуазно-демократической революции нового типа (I этап) в социалистическую (II этап). Власть народной демократии представляла по классовому содержанию, по мысли Соболева, « нечто вроде демократической диктатуры пролетариата и крестьянства при руководящей роли рабочего класса », однако была направлена прежде всего против империализма и фашизма. Гегемония рабочего класса во главе с коммунистическими партиями обеспечивала в последующем переход стран народной демократии на путь социалистического развития⁴².

Теория двух этапов завоевала много сторонников в странах региона⁴³. Она была воспринята и в Болгарии, однако в качественно отличной от соболевской интерпретации.

В мае 1952 г. на III съезде Отечественного фронта В. Червенков констатировал « двухэтапное » развитие народной демократии в Болгарии. I этап охватывал период с 9 сентября 1944 по декабрь 1947 г. На его протяжении возникла и сложилась народная демократия как « своеобразная форма власти рабочего класса в тесном союзе с трудящимся крестьянством ». Границей между этапами стала национализация, с которой фактически, по мысли Червенкова, начался процесс построения основ социализма в Болгарии, составлявший основное содержание II этапа⁴⁴. Таким образом, если у А. И. Соболева этапы развития народной демократии означали прежде всего постепенное качественное изменение характера власти в стране (от буржуазно-демократической к социалистической),

то В. Червенков очерчивал этапы развития одной и той же по характеру власти (диктатуры пролетариата в форме народной демократии), отличавшиеся по существу решаемых задач и в конечном счете по степени «зрелости» диктатуры. На I этапе, в частности, преобладали задачи демократического и антиимпериалистического характера, что не исключало постановки и решения некоторых антикапиталистических задач. Теория двух этапов после выступления В. Червенкова превратилась в Болгарии в доминирующую.

В первой половине 50-х годов болгарские ученые публикуют многочисленные работы, в том числе и монографического характера, подтверждающие позицию партийного руководства. Последняя рассматривалась в целом как «блестящее, точное и до конца последовательное продолжение» генеральной линии, определенной Г. Димитровым на V съезде БКП ⁴⁵. Иными словами, произошла своеобразная инверсия, когда научные публикации «вдогонку» за партийными решениями или выступлениями партийных руководителей обосновывали и подкрепляли уже сделанные выводы и провозглашенные установки. Представляется, что на начальном этапе становления болгарской марксистской исторической науки такую инверсию можно объяснить и, вероятно, признать неизбежной. Вместе с тем следует констатировать, что исследовательская работа, ведущаяся «с оглядкой» на «мнение» партийного руководства, не может со временем не превратиться в тормоз на пути научного и теоретического осмысления исторического процесса. К сожалению, это явление, характерное отнюдь не только для болгарской историографии, оказалось весьма живучим, наблюдалось позднее, существует фактически и в наши дни, рождая «боязнь прикоснуться к проблемам, которые еще не входят составной частью в политические решения», ⁴⁶ или противостоять официальной точке зрения.

Различия в оценках I этапа, данных А. И. Соболевым и В. Червенковым, обусловили пристальное внимание болгарских ученых к качественному его содержанию. Основной тезис здесь: в канун 9 сентября страна стояла перед социалистической, а не буржуазно-демократической революцией, хотя значительный объем задач буржуазно-демократического характера сохранялся. Отдельные исследователи (Т. Павлов) в то время констатировали даже «преимущественное» решение буржуазно-демократических задач на I этапе революции ⁴⁷, хотя на общий вывод

о его характере эта констатация не влияла. Борьба против фашизма, за демократические права трудящихся являлась чисто тактической задачей. Лозунг правительства Народного фронта, следовательно, также был тактическим. Такой ход рассуждений был общепринятым и встречается с известными нюансами в многочисленных работах первой половины 50-х годов ⁴⁸.

Констатируя наличие диктатуры пролетариата в стране уже 9 сентября 1944 г., болгарские ученые оказались перед необходимостью объяснить и оценить ряд фактов, в том числе паритетное представительство политических партий ОФ, включая и буржуазный по характеру Народный союз «Звено», в первом правительстве. Отметим, что паритет служил одним из аргументов тем авторам, которые оспаривали вывод о социалистическом с самого начала характере революции. Контраргумент звучал следующим образом: коммунистическая партия, несомненно, являлась руководящей силой как в Отечественном фронте, так и в правительстве; элементы коалиционности во взаимоотношениях БРП(к) с другими партиями свидетельствовали лишь о «неполной» гегемонии партии ⁴⁹. Рабочий класс в союзе с трудящимися крестьянами, возглавляемый коммунистами, не делил власть с буржуазией, а реализовывал в условиях еще «недооформленной и неукрепленной диктатуры» свое «безраздельное господство», определял направление действий и их темпы ⁵⁰. Наличие вплоть до 1946 г. монархического института и регентства расценивалось как тактические действия пролетариата во имя сохранения и укрепления своей диктатуры в народно-демократической форме. Этот вывод встречается и в работах 70—80-х годов и, следовательно, соответствует современному состоянию изученности проблемы революции и характера власти ⁵¹.

Теория двух этапов в целом доминировала в болгарской историографии сравнительно недолго. Определенная переоценка международным коммунистическим движением подходов к проблеме многообразия путей к социализму, отразившаяся в выводах и решениях XX съезда КПСС, обусловила актуализацию проблематики народно-демократических революций. После апрельского (1956 г.) Пленума ЦК БКП вставшая перед болгарскими обществоведами в связи с преодолением последствий культа личности на национальной почве задача отказа от схематизма, упрощенческого и конъюнктурного подхода к историческому процессу, субъективизма ⁵² не могла не

затронуть трактовок и выводов В. Червенкова о характере революции и революционного процесса в Болгарии. Это объясняет новую волну интереса к данным проблемам, сосредоточение внимания исследователей на изучении и освещении конкретных вопросов социалистического строительства и его особенностей, на подведении итогов развития страны по пути социализма. В 1956—1957 гг. научная общественность вновь включилась в дискуссию о характере народно-демократической власти в Болгарии⁵³. Публикацией статьи Т. Павлова в советском журнале «Вопросы философии»⁵⁴ дискуссия вышла за национальные рамки, стимулировала советских ученых к определению собственной позиции. Хотя главным объектом критики по-прежнему оставались сторонники идеи «перерастания» революции, думается, что их ряды в Болгарии к тому времени весьма сократились и практически их участие в дискуссии было заочным.

Собравшийся в июне 1958 г. VII съезд БКП фактически подвел итоги обсуждения, дав следующую оценку классового содержания революции в Болгарии: «Народно-демократическая по форме революция в нашей стране с самого своего начала по своим закономерностям являлась повторением в главном Великой Октябрьской социалистической революции... продолжением дела Октябрьской революции... с самого начала она носит социалистический характер»⁵⁵. В отчетном докладе ЦК съезду признавался факт постепенного укрепления диктатуры пролетариата в форме народной демократии в процессе острой классовой борьбы (но не гражданской войны). Вместе с тем подчеркивалась ошибочность оценки задач общедемократического характера как задач буржуазно-демократической революции. В связи с этим был отброшен тезис о «превращении» или «перерастании» власти, установленной в ходе восстания 9 сентября. «По своему классовому характеру, как особо подчеркнул съезд, она всегда была властью социалистической в народно-демократической форме. Вследствие этого неправильны представления о наличии двух этапов в развитии классового характера и задач нашей народной власти»⁵⁶.

Таким образом, на VII съезде произошло официальное размежевание с научной позицией, защищавшейся некоторыми болгарскими и зарубежными, в том числе и советскими, учеными, согласно которой народная демократия проходила этапы, изменявшие ее классовую сущность. VII съезд ответил, по существу, ученым, признававшим

буржуазно-демократический этап развития народно-демократической революции. Но поскольку два этапа присутствовали в концепции, обоснованной В. Червенковым, то возникло представление, что были развенчаны присущие культуре личности установки.

После VII съезда вопрос о характере революции окончательно утратил дискуссионный характер. Начиная с 1958 г. болгарские исследователи демонстрируют полное единодушие в трактовке данного вопроса, освещение которого в работах 60—80-х годов ведется на уровне комментирования резолюции VII съезда. Критическая направленность выступлений болгарских авторов обращена теперь «вовне». Всем противникам партийного тезиса по вопросу о характере революции, писал Т. Павлов, пора «раз и навсегда примириться с обстоятельством, что их чрезмерно общие и негибкие формулировки должны быть оставлены по крайней мере по отношению к нашей, болгарской, народно-демократической по форме, социалистической по содержанию еще с 9 сентября революции. При новом издании своих трудов они должны отметить хотя бы одно — что по этому вопросу в НРБ уже есть ясно определенное и всеми признанное решение партийного съезда...»⁵⁷ Такая позиция руководителя Болгарской академии наук означала, по существу, стремление монополизировать право болгарских ученых на истину, отвергала саму возможность появления других точек зрения по данному вопросу среди зарубежных исследователей.

На рубеже 50—60-х годов к изучению проблематики народно-демократической революции в Болгарии активно подключились историки⁵⁸. Введение в научный оборот многообразного фактического материала, освоение целых архивных «пластов» положительно сказалось на качестве исследований в целом. Однако применительно к рассматриваемой проблеме новые работы демонстрировали в значительной степени «повторение пройденного». Внимание большинства ученых по-прежнему сосредоточивается на обосновании объективной обусловленности социалистического характера революции «относительно малым объемом» буржуазно-демократических задач⁵⁹. Отдельные авторы констатируют социалистическую направленность деятельности БКП, организовавшей массы в годы антифашистского Сопротивления на борьбу против национальной буржуазии, т. е. непосредственно за диктатуру пролетариата⁶⁰. Вместе с тем появляются работы, обоснован-

но критикующие такие подходы как попытку «возвести собственное нетерпение в степень теоретического аргумента», как отступление от сущности марксистской диалектики, подмену конкретного анализа конкретной ситуации «перечнем специально подобранных цитат и их предвзятой интерпретацией», сознательное замалчивание не подходящих к случаю теоретических положений и исторических фактов⁶¹.

В конце 50-х годов в научную литературу вводится тезис о главном и основном противоречиях общественного развития⁶². Разрешение главного противоречия между фашизмом и демократией осознавалось всеми антифашистскими патриотическими силами как общенациональная задача № 1, как условие дальнейшего демократического и прогрессивного развития страны. В отличие от него основное противоречие — между трудом и капиталом, рабочим классом и буржуазией — носило формационный характер. По мысли болгарского исследователя М. Исусова, главное противоречие было разрешено в сентябре 1944 г., когда в общих чертах завершился демократический этап развития революционного процесса. Началась эпоха глубоких общественных революционных преобразований, которые, взятые в совокупности, разрешили основное противоречие болгарского общества⁶³.

Одновременно в исторической литературе проявилась другая тенденция — вынести на передний план противоречие формационного характера, т. е. между трудом и капиталом, уже на этап антифашистского Сопротивления. Ясно формулирует такой подход И. Димитров, подчеркнувший, что при все более явной безысходности и бесперспективности монархо-фашизма основной конфликт очерчивается не по линии «фашизм—демократия», а по линии «капитализм—социализм»⁶⁴.

Наконец, имеется и еще одна интерпретация тезиса о противоречиях: констатация их тесного переплетения и частичного совпадения. Ее сторонники отмечали, что пролетариат, представлявший революционную сторону основного противоречия, одновременно являлся основным и руководящим ядром той патриотической и антифашистской части народа, которая составляла революционную сторону главного противоречия. Отсюда вывод: в условиях Болгарии разрешение главного противоречия означало одновременно и разрешение основного противоречия в политической сфере, ибо победа антифашистских патриотических сил в то же время означала и победу пролетариата⁶⁵.

Против отождествления основного и главного противоречий решительно возражают другие историки, в том числе известный своими работами, посвященными стратегии и тактике БКП в межвоенный период и в годы антифашистской борьбы в Болгарии, С. Петров ⁶⁶.

В отдельных работах последних лет наблюдается возврат к тональности резкого осуждения «неправильных», «ненаучных» позиций и оценок, или, иными словами, тех, которые отличаются от официальной, закрепляется восходящий ко взглядам Т. Павлова вывод о «единственно правильной и научной точке зрения на характер народно-демократической революции в Болгарии», данной VII съездом БКП ⁶⁷.

В 80-е годы в болгарской историографии появлялись явно конъюнктурные работы о вкладе Т. Живкова в развитие теории революции в Болгарии. Болгарскому руководителю отводится решающая роль в разработке решений VII съезда, отмечается, что принятое в национальной историографии определение «социалистическая революция 9 сентября» принадлежит Т. Живкову ⁶⁸. Подчеркивание этого факта означало отказ от любых предложений об уточнении данного термина. (Отметим, что видный болгарский ученый академик Хр. Христов полагает, что правильное и точнее было бы ввести определение «Сентябрьская социалистическая революция») ⁶⁹.

Таким образом, для болгарской историографии в целом характерна, на наш взгляд, известная пестрота мнений, оценок и позиций по рассматриваемому вопросу. Но эта разнородность взглядов имеет одну особенность принципиального свойства: она касается исходных предпосылок и аргументов, не посягая при этом на окончательные выводы, которые у всех исследователей одинаковы и подтверждают оценку VII съезда партии, закрепленную в принятой в 1971 г. программе БКП ⁷⁰. Картина, как нам кажется, в известной мере парадоксальная и свидетельствует, видимо, о преимущественно дедуктивном методе исследования, применяемом большинством болгарских авторов, когда конкретный факт занимает подчиненное идеологической установке место. Вероятно, отсюда вытекает необходимость нового обращения к историческим источникам, их объективного прочтения и интерпретации.

Что касается советской историографии, то здесь с начала 50-х годов доминировала позиция двух этапов народно-демократической революции в трактовке А. И. Со-

болева. Применительно к Болгарии ее обосновывали экономист В. Н. Стародубровская, философ Ф. Т. Константинов, юристы В. Д. Данилов, Б. В. Щетинин и ряд других исследователей⁷¹. Во втором издании своей книги Ф. Т. Константинов, правда, несколько скорректировал точку зрения, сблизив ее с выводами о двух этапах в «варианте» В. Червенкова. На I, демократическом этапе Константинов признавал в качестве главных и определяющих демократические и общенациональные задачи, хотя соглашался с постановкой в это время ряда антикапиталистических, социалистических задач. К их числу он относил введение рабочего контроля в промышленности, государственный регламент условий производства и распределения сырья, прогрессивное налогообложение, политику цен, конфискацию имущества и капиталов, нажитых незаконным путем и спекуляцией, и пр. II этап Константинов определял как социалистический⁷². Примерно аналогичную точку зрения разделяли в эти годы юрист Б. Аратский, историки М. А. Бирман, Л. Б. Валева и другие. Согласно этим авторам, на I, демократическом этапе шло становление и укрепление народно-демократического государства как своеобразной формы диктатуры пролетариата, а II этап связывался с построением фундамента социалистической экономики⁷³.

Своего рода «промежуточной» или «переходной» была позиция коллектива авторов 2-го тома советской «Истории Болгарии», вышедшей в 1955 г. Автором большого раздела, хронологически ограниченного 1944 г. — началом 50-х годов, был Л. Б. Валева. В этом труде он выступил с точкой зрения, согласно которой народно-демократическая власть по классовому содержанию была революционно-демократической диктатурой пролетариата и крестьянства, которая практически сразу же начала перерастать в диктатуру пролетариата. Завершился этот процесс к концу 1947 г.⁷⁴ Впоследствии позиция Л. Б. Валева изменилась. Выступая в октябре 1976 г. на II конгрессе Болгарского исторического общества, ученый констатировал, что народно-демократическая власть в Болгарии с самого начала выполняла специфические функции диктатуры пролетариата, и отверг наличие демократического этапа в развитии революции в стране⁷⁵.

Ряд авторов подчеркивали социалистический с самого начала характер революции в Болгарии⁷⁶, но в первой половине 50-х годов эта позиция не получила особого распространения.

После XX съезда КПСС в связи с постановкой ряда важных теоретических проблем интерес советских исследователей к изучению характера и этапов развития революционного процесса в странах региона заметно возрос. Стимулировала его и дискуссия, открытая на страницах журнала «Вопросы философии» публикацией уже упоминавшейся статьи Т. Павлова. (В 1957 г. этот же журнал поместил в порядке обсуждения статью чехословацкого автора Й. Быстржины, обосновывавшего социалистический характер революции в Чехословакии ⁷⁷.)

Развернутая концепция революционного процесса в странах Центральной и Юго-Восточной Европы была изложена в специальном сборнике, посвященном проблемам народной демократии и подготовленном в Институте философии АН СССР ⁷⁸. В авторский коллектив вошли Ф. Т. Константинов, А. И. Соболев и другие ученые. Качественно новым моментом явилась попытка исследователей дифференцировать этапы революции и этапы развития строя народной демократии и в то же время установить характер корреляции между ними. В результате исследования констатировалось, что I этапу развития строя народной демократии (хронологически определявшемуся 1944/45—1947/48 гг.) соответствовал этап революции в странах региона. Качественное содержание I этапа сводилось к демократическим преобразованиям и борьбе за установление диктатуры пролетариата. С точки зрения развития революции в это время завершается общедемократическая революция и происходит ее перерастание в социалистическую. II этап развития строя народной демократии (после 1947/48 г.) связывался с установлением государственной формы диктатуры пролетариата и началом эпохи строительства социализма ⁷⁹. В свою очередь, этап революции распадался также на два этапа. По мысли А. И. Соболева, I стратегический этап завершился в основном в 1945 г. решением антиимпериалистических, антифеодальных задач. За ним следовал II стратегический этап — этап социалистической революции и борьбы за диктатуру пролетариата. Это было время, когда «антиимпериалистическая, антифеодальная революция постепенно перерастает в социалистическую». Применительно к Болгарии завершение II стратегического этапа определялось концом 1947—1948 г. ⁸⁰

Видимо, следует признать, что изложенная в сборнике концепция народной демократии получила большую стройность и завершенность, ее основные положения широко

использовались в советском обществоведении при создании разного рода работ⁸¹.

Тем не менее вопрос о характере революций в странах Центральной и Юго-Восточной Европы продолжал оставаться спорным. Это констатировало прошедшее в 1962 г. Всесоюзное координационное совещание по изучению истории социалистического строительства в европейских странах народной демократии. На нем, в частности, подчеркивалось «отсутствие серьезных исторических трудов, содержащих конкретное изложение хода событий и их углубленный марксистско-ленинский анализ»⁸². Проецируя эту оценку на изучение истории Болгарии, следует признать, что в 60-е годы советские ученые немало сделали для изучения обстановки в стране накануне 9 сентября 1944 г. и после установления народно-демократической власти. Определились полярные точки зрения в оценках характера революции в Болгарии. Одни авторы подчеркивали общедемократический характер развития революции на I этапе, имевшем в основном антиимпериалистическое, антифашистское и антифеодальное содержание. Это сочетание обусловило складывание, по сути, нового вида демократической революции, характерной для второго этапа общего кризиса капитализма и перерастающей в социалистическую. Власть народа по классовой сущности представляла как одна из форм революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства. Обе революции рассматривались как этапы единого революционного процесса⁸³.

Другие авторы (среди них постепенно стали преобладать болгаристы) отрицали наличие этапов, в частности буржуазно-демократического, и перерастание революции, т. е. преобразование сущности власти. Тем самым признавался социалистический с самого начала характер революции в стране⁸⁴.

Сформулирована была и такая точка зрения, согласно которой народно-демократическая власть содержала элементы диктатуры пролетариата, постепенное накопление которых шло до конца 1947 г., т. е. утверждение о наличии в Болгарии диктатуры пролетариата уже 9 сентября 1944 г. объявлялось неверным⁸⁵.

Спорные оценки существуют и сегодня. Вместе с ними имеет место и фактический уход советских исследователей от углубленного анализа этих вопросов. Сохраняется положение, типичное для начала 70-х годов, когда, как отмечал Л. Б. Валев, мнения по вопросу о характере рево-

люции в Болгарии высказывались как бы мимоходом ⁸⁶. Над большинством советских авторов все еще довлеет представление, что нельзя подвергать сомнению точку зрения, зафиксированную в специальном решении съезда братской партии и в ее программе. Одним из аргументов служит тот факт, что в официальных документах советского партийного и государственного руководства, обращенных к болгарской стороне, также говорится о социалистической революции в Болгарии.

В связи со всем вышесказанным интересны, на наш взгляд, и различные оценки перспектив изучения вопросов народно-демократической революции в Болгарии советскими исследователями. Здесь мнения также расходятся. Одни ученые полагают, что отсутствие единой позиции свидетельствует в пользу продолжения исследовательской работы ⁸⁷. Другие считают целесообразным «закрыть дискуссию», «не публиковать дальше противоречивых материалов» в условиях, «когда анализ приобрел необходимую точность, когда решения БКП и исследования болгарских и советских историков дали неопровержимые документы и доказательства социалистического характера Сентябрьской революции в Болгарии» ⁸⁸.

Представляется, что такой подход, далекий от научного, едва ли можно считать обоснованным и целесообразным. Волевой нажим вместо углубленного изучения, освоения новых и переосмысления старых источников не может сослужить добрую службу науке.

Как подчеркивалось выше, общие оценки характера революции в Болгарии и установленной в сентябре 1944 г. власти непосредственно влияли на подходы к изучению всего начального этапа послевоенной истории страны, охватывающего 1944—1948 гг.

В центр внимания болгарских исследователей начиная с конца 50-х — начала 60-х годов постепенно попадают практически все аспекты революционно-преобразовательной деятельности коммунистической партии и правительства. Это дало основание на конференции по проблемам болгарской историографии после второй мировой войны, проведенной в 1972 г. Болгарским историческим обществом, констатировать, что «проблемам начального периода социалистической революции посвящена преобладающая часть наиболее серьезных и основанных на богатой документальной базе исследований» ⁸⁹. Тематический спектр их постоянно расширяется. Детальную разработку получают такие важные вопросы, как формы и развитие

классовой и политической борьбы в стране в указанный период, социально-классовая природа и цели оппозиционных партий, роль комитетов ОФ в становлении и укреплении народной власти, возникновение и развитие рабочего контроля над производством, структура и функции рабочего класса и его участие в социально-экономических преобразованиях и целый ряд других. Болгарские исследователи активно изучают процесс социально-экономических, политических и культурных преобразований народной власти. Работы П. Аврамова, Л. Асланова, О. Асланияна, Б. Благоева, Р. Богдановой, Л. Василева, Й. Зарчева, З. Златева, М. Исусова, Д. Луджева, Г. Манафова, Б. Матеева, В. Мигева, М. Минчева, В. Никовой, П. Остоича, П. Петкова, Б. Симова, М. Трифионовой, В. Чичовской и других болгарских ученых составляют добротную основу для последующих исследований.

Вместе с тем на упомянутой конференции указывалось на необходимость выяснения «механизма разработки и осуществления политического курса ОФ в 1944—1948 гг.», «характера, содержания и основных целей экономической программы и политики народно-демократической власти»⁹⁰.

С середины 60-х годов, когда история Отечественного фронта по существу превратилась в самостоятельную проблему⁹¹, обостряется интерес к вопросам, связанным с генезисом и функционированием ОФ. В кругу рассматриваемых сюжетов находят свое место и его программные документы. Среди них Декларация правительства Отечественного фронта от 17 сентября 1944 г. предстает как отправная точка для исследователей. Ни одна работа по истории народно-демократической Болгарии не обходит вниманием этот документ. При этом оценки его характера существенно расходятся, не выяснены пока идейные истоки Декларации, процесс ее разработки. Это не осталось незамеченным, и, что характерно, прежде всего исследователями, работающими на материалах региона Центральной и Юго-Восточной Европы и имеющими возможность непосредственно сравнить степень изученности аналогичных документов антифашистских фронтов⁹². Ими отмечено, что анализ процесса разработки программы от 17 сентября, разбор позиций политических сил, участвовавших в ее подготовке, могли бы существенным образом расширить возможность изучения экономической политики БРП(к) в условиях развития революционного процесса после 9 сентября⁹³.

К настоящему времени в болгарской и советской историографии существуют различные, в том числе и взаимоисключающие, оценки характера программы, и прежде всего ее экономических разделов, являвшихся центральными с точки зрения определения социальной направленности этого документа.

Большинство болгарских ученых выступают с единой в целом точкой зрения по этому вопросу, признают в демократической по характеру программе наличие известных антикапиталистических задач (И. Димитров, М. Исусов)⁹⁴. М. Исусов четко дифференцирует характер задач в политической и экономической сферах. «Программа, — пишет он, — содержала широкий круг демократических задач в политической области: восстановление Конституции и всех прав и свобод болгарского народа; переустройство государства сообразно свободно проявленной воле народа; чистка всего государственного аппарата от антинародных элементов; полная свобода и религиозная терпимость; доступное и широкое просвещение народа и др. Одновременно программа правительства содержала ряд антикапиталистических задач в экономической сфере: конфискация имущества и капиталов, нажитых спекуляцией и взяточничеством; отмена частных хозяйственных монополий и их привилегий; ликвидация паразитической промышленности и социально вредного посредничества и др. Предусматривалось проведение широкого круга социальных мероприятий, которые затрагивали непосредственные интересы трудящихся»⁹⁵. Эту точку зрения разделяют В. Йотов, Л. Огнянов и другие историки⁹⁶. Некоторые авторы (З. Златев и особенно Д. Шарланов и В. Бонев⁹⁷) стремятся подчеркнуть прежде всего антикапиталистическую направленность программы, в значительной степени распространяя свою оценку и на политическую сферу. В болгарской историографии встречается также и заключение о социалистическом характере программы, предложенное К. Куковым⁹⁸. Но эта позиция не получила поддержки у других авторов и стала объектом критического выступления С. Петрова⁹⁹. Таким образом, вопрос о том, насколько «социалистична» была антикапиталистическая по характеру программа, остается актуальным.

В советской историографии также встречаются неоднозначные оценки программы. Их можно разделить на три группы. Первая связана с констатацией наличия и даже преобладания в документе буржуазно-демократических

лозунгов (В. Д. Мозеров)¹⁰⁰. Вторая — с признанием его явного антикапиталистического характера (М. Е. Позолотин)¹⁰¹. И наконец, третья — самая, пожалуй, многочисленная — признающая антифашистский, общедемократический характер программы (Р. П. Гришина, Л. Б. Валев, А. А. Копылов и др.)¹⁰². Предпринятые советскими учеными в 70-е годы сравнительно-типологические исследования социально-экономических преобразований в странах региона в период народно-демократических революций привели к появлению более развернутых характеристик программы в сопоставлении ее с аналогичными документами антифашистских фронтов стран региона. В результате такого исследования к признанию фактически антикапиталистического характера программы от 17 сентября добавилось интересное наблюдение о ее внешне более умеренном характере по сравнению с первыми программами национальных фронтов Венгрии и Румынии¹⁰³.

Неоднозначно решается исследователями вопрос о формулировках отдельных пунктов программы. Например, Р. П. Гришина отмечает недостаточно четкую разработку экономической части программы, использование таких неясных формулировок, как «экономически и социально вредное посредничество», «паразитическая промышленность» и пр.¹⁰⁴ Исследовавший аспекты политической борьбы в Болгарии Н. К. Конаков, соглашаясь с наличием в программе неясных формулировок, пришел к заключению, что они давали возможность «организовать широкое наступление на частный капитал»¹⁰⁵. Г. П. Мурашко считает, что употребление понятий, свойственных прежде всего идеологии мелкобуржуазного ВЗНС, было не случайным и раскрывало стремление коммунистов сделать программу близкой и понятной широким массам болгарского крестьянства¹⁰⁶.

Обращает на себя внимание тот факт, что столь разнящиеся выводы о характере программы, по существу, опираются на один и тот же круг фактического материала, по-разному интерпретируемого. Отсюда наличие разных оценок одних и тех же пунктов документа. Очевидно, что этого можно было бы избежать, рассмотрев процесс создания программы и выявив, в частности, ее истоки. Однако пока такая работа исследователями в достаточной степени не проведена. Авторы ограничиваются, как правило, либо констатацией, что положения программы отвечали в значительной степени традиционным представле-

ниям и стремлениям мелкобуржуазных масс (З. Златев)¹⁰⁷, либо видят в Декларации от 17 сентября прежде всего развитие и конкретизацию в новых исторических условиях положений первой программы ОФ (июль 1942 г.) (Л. Б. Валиев, И. Зарчев, С. Петров, Б. Боев)¹⁰⁸. В последнее время наметился также весьма интересный и перспективный, на наш взгляд, подход к рассмотрению программы от 17 сентября в одном ряду с основополагающими документами болгарской компартии межвоенного периода. В связи с этим особый интерес представляет работа Л. Василева¹⁰⁹.

В исторической литературе прочно утвердился вывод о компромиссном характере программы от 17 сентября. Однако остается открытым вопрос о характере этого компромисса, о том, каким партиям и в какой степени удалось закрепить в общем документе свои программные требования, как соотносились эти требования с глубокими переменами, происходившими в стране, какие перспективы связывали партии ОФ с реализацией намеченной программы.

Рассмотревший экономическую политику народной власти непосредственно после 9 сентября З. Златев высказал мнение о наличии в программе «существенных пробелов» (отсутствие в документе специальных пунктов о росте промышленного и сельскохозяйственного производства, борьбе со спекуляцией и черным рынком, инфляцией, об организации снабжения населения необходимыми товарами и продовольствием и т. д.)¹¹⁰. Причины этого автор с определенностью усматривает в «нехватке времени», отпущенного на разработку правительственной Декларации, в невыясненности ряда проблем и направлений деятельности Совета министров в будущем, в существенных различиях программных целей отдельных партий ОФ. Выстроенная З. Златевым «иерархия» причин, где первое место отведено дефициту времени, невольно наводит читателя на мысль о случайном выпадении ряда важных пунктов из правительственной программы, что, на наш взгляд, требует дополнительной аргументации. Видимо, уместна была бы и попытка объяснить, случайно ли именно эти пункты остались «за бортом» программного документа.

Важное значение имеет рассмотрение вопроса о том, какие альтернативные программы были выдвинуты в болгарском обществе, в том числе и исходившие от партнеров коммунистов по ОФ, по мере размежевания полити-

ческих сил внутри и вне фронта. Примечательно, что в национальных историографиях Польши, Чехословакии, Венгрии проблема формирования и эволюции программ антифашистских фронтов изучена достаточно полно и всесторонне, нередко на монографическом уровне. Не случайно в исторической литературе уже констатировалось известное отставание в разработке указанных вопросов на болгарском материале, обусловленное фактическим уходом исследователей от ответа на поставленные вопросы ¹¹¹.

Автор данной монографии видит свою задачу в том, чтобы попытаться восполнить имеющиеся пробелы и, опираясь на программные документы болгарских политических партий, относящиеся к межвоенному периоду, реконструировать процесс разработки и принятия программы, определить ее социальную направленность. Рассмотрение хода реализации программы, осуществлявшейся в условиях острого классового противостояния и появления альтернативных программ развития из среды буржуазных и мелкобуржуазных партий, даст возможность проследить, как в конкретных условиях Болгарии широкий межклассовый союз демократических сил, сложившийся в годы борьбы против антинародного режима, трансформировался в союз антикапиталистический, какова роль программы от 17 сентября в этом процессе. Исследование этих вопросов позволяет автору внести свою посильную лепту в изучение дискуссионного вопроса о характере революции в Болгарии. Хронологически изложение материала доведено до выборов в Великое Народное собрание в октябре 1946 г., политические итоги которых отразили фактически наступление переломного момента в развитии революционного процесса в стране. Исследование опирается на широкий круг материалов и документов из различных архивохранилищ СССР и НРБ, в частности, из Центрального государственного архива Октябрьской революции, высших органов государственной власти и государственного управления, Центрального архива Министерства обороны СССР в г. Подольске, Центрального государственного архива НРБ, Центрального архива ЦК БКП, Софийского городского архива БКП, Научного архива БАН, Софийского городского и окружного государственного архива, окружных государственных и партийных архивов Стара-Загоры и Плевена.

Важное место среди использованных материалов занимают периодические издания политических партий страны за 1944—1948 гг.: газеты «Работническо дело», «Отечествен фронт»; печатные издания БЗНС — «Земеделско знаме», «Земеделска мисъл», «Земя и труд», «Стожер»; газеты и журналы Народного союза «Звено» — «Изгрев», «Бразда», «Балкански преглед», «Политика»; орган БРСДП — «Народ»; издание Радикальной партии газета «Радикал». Использовалась периодика оппозиционных партий — газеты «Знаме», «Народно земеделско знаме», «Свободен народ», а также издания анархо-коммунистов и анархо-синдикалистов («Работническа мисъл» и «Работническа солидарност») и некоторые другие материалы.

БОЛГАРСКОЕ БУРЖУАЗНОЕ ОБЩЕСТВО: ХАРАКТЕРНЫЕ ЧЕРТЫ И НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ РАЗВИТИЯ

§ 1. Социально-экономический облик Болгарии в межвоенный период и в годы второй мировой войны

В канун второй мировой войны Болгария являлась одной из экономически отсталых европейских стран. Хотя ее относили к числу государств, где капитализм достиг среднего уровня развития, за такой характеристикой скрывались весьма противоречивые процессы, связанные с многочисленными диспропорциями и многоукладностью экономической структуры. В последней количественно преобладали формы, свойственные раннекапиталистическому периоду. Болгарская экономика носила подчеркнуто аграрный характер. В сельском хозяйстве было занято около 80 % самодеятельного населения страны. В совокупном общественном продукте 1939 г. на долю сельского хозяйства приходилось 53,83 %, промышленности — 27,49 %, торговли — 10,34 %¹. Доминирующее положение аграрной отрасли в экономической структуре Болгарии свидетельствовало о крайней неактивности и непроизводительности народного хозяйства: сельское хозяйство большую часть своей продукции производило в виде средств производства, в то время как наиболее революционным элементом развития производительных сил являются средства труда, причем произведенные в промышленности. Прогрессивное развитие страны было возможно на путях ее индустриализации, однако достичь серьезного рывка в промышленности в межвоенный период не удалось. В 1939 г. около 94 % экспорта приходилось на сельскохозяйственную продукцию², причем не требовавшую промышленной обработки. В структуре экспорта преобладали табак, битая и живая птица, яйца, фрукты, овощи.

Играя столь значительную роль в экономике страны, сельское хозяйство оставалось при этом мелкокрестьянским, крайне отсталым. Обработываемая земля в середине 30-х была раздроблена примерно на 12 млн участков. Одно хозяйство включало, как правило, 10—15 таких участ-

ков, да еще территориально разобщенных. Сильная чересполосица была характерной чертой болгарского сельского хозяйства. В межвоенный период наблюдалась тенденция роста числа участков при одновременном сокращении среднего размера каждого из них. Если, по переписи 1926 г., на одно хозяйство приходилось 13,2 участка площадью в среднем 4,7 декара *, то в 1934 г. — 13,4 участка по 3,7 декара в среднем ³. Одна из причин столь масштабного процесса раздробления земель заключалась в неспособности промышленности поглотить быстро растущее сельское население. По сведениям академика Ж. Натана, в результате сравнительно высокого естественного прироста население Болгарии в 1910—1934 гг. увеличилось на 1,81 млн человек. В те же годы число занятых в промышленности рабочих возросло всего на 50—60 тыс. человек, что было обусловлено медленным и ограниченным характером индустриализации страны ⁴. Состояние сельского хозяйства, не обеспечивавшего полной занятости крестьян, обусловило огромную безработицу, главным образом скрытую. Данные на этот счет расходятся и колеблются от 1110 тыс. до 1200 тыс. человек ⁵. Болгарские экономисты считают, что в 1935—1936 гг. немногим более половины (52 %) рабочих рук, сосредоточенных в сельском хозяйстве, использовались круглогодично. Особенно тяжелыми для сельского населения бывали зимние месяцы, когда лишь около 30 % имевшейся рабочей силы можно было обеспечить работой ⁶. С сильной раздробленностью обрабатываемых земель связана была и исключительно слабая техническая оснащенность сельского хозяйства: основной тягловой силой служил преимущественно крупный рогатый скот. Однако более 20 % хозяйств вовсе не имели тягловой силы. Деревянная соха, допотопная диканя ** были обычным явлением в болгарской деревне. По числу используемой сельскохозяйственной техники Болгария занимала одно из последних мест в Европе. В 1939 г. один трактор приходился на 2400 га земли. По переписи 1934 г., в стране имелось 3 тыс. тракторов и немногим более 1,5 тыс. плужных комплектов ⁷. В последующие годы число тракторов, правда, несколько увеличилось, но большая их часть использовалась не по прямому назначению — для обработки земли,

* 1 декар = 0,1 га.

** Диканя — орудие для молотбы в виде доски со вбитыми снизу острыми кремневыми камнями.

а в качестве двигателей для проведения других сельскохозяйственных работ, например веяния. Очевидно, что в сельском хозяйстве страны не только не существовала необходимая техническая база, но и имевшаяся техника использовалась далеко не с максимальной эффективностью. Не случайно болгарские исследователи, изучавшие состояние сельского хозяйства, констатировали его крайнюю отсталость, не дававшую возможности применить на практике достижения аграрной науки, передовые приемы полеводства и т. п.⁸ Раздробленность земель, слабая техническая оснащенность, крайне недостаточная степень применения импортируемых химических удобрений обусловили низкую урожайность сельскохозяйственных культур и слабую продуктивность животноводства, невысокую доходность и малую товарность сельского хозяйства в целом *.

По своей социальной структуре болгарская деревня в основном была середняцкой. Хозяйства размером от 3 до 10, а в некоторых случаях и до 15 га сосредоточивали свыше 60 % всей обрабатываемой земли и были серьезной экономической силой главным образом потому, что занимались выращиванием технических культур. В численном выражении эта группа сельского населения составляла около 353 тыс. человек. Верхний слой середняков передко имел рабочий скот и собственный сельскохозяйственный инвентарь, в напряженные периоды сезонных работ мог использовать и наемный труд. В то же время нижний слой середняков, не имея достаточно земли, часто выступал как источник рабочей силы, пополняя ряды наемных рабочих. К середине 30-х годов число последних составило 195 тыс. человек. Сельский полупролетариат составляли 65 тыс. крестьян, чьи наделы были менее 1 га. Участками от 1 до 3 га владели бедные крестьяне. Таких насчитывалось около 340 тыс. человек. И наконец, сравнительно малый слой деревенских собственников — 25 тыс. семей, или 3,3 % всех сельских хозяйств, — составляла буржуазия. По размеру земельных наделов последняя не всегда отличалась от середняка. Вла-

* Средний доход с 1 га обрабатываемой земли в Болгарии хотя и соответствовал доходу в других Балканских странах, но в 3—5 раз уступал аналогичным данным по Чехословакии, Германии, Бельгии и другим развитым капиталистическим странам. На рынок шло обычно около $\frac{1}{3}$ сельскохозяйственной продукции, а остальная часть потреблялась самими крестьянами-производителями.

дея зачастую 5—10 га, она, как правило, вела хозяйство интенсивного типа. В отличие от других стран сельский буржуа в Болгарии гораздо менее активно использовал наемный труд, сам постоянно участвовал в сельскохозяйственных работах, был исключительно тесно связан с остальным крестьянством бытом, традициями, культурой. Капиталистическое накопление он осуществлял главным образом путем посредничества между крупным торговым, банковским и промышленным капиталом и остальными слоями сельского населения, а кроме того, вкладывал значительную часть средств в содержание мельниц, сельскохозяйственного инвентаря, шерстечесальных машин, деревенских корчм и бакалейных лавок, по этим каналам эксплуатируя сельское население. Эти особенности читателю следует иметь в виду, формируя собственное представление о болгарском кулаке, несколько отличающееся от традиционного.

Неспособность сельского хозяйства в силу своей отсталости соответствовать потребностям промышленного развития страны, обусловила принятие государством специальных мер, направленных на регламентацию продажи сельскохозяйственной техники частным хозяйствам и кооперативам, снабжение деревни сортавыми семенами. В 1930 г. была образована Дирекция по закупкам и экспорту зернопродуктов («Храноизнос») — государственно-монополистическая организация, постепенно сосредоточившая в своих руках исключительное право закупок и продажи зерновых продуктов, определявшая цены на внутреннем рынке.

Болгарская промышленность, так же как и сельское хозяйство, отличалась слабой степенью развития и плохой технической базой. Характерной ее чертой являлась концентрация подавляющего числа предприятий всего в нескольких районах страны: по данным 1937 г., в 5 окрестностях — Софийской, Пловдивской, Русенской, Варненской и Габровской, — охватывавших лишь 8 % территории страны и 9,3 % населения, производилась половина всей промышленной продукции⁹. В структуре промышленности преобладали пищевая, табачная и текстильная отрасли. Так, в 1939 г. на долю пищевой и табачной промышленности приходилось более 51 % всей промышленной продукции. Текстильная и швейная промышленность давали около 20 %. Для сравнения: доля металлообрабатывающей промышленности составляла всего 2,9 %¹⁰. Эта «однобокость» развития национальной индустрии со-

храпалась на протяжении всей истории капиталистической Болгарии и преодолена была только усилиями народно-демократической власти в результате индустриализации страны. Важнейшие отрасли тяжелой промышленности (металлургия, машиностроение, химическая промышленность) находились в зачаточном состоянии. Несколько лучше обстояли дела в отраслях, связанных с разработкой и эксплуатацией природных ресурсов (добыча угля, лесоразработки). В целом в 1939 г. удельный вес производства средств производства (группа «А») в общем промышленном производстве Болгарии составил 22,6 %, тогда как на долю группы «Б» (производство предметов потребления) приходилось 77,4 %¹¹. При этом следует иметь в виду, что средства производства шли на воспроизводство лишь части постоянного капитала группы «Б», по не самой группы «А». Воспроизводство же постоянного капитала группы «А» и более сложных средств производства для группы «Б» осуществлялось за счет импорта из-за границы¹².

В конце межвоенного периода развитие болгарской промышленности не могло вселять оптимизма: темпы роста по группе «А» значительно снизились. Если за десятилетие 1921—1929 гг. доля этой группы возросла на 10,1 %, составив 22,3 %, то за последующий равновеликий период она увеличилась всего на 0,3 %, достигнув 22,6 %¹³. Эти цифры позволяют констатировать, по существу, застойное состояние производства средств производства, четко отразившее факт замедления развития производительных сил и технического прогресса страны даже по сравнению с теми скромными результатами, которые были достигнуты к 1929 г.

Низкий технический уровень и, как следствие, высокая себестоимость продукции обуславливали слабую конкурентоспособность болгарских промышленных изделий на внешнем рынке. Отсюда их малый удельный вес в экспорте страны: лишь 6,6 % общего дохода от экспорта.

Слабое развитие болгарской промышленности вместе с тем сопровождалось неуклонным развитием процесса концентрации производства. В 1940 г., к примеру, 40 % всех рабочих трудилось на 94 наиболее крупных предприятиях страны с числом рабочих 200 и более человек¹⁴. В целом в канун войны в промышленности было занято около 140 тыс. рабочих, из которых примерно 90 тыс. являлись кадровыми, а остальные (до 50 тыс.) считались более-менее временной рабочей силой¹⁵. По

своему менталитету такие рабочие занимали некую переходную ступень от сельской бедноты к промышленному пролетариату.

Характерным явлением в развитии капиталистической экономики было усиление концентрации и централизации капитала, позиций капиталистических монополий. Особенно заметным этот процесс был в банковском и страховом деле, но он не обошел и промышленность: в 1935—1939 гг. в стране было зарегистрировано 35 монополистических объединений, из них 30 в индустрии¹⁶. В капун войны небольшая группа крупных капиталистов контролировала более половины всех частных капиталов и всего производства в важнейших отраслях промышленности. Например, четыре крупных предприятия сосредоточили $\frac{4}{5}$ капитала частных акционерных обществ в горнорудной промышленности; в частнокапиталистическом производстве электроэнергии 80 % всего инвестированного в эту отрасль капитала принадлежало двум фирмам. Аналогичное положение сложилось в текстильной промышленности, где 30 акционерным обществ принадлежало около 70 % всего капитала этой отрасли, причем из этих 30 обществ 13 наиболее крупных (с капиталом более 20 млн левов каждое) контролировали почти 50 % всего капитала отрасли¹⁷.

Подобная картина наблюдалась и в области кредита: в 1939 г. так называемая пятерка (крупнейшие банки — Франко-болгарский, Кредитный, Итало-болгарский торговый, Болгарский торговый и «Болгарский кредит») держала в своих руках более 50 % капитала всех центральных и периферийных акционерных банков страны¹⁸.

В ряде отраслей болгарской экономики доминировали акционерные общества с иностранным капиталом. Участие в акционерных обществах являлось основной формой проникновения иностранного капитала в экономику страны. В 1939 г. его доля составила в торговле 30,9 %, на транспорте — 37, в страховом деле — 23,8, в кредите — 20,6, в промышленности — 21,6 %. Сильными были позиции иностранного капитала в акционерных обществах, занимавшихся экспортно-импортными операциями: ему принадлежало 38,2 % капитала¹⁹.

В конце межвоенного периода начался отлив французского, бельгийского, швейцарского, американского и английского капитала из экономики Болгарии, в которой он ранее занимал прочные позиции. Его акции распродавались болгарским государственным и частным пред-

приятиям. Этот процесс обуславливался изменением международной обстановки в целом, вполне определившейся ориентацией болгарских правящих кругов на гитлеровскую Германию. В силу этого указанное уменьшение иностранных капиталовложений в экономику страны не относилось к германским и итальянским капиталам. Наоборот, в 1935—1939 гг. капиталовложения Германии фактически утроились, а Италии — удвоились²⁰. Позиции германского капитала особенно усилились в самый канун второй мировой войны: в его руки перешло акционерное общество «Пирин» — концессионер и собственник свинцовых и цинковых рудников в Родопях, угольных шахт в ряде околий и др. К этому же времени относится основание немецким капиталом акционерного общества «Эрц», получившего концессию на добычу руд в Родопях. В 1939 г. в руки связанного с немецким и швейцарским капиталом акционерного общества «Гранитоид» перешло общество «Вулкан» — обладатель концессии на добычу бурого угля в Чирпанской околии. Это перечисление может быть продолжено. Главная линия здесь просматривается четко: германский капитал подчинил в Болгарии немало фирм с болгарским, западноевропейским или смешанным капиталом, стал создавать новые фирмы или их филиалы и акционерные общества.

Наиболее распространенной формой монополистических объединений в стране являлись картели. К примеру, одно из крупнейших акционерных обществ — «Петрол» являлось картелем болгарских филиалов всемирно известных нефтяных монополий «Ройял датч шелл», «Стандарт ойл компани оф Нью-Джерси» и др. Производство вальцованного железа и проволоки контролировало картелированное общество «Болгарские металлические заводы», картель «Контрольное бюро пеньково-шелковых фабрик» ведал производством и распределением продукции из пеньки и джутового волокна²¹.

Наряду с картелями в болгарской экономике были представлены и финансовые группы типа концернов, в которых произошло сращивание промышленного и банковского капиталов. Так, в канун второй мировой войны финансовая группа Болгарского торгового банка (или иначе — группа Бурова — Губиделникова) включала в сферу своей деятельности и непосредственно контролировала капитал более 50 разного рода акционерных обществ (промышленных, торговых, банковских, страховых и пр.), и опосредованно она влияла на деятельность еще

большого числа других обществ и предприятий. По данным Ж. Натана и Л. Берова, стоимость производства лишь 7 крупных предприятий из числа контролировавшихся этой группой составила в 1941 г. около 4 % стоимости всего промышленного производства тех лет, а с учетом стоимости производства тех предприятий, которые контролировались не напрямую, а косвенно, эта цифра возросла до 6 %²².

Сильная зависимость болгарского финансового капитала от иностранного, их тесное переплетение в ряде отраслей хозяйственной деятельности обусловили тот факт, что эти группы являлись в принципе объединениями смешанного капитала. Так, финансовая группа Атанасова — Наудашера владела наиболее крупными акционерными обществами «Пирин», «Гранитонд», «Орион», «Вулкан» и пр., около $\frac{1}{3}$ акций которых принадлежали германскому и швейцарскому капиталу.

Национальная буржуазия накануне второй мировой войны представляла собой сравнительно немногочисленный класс, не превышавший 10 тыс. человек. В «отраслевом» плане, несомненно, главенствовали промышленники (4 тыс.). Кроме них, насчитывалось более 2 тыс. крупных землевладельцев, примерно столько же высших чиновников, рабты и пр. Прослойка крупных торговцев была невелика — менее 1 тыс. человек, и совсем скромно были представлены банкиры — 100—200 человек²³. Составляя в целом менее 15 % активного населения страны, буржуазия присваивала тем не менее 45 % национального дохода. Меньшинство общества получало, иными словами, львиную долю всего того, что в этом обществе производилось.

В предвоенные годы в болгарской экономике, особенно в промышленности, значительно усилились позиции государства, шел процесс сращивания государственных предприятий с частнокапиталистическими. Государственный капитализм к этому времени достиг сравнительно высокой степени развития. Железные дороги, транспорт, часть угольных шахт, в частности шахты Перника, обеспечивавшие 90 % всей угледобычи в стране, телеграф, почта, значительная часть кредитных учреждений, в том числе эмиссионный Болгарский народный банк, Болгарский земледельческий и кооперативный банк, сосредоточивший более 60 % всех вкладов, Болгарский ипотечный банк и пр., являлись собственностью государства. Последнее, по данным 1942 г., участвовало в распределении или перераспределении 35,5 % национального дохода²⁴.

Вмешательство государства в хозяйственную жизнь оформлялось законодательным путем. Так, к примеру, в 1930 г. специальными постановлениями были определены минимальные производственные мощности на табачных фабриках, облегчен фискальный контроль. Таким путем искусственно ограничивалась конкуренция, укреплялись позиции крупнейших монополистических предприятий этой отрасли. Соответствующим образом строилась и палоговая политика, что вызывало недовольство не только у рабочего класса и крестьянства, но и у мелких ремесленников и торговцев. Особенно резко государственное регулирование возросло в годы экономического кризиса 1929—1933 гг. В нескольких десятках отраслей промышленности был объявлен «режим пресыщенности». Смысл этого действия заключался в том, чтобы воспрепятствовать созданию новых предприятий и, следовательно, оградить уже имевшиеся от возможной конкуренции. Помимо этого, на $\frac{1}{3}$ повышались и без того высокие пошлины на импортную промышленность.

Государство расширило свое вмешательство и усилило регулирующую роль в кредитной политике. С помощью банка «Болгарский кредит», большая часть капиталов которого принадлежала государству, осуществлялись как кредитование крупных частных предприятий в промышленности, торговле, страховании, так и контроль за их деятельностью.

Интенсивное вмешательство государства в сельское хозяйство выражалось прежде всего в целенаправленной деятельности по ценообразованию через уже упоминавшийся «Храноизнос». Диктуя цены на сельскохозяйственную продукцию, государство фактически участвовало в перераспределении средств среди различных слоев крестьянства. В первую очередь выгоду получали представители сельской буржуазии и верхний слой середнячества. Поскольку «Храноизнос» опирался на капиталы Болгарского земледельческого и кооперативного банка, то ориентация первого на зажиточное крестьянство неизбежно вклепала за собой ухудшение условий кредитования других слоев сельского населения. Вопрос о кредитах для деревни не случайно приобрел в межвоенный период особую остроту. В 1935 г. общая задолженность деревни достигла к 6 млрд левов, т. е., иными словами, в среднем каждое хозяйство задолжало около 8,5 тыс. левов. Для оплаты процентов крестьяне были вынуждены отдавать до четверти своих денежных доходов. В этих условиях

возрастала роль «дешевого» кредита, требование которого являлось традиционным для болгарской деревни.

В конце 30-х годов серьезные изменения произошли в болгарской внешней торговле, где монопольное положение занял германский капитал. В 1939 г. Германия поставила в Болгарию 100 % импорта стали, металлургического кокса, железнодорожных вагонов, пароходов, газетной бумаги, мыла, около 100 % химических удобрений, более 90 % грузовиков, мотоциклов, железнодорожных рельсов, железных труб, более 80 % каучука, стекла, медикаментов и фармацевтических товаров, свыше 60 % медного купороса, каустической соды, серной и соляной кислот и т. д. В свою очередь, Болгария направляла в Германию от 95 до 100 % экспорта мяса, бекона, сала, сливочного масла, вина, мармелада, сои, яблок, перца, помидоров, винограда, 88 % экспорта живых свиней, 83 % яиц, 70 % битой птицы, около 65 % табака и пр.²⁵

Примечательно, что торговые отношения Болгарии и Германии развивались отнюдь не на основе равноправия. Стремясь поставить своего партнера в подчиненное положение, Германия еще задолго до начала войны начала использовать с этой целью клиринговые отношения. Генезис и развитие системы клиринга, его роль в болгарской экономике на огромном фактическом материале детально проанализировал советский историк Л. Б. Валиев, внесший серьезный и, на наш взгляд, еще не до конца оцененный исследователями вклад в изучение экономической истории Болгарии накануне второй мировой войны.

Первое клиринговое соглашение между Болгарией и Германией было заключено в 1932 г. Тогда же была установлена и невыгодная для болгарской стороны система расчета. По счету «а» (так называемое фрейесконт), в который входили наиболее ценные для Германии товары болгарского экспорта (в том числе яйца, табак), германская сторона должна была 30 % их стоимости компенсировать свободными девизами для закупки болгарской стороной в других странах хлопка-сырца, шерсти, пряжи, медного купороса и пр. или же ввозом этого сырья из самой Германии. По счету «б», включавшему все остальные товары, предстояло осуществлять полную взаимную компенсацию товарами. Однако германская сторона уверенно проводила выгодную для себя линию, предпочитая оплачивать фрейесконт не свободной валютой, а соответствующими товарами, притом по новым ценам, поскольку она не производила их, как правило, сама, а ре-

экспортировала в Болгарию из других стран с выгодой для себя. В 1938—1939 гг. германские поставки хлопка в Болгарию возросли с 73 до 92,6 % всего болгарского импорта этого сырья; в 1939 г. на долю Германии приходилось более 86 % всего болгарского импорта шерсти и свыше 90 % сырья для кожевенной промышленности²⁶.

Что касается счета «б», то Германия не спешила точно выполнять свои обязательства, компенсируя в срок и полностью поставки из Болгарии встречным экспортом. В силу этого в предвоенные годы наблюдается бурный рост активного сальдо Болгарии в торговле с Германией: со 181,4 млн левов в 1934 г. до 707,1 млн в 1939 г. Вместе с ним росла и общая задолженность Германии по клирингу, достигшая в 1939 г. 1783 млн левов²⁷. Таким образом, активное сальдо Болгарии записывалось по клирингу как германский долг и не несло стране никаких выгод.

Болгаро-германские торговые отношения развивались под знаком почти полного превосходства одного партнера над другим: германская сторона вела торговые операции, извлекая огромные прибыли и, естественно, не стремилась к налаживанию эквивалентного торгового обмена. Один из многочисленных примеров тому — сознательное, целенаправленное создание и поддержание «ножниц» цен на товары болгарского и немецкого производства. В конце 1935 г. торговый советник при болгарском посольстве в Берлине сообщал в Экспортный институт в Софии: «В то время как в Германии осуществляют нажим по вопросу о ценах на предметы нашего экспорта и хотят, чтобы мы продавали их по „мировым ценам“, немецкие промышленные товары предлагаются нам по ценам, почти на 40 % превышающим так называемые „мировые“»²⁸. Факты свидетельствуют о том, что такой подход к установлению цен к выгоде германской стороны последовательно реализовывался на практике. По подсчетам Л. Борова, лишь в результате завышения цен на немецкие товары болгарская сторона за 6 предвоенных лет (1934—1939 гг.) понесла ущерб в 1800 млн левов²⁹. В ноябре 1940 г. в Народном собрании Болгарии прозвучали убедительные цифры, свидетельствующие о том, что только в 1938 г. цены на импортируемые в Болгарию товары возросли на 31 %, а на товары болгарского экспорта лишь на 16 %, т. е. соотношение здесь составило почти 2 : 1³⁰.

Германия нередко закупала в Болгарии дополнительные партии продукции специально для последующей их перепродажи с немалой для себя выгодой. Так случи-

лось, например, с полуфабрикатами болгарских масличных культур, которые Германия перепродала Швеции.

В конце 30-х годов экономика Болгарии, и прежде всего сельское хозяйство, все заметнее приспосабливается к нуждам готовившейся к войне Германии. За счет уменьшения посевных площадей под зерновые увеличиваются посевы под технические и иные интенсивные культуры: в 1939—1940 гг. доля последних выросла с 9,7 до 15,8 %³¹. Констатируя несомненную положительную сторону развития интенсивного земледелия, следует помнить и о том, что проводившаяся в угоду Германии сельскохозяйственная политика, как правило, игнорировала собственно болгарские интересы. Будем иметь в виду, что стимулировалось производство лишь тех культур, которые были необходимы немецкой стороне, все прочие же сознательно сводились на нет. К примеру, такая высокодоходная отрасль болгарской экономики, как производство розового масла, подверглась под давлением немецкого партнера сильнейшему ограничению. Чтобы устранить нежелательную конкуренцию германским химическим концернам, болгарское правительство накануне и во время второй мировой войны предприняло ряд мер по уничтожению плантаций знаменитой казанлыкской розы. По правительственному декрету 1937 г., а затем и по специальному закону не просто запрещались закладка новых или восстановление ранее заброшенных плантаций, но и выплачивалась определенная сумма за каждый декар выкорчеванных насаждений. Таким образом, экономически слаборазвитая Болгария к началу войны фактически превратилась в аграрный придаток фашистской Германии.

Война, естественно, не могла не вызвать затруднения в экономической жизни Болгарии. Переход хозяйства на военные рельсы, нарушение или ограничение торговых связей негативно отразились на состоянии экономики. Однако произошло это постепенно, и в начальный период войны — с сентября 1939 по март 1941 г. — болгарская экономика не почувствовала особо тяжелых потрясений. На то были свои причины. Страна располагала известным запасом промышленного сырья, как привозного, так и собственного, что дало возможность перерабатывающей промышленности удерживаться примерно на довоенном уровне. В определенной мере стабильное положение экономики было поддержано хорошими урожаями 1939 и 1940 гг., а также начавшейся реализацией Договора о торговле и мореплавании с СССР, подписанного в январе

1940 г. По Соглашению о товарообороте и платежах от 5 января 1940 г. Советский Союз поставил в Болгарию свыше 5,5 тыс. т хлопка, более 4,5 тыс. т проката, значительное количество нефтепродуктов, цветных металлов, сельскохозяйственных машин. Кроме того, СССР передал болгарской текстильной промышленности заказы на переработку 10 тыс. т советского хлопка, что дало возможность загрузить производство. Характерно, что из 26 наиболее крупных прядильных фабрик 10 выполняли советский заказ. Это обеспечило их работу на полную мощность. Несомненно, что размещение большого по масштабам Болгарии советского заказа оказало благоприятное влияние на хозяйственную конъюнктуру, и это ясно осознавалось в болгарских деловых кругах. В частности, на заседании совета правления акционерного общества «Текстил» в Варне 22 февраля 1940 г. отмечалось: «Эта сделка имеет для Болгарии большое хозяйственное значение, поскольку она обеспечит работу фабрикам и соответственно занятым на них рабочим в течение одного года, при этом именно в тот момент, когда невозможно доставить хлопок из других стран в связи с ограничениями, вызванными войной»³². В ряду причин, по которым болгарская экономика в начале войны не потеряла стабильности, а те отрасли ее, которые не зависели от иностранного сырья, даже дали известный рост, видимо, следует назвать увеличение территории страны за счет присоединений Южной Добруджи *. О состоянии экономики свидетельствовал и тот факт, что задачу снабжения населения вплоть до ноября 1940 г. удавалось решать, не вводя карточную систему.

Характерной чертой экономики военного времени являлся переход ко все более планомерному и всестороннему ее регулированию. Еще весной 1940 г. при Военном министерстве была создана Дирекция гражданской мобилизации (ДГМ). Задачи ее заключались в проведении фи-

* Южная Добруджа была отторгнута у Болгарии в результате II Балканской (Межсоюзнической) войны. К середине 1940 г. вопрос о Южной Добрудже выплывал в острый конфликт между Болгарией и Румынией. Советский Союз занял доброжелательную позицию в поддержку требований Болгарии. Учитывая этот факт и стремясь не допустить роста влияния СССР, германская дипломатия поспешила взять на себя инициативу переговоров между Болгарией и Румынией о судьбе Южной Добруджи. 7 сентября 1940 г. в Крайове было подписано соглашение между Румынией и Болгарией, решившее территориальный спор в пользу последней.

пансово-хозяйственной мобилизации всей экономики по общегосударственному плану, обеспечении нормального производства и снабжения армии и населения. В руководящем органе ДГМ — Высшем совете были представлены все министерства, государственные кредитные институты, торговые организации и пр. В 1942 г. Дирекция попыталась реализовать первый подготовленный ею общегосударственный план гражданской мобилизации экономики, предусматривавший рост производства в промышленности и сельском хозяйстве на пути его регламентации, строгого распределения сырья, введения твердых цен и т. д. Основная направленность плана, естественно, заключалась в ориентации на «нужды тех воюющих и нейтральных государств, с которыми Болгария была связана в военно-политическом и экономическом отношении»³³, т. е. прежде всего Германии. Отныне не только неэквивалентный товарообмен, но и прямые поставки продовольствия германской армии, строительство военных объектов, использование транспорта, привлечение рабочей силы тяжким бременем ложились на народное хозяйство страны, которая теперь должна была непосредственно испытать на себе все тяготы военного времени. Наряду с этим была продолжена и даже получила дополнительный импульс прежняя линия на развитие клиринговых отношений между Болгарией и Германией. Новое болгаро-германское клиринговое соглашение от 2 ноября 1940 г. было рассчитано уже на 20 лет.

В новом соглашении принцип частных компенсаций* был заменен принципом «генеральной компенсации», когда ответственность при торговых сделках брало на себя государство, а посредником между болгарским экспортером и немецким импортером становился Болгарский национальный банк. Он из своих средств оплачивал экспортируемые товары независимо от того, компенсировались они в данный момент встречным импортом из Германии или нет. Таким образом, возможности неэквивалентного обмена резко возрастали, возрос и клиринговый долг Германии: если в конце 1940 г. он составил около 1,4 млрд левов, то в середине 1941 г. превысил 5 млрд левов, а в декабре составил более 7,3 млрд³⁴. Эта тенденция

* Принцип частной компенсации заключался в том, что при осуществлении торговых операций риск брал на себя болгарский частный торговец, проявлявший, естественно, известную осторожность и требовавший от немецкого партнера определенных гарантий получения встречных товаров или девизов.

роста была стабильной. Вплоть до конца войны германский клиринговый долг Болгарии ежегодно возрастал на несколько миллиардов левов.

Большие расходы несла Болгария и по содержанию собственной оккупационной армии. В среднем в 1940—1944 г. ежегодно под ружьем находилось 354 тыс. болгарских солдат. Для строительства военных объектов и дорог проводилась мобилизация в так называемые трудовые группы. Содержание этих формирований также требовало средств. Расходы, связанные с фактическим участием Болгарии в войне, постоянно росли. К 9 сентября 1944 г. государственный долг Болгарии достиг 118 млрд левов³⁵.

Для устранения бюджетного дефицита правительство обратилось к практике принудительных займов (они были проведены в 1941 и 1943 гг.), пошло по пути увеличения косвенных и введения ряда новых прямых налогов, в том числе ввело налог на доходы военного времени, однократный налог на имущество лиц еврейской национальности и пр. За 1939—1944 гг. косвенные налоги возросли более чем в 2 раза, а прямые — более чем в 5 раз. При этом сумма косвенных налогов в несколько раз превышала сумму прямых налогов.

Инфляция, рост цен, снижение реальной заработной платы, расширение черного рынка и спекуляции — все это явления, в значительной мере определявшие «лицо» болгарской экономики военного времени.

На положении трудящихся тяжело отразился широко применявшийся в промышленности закон о «гражданской мобилизации». Рабочие мобилизованных предприятий лишались каких-либо прав, на предприятиях действовала воинская дисциплина, нормы выработки устанавливались таким образом, что физически были невыполнимыми. Специальным приказом Министерства торговли, промышленности и труда рабочий день удлинялся до 10 часов «для завершения дневного задания». Фактически же на многих предприятиях был установлен неограниченный рабочий день.

В чем-то похожие процессы наблюдались и в сельском хозяйстве, где специальными постановлениями с августа 1943 г. жестко регламентировались производство сельскохозяйственной продукции, поставки мяса и фуража. «Граждански мобилизованными» были объявлены производители ряда культур, главным образом технических. В производстве винограда и табака активно действовали спекулянты-перекупщики, скупавшие урожай еще на

корню и затем при посредничестве германских фирм вывозившие его в Германию. Усиленно шла вербовка рабочей силы, вывозимой в Германию. Занималось этими вопросами специальное бюро «Имперской службы по набору рабочих», деятельность которого весьма скоро приняла скандальный характер: выяснилось, что бюро сделало ставку на вывоз и без того ограниченной квалифицированной рабочей силы, необходимой самой Болгарии.

Положение трудящихся масс, особенно в годы войны, характеризовалось снижением жизненного уровня, усилением эксплуатации, ростом безработицы. Последняя особенно затронула пищевую и табачную промышленность, хотя причины появления «лишних» рабочих рук были в этих отраслях различными. В пищевой промышленности с конца 1939 г. прошли массовые увольнения как результат объявления этой отрасли «пресыщенной». Что касается табачной промышленности, то на положение рабочих повлиял слабый урожай 1939 г. и введение «тонги» — упрощенной механизированной обработки табака. Тонга приносила огромные прибыли табачным магнатам, но сокращала сезон занятости, а следовательно, и заработок рабочих почти наполовину³⁶.

Незавидна была и судьба городских мелких собственников. По статистическим сведениям 1936 г., общая численность ремесленников — наиболее значительного слоя мелкой буржуазии — доходила до 134 132 человек, работавших в 69 232 мастерских³⁷. Подавляющая часть как самостоятельных ремесленников, так и наемных работников жили в большой нужде. Практика опрокидывала расчеты буржуазных экономистов на «жизнеспособность ремесленного производства»: в середине 30-х годов процесс разорения ремесленников усилился. Особенно ухудшилось их положение в военные годы. Острая нехватка сырья, непосильные налоги вели к закрытию многих мастерских. Лишь очень малая часть ремесленников в условиях благоприятной для себя конъюнктуры военного времени смогла накопить значительные богатства. Но это все-таки были исключения. Огромная же часть мелкой буржуазии города являлась объектом эксплуатации и, испытывая нужду и лишения, оказалась объективным и естественным союзником рабочего класса в борьбе против капитализма.

*§ 2. Политическая обстановка в Болгарии
накануне народного вооруженного восстания
9 сентября 1944 г.*

Особенности социально-экономического развития Болгарии непосредственно отразились на партийно-политической структуре болгарского общества. В межвоенный период в стране действовало несколько десятков партий и политических организаций, что обуславливалось в первую очередь социальной структурой общества³⁸. Политические симпатии основной группы мелкой буржуазии — крестьянства традиционно были направлены к БЗНС. Сумев в конце первой мировой войны привлечь под свои знамена широкие массы болгарских крестьян, БЗНС сохранял свое влияние на протяжении всего межвоенного периода, превратившись в одну из главных политических сил. Военно-реакционный переворот 1923 г., в ходе которого мученически погиб выдающийся лидер крестьянской партии А. Стамболийский, и его последствия не смогли привести к полному разгрому БЗНС. Уже в начале 30-х годов эта партия вновь заявила о себе как внушительная и авторитетная политическая сила. Именно участие БЗНС в парламентских выборах 1931 г. в составе Народного блока обеспечило успех коалиции буржуазных и мелкобуржуазных партий.

Отмеченная выше имущественная неоднородность болгарского крестьянства, дифференциация его рядов были одной из причин раскола БЗНС на отдельные фракции, которые фактически являлись самостоятельными политическими организациями. Различных фракций и групп в БЗНС было так много, что в Союзе с основанием звучали голоса о недопустимости распыления сил на «крылышки и перышки». Зачастую лишь амбиции тех или иных лидеров определяли «необходимость» образования отдельных группировок внутри крестьянской партии. Однако наблюдались и серьезные, принципиальные разногласия, выражавшиеся, в частности, в выборе политического «ориентира». Так, крайне правые силы БЗНС во главе с К. Томовым и Х. Маноловым вошли в 1934 г. в реакционное Национально-социальное движение А. Цанкова, а группа М. Геновского активно сотрудничала с коммунистами. Но основными и наиболее влиятельными в БЗНС являлись фракции «Врабча 1» и «Пладне». После выборов в Народное собрание в 1931 г. «Врабча 1» сталаправляющей партией и имела в правительстве 3 портфеля.

Низовые организации «Врабчи» насчитывали 163 тыс. человек, в основном средних и бедных крестьян, хотя эта фракция включала часть и более зажиточного крестьянства³⁹. Руководимая Д. Гичевым «Врабча 1» придерживалась в основном традиционных для БЗНС идеологических и программных взглядов, преследовавших цель превращения крестьянской партии в главный фактор политической и общественной жизни. При этом лидеры «Врабчи» стремились укрепить позиции своей организации, временно разделив власть с буржуазией, а не монополизировав ее, постепенно добиться самостоятельного управления для реализации впоследствии идеи создания «кооперативного государства»⁴⁰. Попытки «Врабчи» решить поставленные задачи путем компромисса с буржуазией объективно совпали со стремлением последней не допустить потенциального сближения крестьянского движения с рабочим. Отсюда и готовность к сотрудничеству с «Врабчей», согласие с отдельными требованиями крестьянства, воплотившееся в реформах правительства Народного блока во время экономического кризиса. Фракция «Пладне» организационно оформилась в 1932—1933 гг. В ее руководство входили видные деятели БЗНС К. Тодоров, Н. Атанасов, Г. Димитров-Гемето и др. Выступая с демократической мелкобуржуазной программой, «пладненцы» опирались на принципы БЗНС, разработанные А. Стамболийским, не отказались от признания руководящей роли крестьянской партии в управлении государством. Вместе с тем они провозгласили главной целью борьбу с реакцией и проявлениями фашизма, установление сотрудничества с другими демократическими силами. Основную членскую массу «Пладне» составляли мелкие и средние крестьяне, а численность так называемого Объединенного БЗНС (БЗНС «Александр Стамболийский» и «Пладне») достигла в феврале 1934 г. почти 108 тыс. человек⁴¹. В конце правления Народного блока в 1934 г. Объединенный БЗНС превратился в центр буржуазно-демократической оппозиции правящему режиму.

В состав оппозиции входила также Болгарская рабочая социал-демократическая партия — БРСДП. В первой половине 30-х годов она была весьма малочисленной — чуть более 20 тыс. человек вместе с сочувствующими⁴². Членскую массу партии составляла главным образом интеллигенция — учителя, адвокаты, чиновники, служащие кооперативных организаций, железнодорожного транспорта, почт, ремесленники. Довольно значительным

было в партии число крестьян. На протяжении всей своей истории БРСДП стремилась, впрочем без особого успеха, утвердиться в рабочем движении. Не располагая сколько-нибудь значительным влиянием в стране, эта партия не имела серьезного веса в политической жизни: в Народном собрании в первой половине 30-х годов она была представлена всего 5 депутатами. Вместе с тем социал-демократы в условиях наступления реакции выдвинули лозунг создания единого фронта демократических сил, трактовавшегося в БРСДП как объединение прежде всего мелкобуржуазных партий и организаций.

К середине 30-х годов серьезным фактором в политической жизни Болгарии стали различные праворадикальные, националистические и экстремистские партии и организации. Одной из них являлась политическая группа «Звено». Созданная в 1927 г., эта весьма узкая по составу и закрытая организация, именовавшая себя «политическим кругом», в начале 30-х годов оставалась малочисленной — менее 300 человек — и объединяла главным образом политиканствующих интеллигентов, не помышлявших о расширении социальной базы своей организации. В программном плане «Звено» ратовало за создание такой системы буржуазного господства, которой соответствовало бы надпартийное, надклассовое и надсословное национальное государство, управляемое компетентной интеллектуальной элитой⁴³.

19 мая 1934 г. «Звено» вместе с Национально-социальным движением Цанкова и офицерской организацией «Военный союз» осуществило государственный переворот. Пост главы правительства занял «звеноарь» К. Георгиев, членам «Звена» достались также ключевые министерства — внутренних дел, финансов, народного хозяйства. Первыми декретами была приостановлена Тырновская конституция, распущен парламент. Законодательные функции взял на себя Совет министров. Все партии и общественные организации подлежали роспуску. Поднялась волна репрессий, обрушившаяся прежде всего на демократические и прогрессивные организации, в том числе и на компартию. Как подчеркивают болгарские исследователи, в стране, по существу, был установлен военно-фашистский режим⁴⁴.

«Элитарное» правление, однако, не было единым. Серьезным препятствием становился разнородный состав «Военного союза» и «Звена». Многие офицеры — участники переворота 19 мая были выходцами из народа и по-

своему стремилась способствовать возрождению страны. Экономическая политика правительства в ряде случаев противостояла интересам частного капитала: пример тому — введение государственной монополии на табак, спирт, болгарскую водку — ракию, передача в собственность государства нефтеперерабатывающей отрасли и пр. Много усилий правительство направило на укрепление международного положения страны. В июле 1934 г. были восстановлены дипломатические отношения с СССР. Меры в социально-экономической сфере, новый внешнеполитический курс привели в движение те политические силы, чьи интересы существенно ущемлялись правительством К. Георгиева. Деятельность кабинета вызвала сопротивление и царя Бориса, не желавшего смириться с покушением на часть его прерогатив. Опиравшийся на узкую прослойку военных и интеллигенции внутренне неустойчивый режим «19 мая» пал в январе 1935 г. В ноябре того же года после разгрома «Военного союза» Борис III сосредоточил всю власть в своих руках. На основании этого исследователи межвоенного периода констатируют установление в стране монархо-фашистской диктатуры⁴⁵. По определению Р. П. Гришиной, монархо-фашизм в Болгарии выступал как «специфическая форма фашизма, относительно умеренного по сравнению с нацистским вариантом, но, очевидно, с наибольшей полнотой отвечавшего в условиях страны активным потребностям и интересам реакционной правящей фракции буржуазии»⁴⁶. На наш взгляд, начатый пересмотр советскими авторами оценки переворота 1923 г., приведший к отказу от признания его фашистского характера⁴⁷, диктует настоятельную необходимость новых подходов к рассмотрению режима «19 мая». Исследователям межвоенного периода, видимо, предстоит переосмыслить прежние оценки и характеристики утвердившейся в стране авторитарной власти.

Реакционный режим, лишенный массовой базы, не был чем-то монолитным, сохранял вершущий характер. В Болгарии отсутствовала массовая и монополярная партия фашистского типа, но существовал ряд организаций, ориентировавшихся на создание в стране открытой фашистской диктатуры по типу гитлеровской. Среди них Союз болгарских национальных легионов, Союз ратников за прогресс Болгарии, всеболгарский союз «Отец Паисий», Национально-социальное движение. Эти экстремистские группировки выполняли роль некоей «оппозиции

справа» по отношению к существовавшему режиму, резко критиковали его за недостаточную решительность и непоследовательность при проведении внутренней политики ⁴⁸.

Важной силой на политической арене Болгарии тех лет являлась буржуазная оппозиция правящему режиму. Значительную часть ее составила крупная буржуазия, недовольная превращением страны в аграрно-сырьевой придаток Германии и заинтересованная в индустриализации Болгарии. В политическом плане члены оппозиции ориентировались на англо-американский блок, с помощью которого рассчитывали «смягчить» существующий строй, сохранить и укрепить свое экономическое положение и стать влиятельной политической силой ⁴⁹. Оппозиция требовала восстановления конституции, буржуазно-демократических прав и свобод, но при этом сохраняла верность монарху, не стремилась придать своему движению массовый характер, страшилась союза с коммунистами ⁵⁰.

Существование реакционного антинародного режима в значительной степени облегчалось тем, что его становление происходило в обстановке разобщения демократических сил: в Болгарии в тот период не возник народный фронт. Одной из причин, препятствовавших объединению демократических сил, являлось преобладание в руководстве коммунистической партии левосектантских взглядов, согласно которым главным противником коммунистов являлся БЗНС. После запрещения партий руководство БКП заявило о роспуске легальной Рабочей партии, что нанесло серьезный урон связям подпольной БКП с массами. Самороспуск партии ударил и по ее численности: если в 1933 г. БРП насчитывала 36 тыс. членов, то к сентябрю 1944 г., т. е. в канун восстания, в ее рядах находились, по некоторым данным, около 14 тыс. человек ⁵¹. Находясь в плену левосектантских установок, руководство БКП заняло неправильную позицию и по отношению к БРСДП, оценивая ее как социал-фашистскую партию. Все это негативно отразилось на организации широкого единого фронта борьбы против наступления фашизма и реакции. Лишь преодолев левосектантские ошибки и заняв принципиально новые позиции по отношению к своим потенциальным союзникам, БКП смогла постепенно восстановить свои связи с массами и действительно возглавить освободительное движение народа. Исключительное значение имели в связи с этим решения VII конгресса Коминтерна, наметившего генеральную линию действия

коммунистических партий в борьбе против фашизма и надвигающейся войны. Конгресс сыграл решающую роль в окончательном повороте БКП к новому курсу ⁵². VI расширенный пленум ЦК БКП (февраль 1936 г.) разработал конкретную платформу политических и социально-экономических требований Народного фронта. В нее были включены и требования буржуазной оппозиции в защиту буржуазной демократии. Однако традиционная боязнь контактов с коммунистами сыграла определяющую роль при уточнении позиций буржуазных и мелкобуржуазных партий, руководство которых категорически отвергло сотрудничество с БКП. В этих условиях определилась перспектива длительной и целенаправленной деятельности компартии по строительству Народного фронта в Болгарии.

Мюнхенский сговор 1938 г. и последовавший за ним поворот в европейской политике обусловили дальнейшую эволюцию режима в Болгарии ⁵³. Дух реванша и ревизии границ, определявший социально-психологическую обстановку в нацистской Германии, повлиял на националистические круги болгарского общества. Экстремистские силы активно оперировали лозунгом «великой и объединенной Болгарии», раздувая шовинистические и националистические настроения. Характерно, что им поддалась и буржуазная оппозиция, ставившая возможность участия Болгарии в проектировавшемся Балканском оборонительном пакте, направленном против германского вторжения в этот регион, в зависимости от решения территориальных вопросов, в частности от предоставления Болгарии выхода в Эгейское море ⁵⁴.

В сентябре 1939 г. Болгария официально объявила нейтралитет. Решение правительства было обусловлено рядом внешне- и внутриполитических факторов. В частности, на сохранение мира на Балканах были направлены усилия СССР, чьи границы в случае военной вспышки в регионе оказывались под угрозой. Германия, ведшая военные действия против Польши и готовившая поход на Запад, намеревалась расширять свое влияние на Балканском полуострове мирным путем, используя все возможности для снабжения своей армии. «Мы заинтересованы в том, чтобы на Балканах при любых обстоятельствах было спокойно. „Распыление сил“ для нас — самое неприятное», — записал в январе 1940 г. в своем дневнике начальник германского генерального штаба сухопутных войск Ф. Гальдер ⁵⁵.

Военно-политический и идеологический нажим на Болгарию со стороны Германии продолжался. В этой обстановке правящие круги Болгарии отказались от представившейся им альтернативы противостоять полному подчинению страны германскому влиянию, заключив пакт с СССР о взаимной помощи и ненападении. Это предложение советская сторона передала через прибывшего 25 ноября 1940 г. в Софию генерального секретаря Наркомата по иностранным делам А. Соболева. За пакт с СССР высказались широкие народные массы, однако «Соболевская акция», как называли в Болгарии движение в поддержку советского предложения⁵⁶, не увенчалась успехом.

1 марта 1941 г. в Вене состоялось подписание соглашения о присоединении Болгарии к Тройственному пакту. В тот же день 680-тысячная германская армия вступила в пределы Болгарии. В ноябре 1941 г. Болгария стала членом Антикоминтерновского пакта. Союз со странами «оси» превратил Болгарию в военного пособника фашистской агрессии. С ее территории в апреле 1941 г. германские войска нанесли удары по Греции и Югославии. Болгарские части в это время прикрыли тыл германской армии, охраняя болгаро-турецкую границу. После завершения военных операций вермахта Болгария получила разрешение ввести свои оккупационные войска в Македонию, Западную Фракию и в Западные районы, которых она лишилась по условиям Нейского мирного договора, подписанного в 1919 г. Территориальные «приращения» вызвали всплеск национализма и промонархической пропаганды в болгарском обществе, временно укрепили авторитет государственной власти в довольно широких кругах населения.

Превратившись в тыл нацистской Германии, связанная с союзными отношениями Болгария, единственная из стран-сателлитов, сохранила в годы войны дипломатические отношения с Советским Союзом, а болгарские воинские части избежали отправки на Восточный фронт. Правящим кругам Германии и Болгарии приходилось считаться с глубокими братскими чувствами, которые в массе своей питал болгарский народ к русскому народу, к России.

Вместе с тем следует учитывать, что в декабре 1941 г. на советско-германском фронте оказались немецкие войска, ранее находившиеся в Сербии и смененные там болгарским оккупационным корпусом. В том же месяце Бол-

гария объявила войну Англии и США. Таким образом, не только формально, но и практически с позицией болгарского нейтралитета было покончено.

Тесное сближение с нацистской Германией отразилось на всех сферах жизни и деятельности болгарского общества, не могло, естественно, не оказать влияние на политический климат в стране. Специально созданная Дирекция национальной пропаганды вела идеологическую обработку масс. В стране, фактически не знавшей прежде антисемитизма, начала проводиться политика преследования еврейского населения и его экономического ущемления. Однако непопулярность таких действий была столь велика, что лидерам фашистской «оппозиции справа» не удалось добиться проведения, как задумывалось, полной депортации еврейского населения из Болгарии и передачи его в руки гитлеровцев. В целях укрепления режима и привлечения на его сторону новых сил правящие круги приняли решение о создании в стране молодежной организации «Бранник» по образцу «Гитлерюгенда», включив в нее десятки тысяч школьников, студентов и других представителей молодежи. Активно использовался в Болгарии и немецкий опыт проведения массовых репрессий по отношению к коммунистам и антифашистам, свидетельством чему явилось создание концлагерей, проведение карательных акций и облав, массовых арестов и интернирование болгарских граждан.

Хотя положение Болгарии как сателлита фашистской коалиции, а не оккупированной страны, позволяло правящим кругам сохранять известную самостоятельность действий, национальный суверенитет Болгарии был серьезно ущемлен и страна сильно зависела от Германии в экономическом и политическом отношении. Спасение лежало на путях всенародной борьбы против реакции, за демократическую и независимую Болгарию.

Гитлеровская агрессия против СССР вызвала взрыв негодования у болгарских патриотов. Оно нашло выражение в специальном воззвании ЦК БРП от 22 июня 1941 г. «История не знает более разбойничьей, более империалистической и контрреволюционной войны, чем та, которую фашизм начал против СССР», — подчеркивалось в этом документе. Перед болгарским народом, «который в своем подавляющем большинстве питает безграничную любовь к братскому советскому народу и связывает с ним все свои надежды на лучшее будущее», стоит колоссальная задача: «...всеми силами помочь советскому народу

в его тяжелой борьбе... Ни зернышка болгарской пшеницы, ни кусочка болгарского хлеба немецким фашистам и грабителям! Ни одного болгарина к их услугам!»⁵⁷

24 июня 1941 г. Политбюро ЦК БРП опираясь на директивы Исполкома Коминтерна, разработало программу действий, включавшую разложение болгарской армии и привлечение ее на сторону народа, срыв снабжения германских воинских частей, развертывание партизанского движения и объединение всех демократических сил в стране. Летом 1941 г. в стране возникли первые партизанские отряды, но тактика партизан носила оборонительный характер. Среди них преобладали крестьяне-бедняки, но имелись и середняки, и представители зажиточных слоев, было много рабочих, студентов, учителей, гимназистов. Большинство были коммунистами, ремесленниками (членами Рабочего союза молодежи) или сочувствующими им. Другой формой антифашистской борьбы была деятельность боевых групп, проводивших диверсии на военных объектах, акции саботажа на предприятиях, выполнявших немецкие заказы. 23 июля 1941 г. на территории СССР начала свою работу организованная по инициативе Загранбюро ЦК БРП и Г. Димитрова радиостанция «Христо Ботев». С осени 1941 г. начал также действовать радиопередатчик «Голос народа», работавший на волнах Софии и Скопле. С их помощью болгарские антифашисты получали правдивую информацию о положении на фронтах, узнавали о тяжелой героической борьбе советского народа и героев-антифашистов в других странах, об истинном положении Болгарии.

После разгрома немцев под Москвой начался постепенный рост числа партизанских отрядов и их укрупнение. В феврале 1943 г. по инициативе ЦК БРП была сформирована Народно-освободительная повстанческая армия (НОПА). Активизировалась деятельность боевых групп в городах.

17 июля 1942 г. по радиостанции «Христо Ботев» была объявлена программа Отечественного фронта, ставшая общенациональной платформой сплочения всех антифашистских и патриотических сил страны. Предложения войти в ОФ от коммунистов получили руководства БЗНС, буржуазной Демократической партии, социал-демократической партии, политической группы «Звено» и других группировок. Однако до конца 1942 г. согласие на сотрудничество с коммунистами в рамках ОФ было получено только от «Звена» и левого крыла БЗНС («Пладне»).

БРП, не дожидаясь создания руководящего центра ОФ, приступила к формированию на нелегальной основе комитетов ОФ на местах, задача которых сводилась к мобилизации населения и объединению его вокруг платформы ОФ. В состав комитетов входили коммунисты, левые «земледельцы», члены «Звена», социал-демократы, так называемые независимые, т. е. беспартийные, патриотически настроенные общественные деятели. Лишь осенью 1943 г. был создан единый руководящий центр народно-освободительной борьбы — Национальный комитет Отечественного фронта (НК ОФ). Завершилось складывание ОФ «сверху». В НК ОФ вошли представители четырех политических партий и ряда общественных организаций. Это было крупным завоеванием в деле объединения демократических и патриотических сил.

Победа Красной Армии летом 1943 г. на Орловско-Курской дуге, поражения немецких войск в Северной Африке и последовавший за ними распад фашистского блока оказали большое влияние на обстановку в Болгарии. После свержения Муссолини и капитуляции Италии в стране начал открыто проявляться глубокий политический кризис⁵⁸.

После смерти в августе 1943 г. Бориса III правящие круги Болгарии продолжали прежний политический курс. В фарватере гитлеровской Германии их прочно удерживала жажда сохранить приобретенные территории, панический страх перед растущей вооруженной борьбой народа, возглавляемого коммунистами. На протяжении 1943 г. против НОПА была брошена 100-тысячная армия. Одновременно глава кабинета Д. Божилков отдал распоряжение местным властям приступить к созданию организации «Общественная сила» либо комитетов «Национального объединения», чтобы «перехватить этот лозунг у коммунистов и вести с ними идейную и физическую борьбу»⁵⁹. В августе 1944 г. война властей с НОПА достигла своей кульминации. Несмотря на жертвы, партизанская борьба не утихла, число народных мстителей превысило, по данным болгарских исследователей, 30 тыс. человек.

Наступление Красной Армии на советско-германском фронте в начале 1944 г., освобождение Правобережной Украины, Крыма способствовали развертыванию вооруженной борьбы в Болгарии. Весной 1944 г. в стране начала складываться революционная ситуация. Идея свержения режима прочно утвердилась в массах. Изгнание из страны гитлеровцев, «установление подлинно нацио-

нальной, народно-демократической власти, способной окончательно вывести Болгарию из тупика, в который ее завели прогерманские фашистские правители», осознавались болгарским обществом как жизненно важная задача ⁶⁰.

Летом 1944 г. благодаря успешным наступательным операциям Красной Армии, ширившейся антифашистской борьбе в оккупированных гитлеровской Германией странах наступили существенные изменения в ходе второй мировой войны. От фашистских захватчиков полностью была освобождена территория СССР. Красная Армия вступила в Румынию и Польшу. Боевые действия советских частей на Балканах, капитуляция Румынии резко обострили внутриполитическую ситуацию в Болгарии. Правительство Багрянова все менее владело положением. 24 августа делегация НК ОФ, фактически вышедшего из подполья, предложила премьер-министру передать власть Отечественному фронту. Багрянов не пошел на этот шаг, но и не отдал приказ об аресте делегации. Неудачная попытка взять власть мирным путем выдвинула на повестку дня вопрос о вооруженном восстании. Программой его непосредственной подготовки стал принятый 26 августа 1944 г. ЦК БРП циркуляр № 4. В условиях назревшей революционной ситуации партия взяла твердый курс на изгнание из Болгарии нацистов, свержение реакционного режима и установление власти Отечественного фронта. Основной боевой силой восстания должна была стать НОПА, а роль организаторов и руководителей борьбы и органов будущей народной власти отводилась комитетам ОФ.

Национальная буржуазия попыталась найти собственный выход из создавшегося положения: 2 сентября 1944 г. был сформирован новый кабинет, возглавил его представитель БЗНС «Врабча» К. Муравиев. Правительство Муравиева представляло интересы нефашистской буржуазии и, ориентируясь на западные державы, ставило целью реставрировать конституционный режим и утвердить в стране буржуазную демократию, основанную на Тырновской конституции ⁶¹. Кратковременная внутренняя и внешняя политика последнего правительства буржуазной Болгарии подтверждает эту характеристику. Ведя переговоры с англо-американским командованием в Каире о подписании перемирия и о пропуске их армий в Болгарию, правительство Муравиева выступило 4 сентября с декларацией о своем «полном, строгом, безусловном, за-

служивающем доверия нейтралитете». Ясно, что за этим заявлением стояло желание выиграть время, помешать вступлению в Болгарию Красной Армии, в то время как германские части свободно отходили к западной болгарской границе, получив возможность создания нового очага сопротивления. Потребовался демарш советской стороны, чтобы болгарское правительство порвало дипломатические отношения с Германией и объявило ей войну. Однако, приняв решение о вступлении в состояние войны с 18 часов 8 сентября, болгарское правительство фактически предоставило возможность гитлеровским войскам свободно и в полном вооружении покинуть пределы Болгарии.

В связи с этим 5 сентября Советское правительство специальной нотой болгарскому правительству заявило, что расценивает его политику как «фактическое ведение войны в лагере Германии против Советского Союза» и, в свою очередь, считает себя находящимся в состоянии войны с Болгарией⁶². Нота правительства СССР вызвала панику среди болгарской правящей верхушки. Зная настроения масс, она приняла единственно верное решение: «В случае, если русские войска вступят на болгарскую территорию, не оказывать им никакого сопротивления»⁶³. За объявлением войны Болгарии, однако, не последовало немедленного вступления советских войск на ее территорию. Позицию советской стороны ясно выразил В. М. Молотов в беседе с английским послом А. К. Керром. На вопрос, вступят ли в Болгарию части Красной Армии, нарком иностранных дел ответил, что сейчас «не следует спешить», желательно, чтобы Болгария «немного задумалась над создавшимся положением»⁶⁴. Хотя командующий 3-м Украинским фронтом Ф. И. Толбухин уже 5 сентября отдал приказ о готовности вступить на болгарскую территорию, Красная Армия не начинала наступления вплоть до 8 сентября. Этот факт сыграл исключительно важную роль: окончательно сложились внутриполитические условия для начала восстания, ставшего делом рук самого болгарского народа.

5 сентября на совместном заседании Политбюро ЦК БРП и Главного штаба НОПА был утвержден план восстания. Основной удар предполагалось нанести в Софии совместными действиями партизанских отрядов, боевых групп и патристической части армии, перешедшей на сторону ОФ. В ответ на призыв к действию страну захлестнула революционная волна. Замерли железные доро-

ги, рудники, промышленные предприятия. Демонстрации в Пернике, Силистре, Пловдиве, Сливене и других городах проходили под лозунгами «Вся власть Отечественному фронту!». По всей стране активизировали свои действия партизаны: с 6 по 8 сентября ими было освобождено 164 населенных пункта. Ведя боевые действия, болгарские патриоты знали, что могут рассчитывать на помощь Красной Армии. «Мы ждем вас, братья-красноармейцы, — говорилось в обращении штаба НОПА к частям 3-го Украинского фронта... — Добро пожаловать на наши границы! Ваше приближение и наша воля к победе с угнетателями народа — залог того, что Болгария будет свободной, независимой и демократической»⁶⁵. На рассвете 8 сентября на территорию Болгарии вступили передовые советские части. Это было мирное вступление: советские солдаты шли на помощь братскому болгарскому народу с единственной целью — разбить германский фашизм и «ускорить срок наступления всеобщего мира»⁶⁶.

РАЗРАБОТКА ПРОГРАММЫ ПРАВИТЕЛЬСТВА ОТЕЧЕСТВЕННОГО ФРОНТА ОТ 17 СЕНТЯБРЯ 1944 г. И ЕЕ ХАРАКТЕР

§ 1. Образование правительства Отечественного фронта и вопрос о программе нового кабинета

9 сентября 1944 г. в Болгарии победило народное антифашистское вооруженное восстание. Власть перешла к Отечественному фронту. Завершился сложный и напряженный этап в развитии революционного процесса в стране: движение Сопротивление увенчалось победой демократических и патриотических сил. Неотъемлемой составляющей этого процесса была борьба за правительство ОФ. Впервые задача создания «подлинно болгарского правительства», опирающегося на доверие народа, была определена в программе ОФ от 17 июля 1942 г., согласно которой будущему правительству предстояло решить вопрос о созыве Великого Народного собрания для определения формы правления в стране и его конституционных основ¹. Идея создания правительства ОФ весьма скоро стала чрезвычайно популярной. Однако, по свидетельству болгарских исследователей, в руководстве БРП в то время возникли такие представления о характере будущего правительства, которые шли вразрез как с международными условиями, так и с целями самого движения ОФ. Так, нельзя было считать адекватным обстановке призыв партийного органа — газеты «Работническо дело» «последовать примеру Октября», хотя и подразумевалось при этом установление народно-демократической власти². Мысль об открытой ориентации ОФ на установление в стране советской власти вынашивалась в руководстве БРП и в 1943 г., она зондировалась в беседах руководства компартии с лидерами политической группы «Звено» и БЗНС «Пладне» К. Георгиевым и Н. Петковым³. В значительной степени подобные расчеты строились на русофильских настроениях лидеров левых политических сил, составивших ОФ. Позиция руководства БРП существенным образом изменилась во второй поло-

вине августа 1944 г., когда в обстановке общенационального кризиса ⁴ на повестку дня выдвинулся вопрос о таком правительстве ОФ, которое получило бы международное признание. Это заставляло по-иному оценить деятельность буржуазной оппозиции в Болгарии: авторитет ее как внутри страны, так и в глазах участников антигитлеровской коалиции, особенно США и Англии, становился важным фактором, который нельзя было не учитывать. Оценив ситуацию, БРП пришла к принципиально важному выводу о том, что в «национальном демократическом» правительстве ОФ должно найтись «достойное место и другим испытанным деятелям — патриотам и демократам», не входившим в ОФ ⁵. Лишь опирающееся на патриотические силы в армии, партиях и организациях, представляющее все общественные слои правительство сможет защитить национальные интересы Болгарии, подчеркивалось в одном из обращений Загранбюро ЦК БРП по радиостанции «Христо Ботев» ⁶.

В конце августа 1944 г. Национальный комитет ОФ (НК ОФ) обратился к болгарскому народу с Манифестом, призывавшим соотечественников к борьбе за свержение антинародной власти, за «народное правительство Отечественного фронта». В этом документе формулировались самые насущные антифашистские и демократические задачи, которые предстояло решить. Среди них: немедленный разрыв всех отношений с гитлеровской Германией, установление мира и дружбы с Англией и США, сердечной дружбы с Советским Союзом и братским русским народом, установление полного взаимопонимания с соседними государствами, и особенно с народами новой Югославии, в целях прочного мира на Балканах, немедленное прекращение военных действий и вывод болгарских войск из Югославии и Греции. К числу неотложных был отнесен комплекс задач по устранению реакционного режима: восстановление всех политических и гражданских прав и свобод, отмена чрезвычайных антинародных законов и декретов, полная и безоговорочная амнистия борцам за свободу народа и жертвам чрезвычайных законов, народный суд над виновниками политики, приведшей страну на грань катастрофы, а также над всеми виновными в издевательствах над борцами за свободу народа и мирным населением в Болгарии и на оккупированных землях, роспуск всех антидемократических организаций и искоренение авторитарной идеологии, конфискация капиталов и имущества гитлеровских агентов в Болгарии

и незаконно разбогатевших, чистка государственного аппарата от антипародных элементов. Манифест подчеркивал необходимость проведения «смелых хозяйственных, финансовых и социальных реформ», уничтожения спекуляции и дороговизны, преобразования «на демократических и научных основах» всей системы образования в стране, с тем чтобы обеспечить широкий доступ к нему трудящихся, реформы в области правосудия, роспуска Народного собрания и проведения свободных выборов ⁷. Конкретизируя программу ОФ 1942 г., Манифест содержал явный акцент прежде всего на политические задачи общедемократического характера, определял именно их как первостепенные для будущего правительства. Задачи социального и экономического характера формулировались в более обобщенном виде. Вероятно, в создавшейся обстановке сказать о них четче и конкретнее не представлялось возможным. В свете этого нам кажется несколько завышенной оценка Манифеста как «программы глубоких политических, экономических и социальных реформ», данная болгарским исследователем Ст. Петровым ⁸. Манифест, как и другие документы, принимавшиеся коммунистами совместно с членами НК ОФ, вспоминала Ц. Драгойчева, «стоили партии огромного напряжения и первов. Необходимы были терпение, систематическое разъяснение, а также твердость»⁹.

В начале сентября 1944 г. БРП окончательно определила свою тактическую линию сотрудничества с политическими силами страны на основе «совместного управления». Таким образом, обозначилась перспектива многопартийности, которая в сознании подавляющей части болгарского общества исключала вариант установления «коммунистической» власти, вносила известное успокоение в ряды колеблющихся ¹⁰.

Объявление 5 сентября 1944 г. Советским Союзом войны Болгарии послужило сигналом к началу восстания в стране. С 6 сентября власть на местах начала переходить в руки ОФ. Политбюро ЦК БРП, вплотную занимаясь подготовкой главного удара ¹¹, приступило к решению вопроса о персональном составе нового правительства и его программных документах. Делалось это совместно с НК ОФ, и, как явствует из работ болгарского исследователя М. Минчева, специально изучавшего историю формирования первого правительства ОФ ¹², задача оказалась исключительно сложной. Главная причина этого заключалась в представлении деятелей некоммунистиче-

ских партий об ОФ как о политическом союзе, призванном на коалиционной основе решать вопросы управления страной. Отсутствие парламента значительно усиливало роль правительства в государственно-политической жизни, поскольку направления общественно-политического развития страны, его перспективы в создавшейся обстановке во многом зависели от того, какая партия будет играть ведущую роль в правительстве, в чьих руках окажутся наиболее важные министерства. В связи с этим весьма доказательным представляется вывод М. Минчева о нежелании членов НК ОФ на этом этапе расширить состав руководства ОФ путем включения в него представителей других политических сил, т. е. фактически разделить с ними будущую государственную власть¹³. Совсем не случайно поэтому окончательно вопрос о персональном составе правительства ОФ решался в крайне узком кругу — при участии лишь четырех представителей ОФ: Д. Терпешева (БРП), Н. Петкова (БЗНС), К. Георгиева («Звено»), Гр. Чешмеджиева (БРСДП)¹⁴. Нельзя сказать, что численное соотношение министерских портфельей объективно отразило степень влияния каждой из политических партий в стране. В результате обсуждения БРП, БЗНС, «Звено» получили по 4 министерства. По 2 передавались в руки БРСДП и «независимых», т. е. беспартийных общественных деятелей. Очевидно, что доминировали при этом определенные «политические соображения», т. е. стремление максимально учесть как внешне-, так и внутривнутриполитические факторы. Иначе трудно, скажем, объяснить норму представительства «Звена» в правительстве или назначение Д. Велчева военным министром. Определяющим явно было не влияние «Звена» в массах (кстати, незначительное), а довольно тесные контакты этой организации с частью буржуазной интеллигенции и оппозиционными режиму военными кругами. В условиях продолжавшейся войны и неурегулированного международного положения Болгарии факт сравнительно широкого участия патриотической части буржуазии в управлении играл исключительно важную роль с точки зрения международных условий развития революционного процесса в стране. Д. Велчев формально не являлся членом «Звена», но участвовал в правительстве от его имени. Связано это было прежде всего с тем, что он имел немалый вес в военных кругах страны¹⁵, пользовался поддержкой К. Георгиева. И все же назначение Велчева министром для части военных — сторонников ОФ ока-

залось неожиданным ¹⁶. Аналогично обстояло дело и с некоторыми членами правительственного кабинета. Фактически лишь кандидатура К. Георгиева на пост главы правительства не вызвала разногласий: учитывался его большой государственный опыт, сильное влияние среди военных, известные обществу русофильские настроения, приверженность делу ОФ. Цель привлечь к ОФ определенные социальные группы, которые испытывали колебания относительно союза с БРП, обусловила включение в правительство таких лиц, которые пользовались авторитетом и влиянием среди интеллигенции, хотя и не проявили себя сторонниками ОФ в период Сопротивления, в частности «независимого» П. Стоянова (министр финансов), членов «Звена» П. Стайнова (министр иностранных дел) и Ст. Чолакова (министр просвещения). Характерен пример с последним. До 9 сентября 1944 г. более 20 раз Ст. Чолаков отклонял попытки представителей ОФ установить с ним контакт и категорически отказался войти во Фронт. Естественно, назначение его министром вызвало удивление в близких к руководству ОФ кругах ¹⁷. Из воспоминаний академика Т. Павлова известно, что сначала именно ему предполагалось вверить Министерство просвещения. Зная об этом, Т. Павлов даже начал обдумывать некоторые предстоящие мероприятия ¹⁸. Определенные затруднения вызвало решение вопроса о назначении министром торговли социал-демократа Д. Нейкова, который без энтузиазма воспринял это предложение, с большей готовностью претендуя на Министерство телеграфно-почтовой связи и железных дорог ¹⁹. Все эти факты свидетельствуют о том, что формирование правительства сопровождалось изменениями первоначальных расчетов, потребовало от партнеров по ОФ, и прежде всего от коммунистов, компромиссов, даже отступления, но до определенного рубежа. В первом правительстве БРП возглавила 4 министерства из 16, однако 2 из них (Министерство внутренних дел и Министерство юстиции) с точки зрения развития революционного процесса и укрепления ведущих позиций рабочего класса имели решающее значение. На них ложились ответственные и исключительно серьезные задачи защиты завоеваний революции и организации народного суда над фашистскими преступниками. Характерно, что во время предварительного обсуждения состава правительства К. Георгиев отметил, что Министерство внутренних дел — это власть ²⁰. Осознавая это, еще в ночь с 5 на 6 сентября

1944 г. Политбюро, как позднее вспоминали члены его в то время А. Югов и Г. Чанков, окончательно решило для себя вопрос о руководстве МВД коммунистами²¹. Но это решение пришлось отстаивать. На получение портфеля министра внутренних дел рассчитывал, в частности, социал-демократ Гр. Чешмеджиев, поддерживаемый Д. Велчевым²². Ц. Драгойчева сообщает, что именно вопрос о руководстве МВД на последнем нелегальном заседании НК ОФ 8 сентября вызвал споры. Жалание возглавить министерство высказал неожиданно появившийся в момент обсуждения Д. Велчев. Его не очень решительно поддержал представитель БЗНС Н. Петков²³. Однако представителю БРП удалось отстоять точку зрения компартии. И впоследствии БРП никому не уступила это Министерство, что объективно отразило силу и прочность позиций коммунистов. Д. Терпешев вспоминал, что спор возник и относительно претендента на пост министра пропаганды. Партнеры БРП по Фронту возражали против кандидатуры «независимого» Д. Казасова, и представителю компартии пришлось убеждать участников заседания, отстаивая свой проект состава кабинета министров²⁴. Распределение министерских портфелей, как позднее подчеркивал К. Георгиев, требовало преодоления проявившегося уже на том этапе расхождения интересов тех или иных претендентов, учета их амбиций. В этом смысле, писал Георгиев, «моя задача (как главы кабинета.— *Т. В.*) была особенно трудной»²⁵. М. Минчев считает это заявление Георгиева неубедительным, мотивируя свою точку зрения отсутствием после заседания контактов главы правительства с большинством будущих министров²⁶. Однако речь шла, во-первых, о самом заседании, а во-вторых, действительно пришлось преодолевать серьезные разногласия, формируя кабинет, и вряд ли роль К. Георгиева была исключительно пассивной. Болгарские исследователи считают, что при определении персонального состава правительства Политбюро ЦК БРП в ряде случаев вынуждено было действовать не так, как рассчитывало Загранбюро, допустив в условиях быстро менявшейся обстановки некоторые ошибки²⁷. Суть их, по словам участника событий коммуниста Д. Терпешева, заключалась в том, что первое правительство состояло «не из лучших людей», и это вскоре выявилось на практике²⁸. Характерно, что позднее, уже после возвращения на родину в ноябре 1945 г., Г. Димитров в беседе с Т. Павловым назвал «ошибкой» невключение

последнего в состав правительства в качестве министра просвещения и отметил, что она в известной мере компенсировалась участием Павлова в деятельности регентского совета ²⁹. На наш взгляд, с приведенными выше оценками в целом можно согласиться, но они не зачеркивают главного: в конце августа — начале сентября 1944 г. БРП сумела выработать и реализовать верную тактическую линию на создание такого государственного управления, которое в тех конкретных условиях в достаточно полной степени выражало интересы народа. Партия добилась этого, пойдя по пути компромисса с партнерами по ОФ ³⁰. Болгарская исследовательница Сл. Петрова в связи с этим констатирует: «Если бы БКП не стояла на позициях трезвого реализма, она могла бы... возглавить первое правительство ОФ. Такой ход был бы оправдан с точки зрения влияния партии и ее реального вклада в борьбу по сравнению с ее союзниками по ОФ... Верная, однако, своим обязательствам перед союзниками, дав зрелую оценку сложившейся внутренней и международной обстановке и думая о перспективах революции, партия устояла перед соблазном, дарованным ей историей, и еще крепче сплотила ОФ» ³¹.

Крайне сложно обстояло дело и с разработкой правительственной программы.

Состав правительства был объявлен 9 сентября 1944 г.: И в тот же день в речи по радио Софии премьер-министр К. Георгиев заявил, что программа, обнародованная в Манифесте НК ОФ к болгарскому народу в конце августа 1944 г., становится программой правительства. «Правительство Отечественного фронта немедленно приступит к выполнению программы, изложенной в уже опубликованном Манифесте к народу, будет смелым и последовательным выразителем народных интересов» ³². Однако прошла всего неделя, и 17 сентября на митинге в Судебной палате К. Георгиев огласил новую правительственную программу ³³, ни единым словом не упомянув о Манифесте. Этот факт как-то обошел вниманием исследователей, хотя нам представляется интересным и важным. Прежде всего он наталкивает на предположение, что в момент формирования правительство не готово было выдвинуть конкретную программу, приемлемую для всех входивших в его состав представителей политических партий. Так появилась мысль обратиться к программным требованиям Манифеста. Это тем более понятно, что из 16 членов нового правительства 10 входили ранее в состав НК ОФ

и имели, следовательно, непосредственное отношение к появлению этого документа. Более того, отсутствие в речи К. Георгиева по радио каких-либо указаний на то, что новая программа вырабатывается, видимо, означало невозможность хотя бы предположительно назвать срок завершения работы над ней. А между тем подробная конкретная программа деятельности правительства ожидалась на местах с нетерпением³⁴.

Из воспоминаний представителя БРП в НК ОФ К. Драмалиева явствует, что Манифест к болгарскому народу и «программа управления ОФ» обсуждались в НК ОФ вместе «за несколько дней до начала массовых акций в стране», т. е. иными словами, вопрос о программе правительства был вынесен на повестку дня в конце августа 1944 г. Однако тогда программа принята не была, поскольку при формулировании отдельных пунктов, по свидетельству К. Драмалиева, возникли споры. Вероятно, дело настолько безнадежно зашло в тупик, что потребовалось вмешательство Политбюро ЦК БРП, по предложению которого «обсуждение и принятие программы были отложены на более поздний срок»³⁵. Из другого источника узнаем, что отсрочка принятия программы была вызвана возникшими разногласиями по ряду вопросов внутренней политики³⁶. Практически этим исчерпываются крайне скудные сведения о разработке и принятии правительственной программы, которыми ныне располагают исследователи.

Частичный ответ на вопрос, что конкретно явилось «камнем преткновения» при обсуждении программы, дает выступление по софийскому радио 13 сентября 1944 г. министра без портфеля Н. Петкова (БЗНС). Он отметил, что в *платформу ОФ* (выделено нами. — Т. В.) включены наиболее важные идеи, заимствованные из платформы «земледельцев», в частности создание системы кооперативного, планового, свободного от спекуляции, ограбления и эксплуатации народного хозяйства и коллективно-кооперативная обработка земли, а также создание новой справедливой налоговой системы и национализация природных богатств и системы кредитования³⁷.

Встает вопрос: о какой платформе ОФ шла речь? Поскольку ни в Манифесте, ни в программе от 17 сентября пункта о национализации нет, то, следовательно, имелся в виду некий промежуточный вариант программы и, вполне возможно, он был не единственным. Логично предположить, что именно этот пункт (хотя, возможно,

не только он) вызвал споры и в конечном счете отсрочку принятия программы. Характерно в связи с этим, что на митинге в Судебной палате 17 сентября 1944 г. после оглашения правительственной программы министр коммунист А. Югов счел необходимым особо подчеркнуть, что национализации крупных предприятий не будет.

Программные документы политических партий, относящиеся к межвоенному периоду, позволяют, по нашему мнению, достаточно доказательно определить, какой из партий ОФ органически чужда была идея о национализации собственности в том или ином варианте. Болгарские коммунисты, выдвигая в качестве конечной цели своей политической борьбы «социальную революцию пролетариата» и построение социалистического общества³⁸, неоднократно высказывали свое принципиальное отношение к идее национализации крупных промышленных и торговых предприятий, шахт, банков, транспорта и пр.³⁹ В разработанном Загранбюро ЦК БРП во второй половине 1943 г. проекте программы действий БРП против гитлеровских завоевателей, монархо-фашистской диктатуры и реакции в Болгарии была четко определена позиция коммунистов по вопросу о переходе в государственное управление на пользу обществу, т. е. о национализации шахт, железнодорожного, морского, автомобильного и воздушного транспорта, института страхования⁴⁰. В тексте проекта встречается и прямое указание на необходимость «национализации института страхования»⁴¹. Что касается вопроса о кредитовании, то здесь компартия занимала менее решительные позиции: в проекте предпочтение было отдано «системе государственных, коммунальных и кооперативных кредитных учреждений», причем разъяснялось, что развитие государственных кредитных учреждений должно осуществляться в интересах народного хозяйства и с привлечением в них накоплений трудящихся⁴². БЗНС последовательно отстаивал тезис о национализации кредитования и природных богатств, не отказался от него и позднее⁴³. Вполне однозначно вырисовывается и позиция социал-демократов, которые, например, еще осенью 1933 г. на своем 36-м съезде прокламировали национализацию кредита⁴⁴. Непосредственно после 9 сентября 1944 г. БРСДП всячески подчеркивала свое стремление к «замене частного капиталистического хозяйства плановым социалистическим» со всеми сопутствующими такой коренной перестройке последствиями⁴⁵. В разработанной в 1937 г. программе «Звена»

предусматривалось создание в ряде отраслей экономики государственных монополий, что свидетельствовало о защите «Звеном» интересов крупного монополистического капитала. Вместе с тем «звепари», разделяя по существу взгляды английских буржуазных экономистов Кейнса, Бевериджа и др., не восприняли их идею о капиталистической национализации⁴⁶. Тем более сдержанной была позиция «Звена» относительно планов национализации в условиях руководимой компартией борьбы за свержение режима и непосредственно после победы 9 сентября. В такой обстановке слово «национализация» становилось своего рода жупелом для буржуазных промышленных и финансовых кругов. Думается, именно «Звено», развивавшееся после 9 сентября 1944 г. как типично буржуазная партия, отвергло предложения о национализации с позиции защитников частной собственности и инициативы, в то время как остальные партнеры по ОФ не сочли возможным настаивать на них.

Таким образом, уже попытка разработать первый правительственный документ выявила серьезные различия во взглядах союзников на будущие политические и социально-экономические преобразования в стране. Безусловно, особую остроту дискуссии придавал характер обсуждавшегося документа: ведь он был призван определить направления и границы предстоящих перемен, стать программой *действия*.

Попытка выработать в конце августа — начале сентября 1944 г. согласованный документ, хотя и завершилась безрезультатно, все же, думается, имела немаловажное значение. Выявились конкретные пункты и формулировки приемлемые для всех участников обсуждения. Подтверждение этому находим в докладе К. Георгиева на I съезде комитетов ОФ (март 1945 г.). Возвращаясь к недавнему прошлому, глава кабинета подчеркнул, что правительство стремилось «подробно, точно и конкретно начертать основные линии... будущей деятельности по восстановлению страны и широкому переустройству во всех областях политической, хозяйственной, социальной и культурной жизни»⁴⁷. Однако, так как члены правительства выражали интересы различных классовых сил болгарского общества, неизбежен был компромисс. Более того, он был необходим с точки зрения максимального сплочения демократических сил в ОФ.

*§ 2. Основные положения политических
разделов программы от 17 сентября 1944 г.*

Правительственная программа была оглашена на большом митинге в Судебной палате в Софии 17 сентября 1944 г. Зачитал ее глава кабинета К. Георгиев⁴⁸. Программа открывалась кратким перечислением основных задач в сфере внешней политики⁴⁹. В ней предусматривалось установление сердечных, дружественных отношений с Советским Союзом и братским русским народом, подчеркивалась необходимость налаживания дружественных отношений с демократическими странами Запада. Особо указывалось на задачу установления самых тесных контактов с новой Югославией и другими балканскими государствами как залог решения всех спорных вопросов «до конца и в духе братства». Формулировался также пункт об «окончательном решении македонского вопроса путем предоставления македонскому населению права на самоопределение».

Македонский вопрос по-прежнему оставался одной из «болевых точек» в межгосударственных, и в частности в болгаро-югославских, отношениях на Балканах. После капитуляции Югославии в апреле 1941 г. большая часть Вардарской Македонии была оккупирована войсками реакционного правительства Болгарии. В этих районах вскоре развернулось народно-освободительное движение, руководимое югославскими коммунистами. В условиях «великоболгарского» шовинистического угара, вызванного территориальными приращениями, БРП рассматривала вывод болгарских оккупационных войск как одну из неотложных задач, призванных положить конец предательской антинародной политике правительства. В программе ОФ от 17 июля 1942 г. подчеркивалось, что национальные интересы болгарского народа по соглашению с другими балканскими народами должны быть обеспечены в соответствии с принципами Атлантической хартии. Последняя, как известно, содержала тезис об отказе от территориальных захватов. Позиция БРП в то время — создание целостной, свободной и независимой Македонии без присоединения ее к какому бы то ни было балканскому государству — не вступала в противоречие с позицией Исполкома Коминтерна, который в конце августа 1941 г. сформулировал положение о том, что обе партии — КПЮ и БРП — должны выступить за самоопределение македонцев⁵⁰. Вместе с тем руководство БРП считало,

что окончательное решение македонского вопроса невозможно, пока длится война, и, исходя из этого, а также не желая недостаточно взвешенными заявлениями осложнить отношения с Югославией и другими балканскими странами, отвлечь внимание от главной задачи дня — борьбы с антинародными режимами и германским фашизмом, не формулировало свою позицию перед партнерами по ОФ⁵¹. Для БРП в тот момент македонский вопрос оказывался подчиненным главной задаче — разгрому реакции и фашизма. Тем не менее под давлением партнеров (непосредственная инициатива исходила от К. Георгиева) во второй половине 1943 г. в НК ОФ началось обсуждение вопроса о будущем Македонии, продолжавшееся в течение 3-х месяцев. Итогом его явилась декларация «Отечественный фронт о македонском вопросе», опубликованная в декабре 1943 г.⁵² Декларация отразила согласованную точку зрения участников ОФ на перспективу решения македонского вопроса. В сжатом виде она сводилась к следующим положениям: реализация применительно к Македонии принципов Атлантической хартии, гарантирующих экономическую, политическую и культурную свободу народов; осуществление лозунга «Македония для македонцев», могущего положить конец соперничеству балканских государств. «Единственное спасительное решение,— подчеркивалось в документе,— целостная, свободная и независимая Македония. Лишь в этом случае она перестанет быть яблоком раздора и превратится в прочное звено, соединяющее балканские народы». Высказавшись за «самоопределение Македонии», авторы декларации особо подчеркнули недопустимость нового дележа территории Македонии, равно как и присоединения ее к какому бы то ни было балканскому государству. Хотя декларация не содержала открытого призыва к созданию южнославянской федерации, все же идея эта закреплялась в данном документе: «У балканских народов есть лишь один путь к соглашению и мирному урегулированию межбалканских вопросов. Этот путь нам указали Раковский, Каравелов, Левский, Ботев, сербские общественные деятели Светозар Маркович, Гарашанин и другие. Но этот путь ныне забыт». Таким образом, в качестве альтернативы ОФ в конце 1943 г. фактически поддерживал идею объединения балканских народов в федерацию, в которой нашла бы свое место и Македония как самостоятельная и независимая единица. Почему же тогда в программе от 17 сентяб-

ря 1944 г. эта развернутая позиция участников ОФ стала в значительно суженном на первый взгляд варианте и что стояло за требованием самоопределения македонского населения? Позиция партнеров компартии по ОФ была вполне определенной: и «земледельцы», и социал-демократы, и члены «Звена» на протяжении межвоенного времени и периода войны высказывались в пользу превращения Македонии в звено для сплочения балканских народов на федеративной основе⁵³. Поэтому, думается, можно оспорить вывод, содержащийся в декларации ОФ 1943 г., о том, что путь федерации в болгарском обществе был «забыт». Но, как показывают конкретные материалы, для БРП федерация была лишь одним (и неизвестно, наиболее ли предпочтительным) из вариантов решения македонского вопроса. Характерно в связи с этим письмо Ц. Драгойчевой представителю БРП в НК ОФ К. Драмалиеву от 27 октября 1943 г. «Ничего удивительного, — говорилось в нем, — если самоопределившаяся Македония захочет объединиться с Болгарией, но это послевоенный вопрос»⁵⁴. Иными словами, болгарские коммунисты не исключали возможность через самоопределение македонского населения объединить неболгарские части Македонии с Болгарией. Закрепленная в декларации ОФ линия вызвала негативную реакцию КПЮ. Она нашла отражение в телеграмме И. Броз Тито Г. Димитрову 24 января 1944 г., в которой подчеркивалось, что требование объединенной Македонии, полностью самостоятельной и не присоединенной ни к одному из балканских государств, является враждебным народно-освободительной борьбе народов Югославии, противоречит решениям АВНОЮ⁵⁵. II сессия АВНОЮ, состоявшаяся 29 ноября 1943 г. в г. Яйце, приняла решение о будущем государственном устройстве Югославии: «...Югославия строится и будет построена на федеративной основе, которая обеспечит полное равноправие сербов, хорватов, словенцев, македонцев и черногорцев, соответственно народов Сербии, Хорватии, Словении, Македонии, Черногории, Боснии и Герцеговины»⁵⁶. Загранбюро ЦК БРП, встревоженное реакцией югославского руководства, обсудило в спешном порядке состояние македонского вопроса. По его поручению соответствующий доклад был подготовлен В. Поптомовым и Д. Влаховым. Авторы доклада, последовательно рассмотрев возможности реализации права македонского народа на самоопределение (самостоятельное македонское государство, балканская федерация, обособ-

ление Македонии как федеральной единицы в рамках Югославии), высказались в поддержку решений II сессии АВНОЮ по вопросу о Македонии. При этом особо подчеркивалась сложность международной обстановки, заставлявшей серьезно взвешивать все «за» и «против» при выработке позиции по данному вопросу⁵⁷. Весной 1944 г. позиция БРП по македонскому вопросу окончательно определилась, и Г. Димитров довел ее до сведения Сталина и Тито. Он, в частности, писал: «По моему мнению, наиболее желательной ориентацией для Балкан и для Советского Союза было бы создание на равноправной основе федерации южных славян из болгар, сербов, хорватов, словенцев, черногорцев и македонцев. В ней Македония могла бы получить свою национальную свободу и государственность...» Однако говорить открыто об этом и пропагандировать в то время этот лозунг Димитров считал «песвоевременным» и даже вредным⁵⁸. Таким образом, видимо, к моменту выработки правительственной программы сформулировать более определенно пункт о решении македонского вопроса не представлялось возможным. На наш взгляд, определяющим здесь являлся международный фактор. Болгария выходила из войны фактически побежденной страной, бывшим союзником фашистской Германии. Несомненно, что «объединенная Болгария» должна была перестать существовать. Уступки с ее стороны, в том числе и территориальные, победителям-союзникам по антигитлеровской коалиции, т. е. и Югославии, были неизбежны. Причем при решении территориальных вопросов Югославия, естественно, рассчитывала на позитивный для себя результат. С этими объективными обстоятельствами болгарское руководство не могло не считаться. Вместе с тем огромный международный авторитет СССР, создание новой Югославии рождали у БРП определенный оптимизм, веру в то, что наиболее острый «балканский» вопрос — македонский — будет решен и с учетом интересов Болгарии. Руководство БРП не случайно включило его в круг «послевоенных», не без оснований полагая, что «целый ряд еще неизвестных факторов» повлияет на его решение. Поэтому, выдвигая требование самоопределения населения Македонии, болгарская сторона обозначала, по существу, лишь первый необходимый этап разрешения македонского вопроса, оставляя нераскрытыми дальнейшие направления действия. Иными словами, в программе от 17 сентября 1944 г. закреплялось то «стартовое» необходимое действие, кото-

рое должно было послужить отправной точкой в будущем. Соглашаясь весной — летом 1944 г. с точкой зрения югославского руководства о включении территории Македонии в состав будущей федеративной Югославии, болгарское руководство, и это подтверждает принятая в программе от 17 сентября формулировка, делало это, видимо, в значительной степени вынужденно. Примечательно, что, выступая в начале ноября 1944 г. на областной конференции БРП в г. Горна Джумая, В. Поптомов ознакомил делегатов с точкой зрения Г. Димитрова: «С включением Петричской околии в состав Македонии под крылом Югославии не следует спешить. Нужно ждать мира, а после увидим, что следует делать. Сегодня же надо вести агитацию за право македонского народа на самоопределение и за сближение с Югославией Тито»⁵⁹.

Внутриполитический раздел программы от 17 сентября 1944 г. открывался провозглашением «восстановления Конституции и всех прав и свобод болгарского народа». В болгарской истории к тому времени была известна лишь одна конституция, принятая в 1879 г. первым Учредительным народным собранием в Тырново и получившая в связи с этим название Тырновской. Отразившая победу либеральных кругов болгарской буржуазии над консервативной ее частью Тырновская конституция явилась одной из наиболее прогрессивных для своего времени, снискала огромную популярность среди широких слоев болгарского общества. «Своими демократическими постановлениями,— писал В. Коларов,— [конституция] создавала легальную основу для политического просвещения, для политической ориентации и борьбы трудящихся города и деревни»⁶⁰. Формально не отменяя Тырновскую конституцию, буржуазные правительства Болгарии весьма скоро перешли к ущемлению прокламируемых ею принципов, начали активное наступление на права и свободы народа. Поэтому не случайно в межвоенный период требование восстановления Тырновской конституции было одним из наиболее сильных объединяющих стимулов в жизни болгарского общества⁶¹. «Восстановления Тырновской конституции,— писало „Работническо дело“ в январе 1936 г.,— требуют те политические организации, за которыми идет громадное большинство болгарского народа»⁶². В лозунге восстановления Тырновской конституции сочеталось много элементов: и традиции национального Возрождения, и демократические, прогрессивные национальные идеалы болгарского народа, и надежды на со-

циальное обновление страны. Все силы, выступавшие против монархо-фашизма, в том числе и те, кто видели единственную альтернативу ему в буржуазно-парламентском строе, поддерживали этот политический лозунг. Сообразуясь с этим, позитивное отношение к нему выражали и коммунисты. Однако Тырновская конституция касалась не только демократических свобод, она закрепляла устройство буржуазного государства как наследственной конституционной монархии, узаконивала буржуазную собственность и свободу накопления капитала, немыслимого без эксплуатации трудящихся, и пр. Естественно поэтому, что компартия рассматривала лозунг восстановления конституции в своего рода «узком» плане. Как подчеркивал на VI пленуме ЦК (февраль 1936 г.) член Политбюро Т. Матанов, нормализацию положения в стране коммунисты связывали с восстановлением прав и свобод народа и лишь в этом смысле — с восстановлением конституции⁶³. В избирательной платформе Рабочей партии (1938 г.) записано следующее требование: «...немедленное восстановление Тырновской конституции: свободы слова, печати, собраний, ликвидация цензуры и всех исключительных законов... свобода организации — политической и профессиональной...»⁶⁴ И здесь коммунисты не случайно расшифровывают свое понимание лозунга восстановления Конституции, делая упор на ее демократические положения. Однако в избирательной платформе так называемого Демократического объединения (март 1938 г.)* данный пункт получил другую редакцию: коммунисты были вынуждены согласиться с требованием партнеров о «немедленном и полном восстано-

* Демократическое объединение на основе общей платформы составили: Рабочая партия (легальная форма БКП), БЗНС-«Пладне», Радикальная партия С. Костуркова, Демократическая партия и так называемая «пятерка» (Демократический стовор А. Ляпчева, БЗНС-«Врабча», Национал-либеральная партия Б. Смилова, группировка К. Пастухова из БРСДП, Радикальная партия Г. Генова). Вне Демократического объединения, однако занимая, по существу, позиции Народного фронта, находилось «Звено», выступавшее, в частности, за «демократический и парламентарный строй», не ссылаясь при этом на Тырновскую конституцию. Платформа Демократического объединения на выборах в Народное собрание отразила основные программные требования всех партий, особенно Рабочей партии и «пятерки». Появление этой платформы явилось важным шагом на пути создания в стране Народного фронта и означало соглашение «сверху», ставшее возможным благодаря преодолению разного рода разногласий между политическими партиями.

влении Тырновской конституции»⁶⁵. Это означало, что партнеры компартии перспективу развития страны связывали с устранением всех преград на пути буржуазной демократии и Тырновскую конституцию считали надежным гарантом этого.

Выступив в 1942 г. инициаторами создания в стране Отечественного фронта, коммунисты в платформу от 17 июля не включали пункт о восстановлении Тырновской конституции. «Определить будущую форму управления Болгарии и создать необходимые конституционные и материальные гарантии свободы, независимости и процветания» страны предстояло Великому Народному собранию (ВНС)⁶⁶. Иными словами, платформа четко обозначала перспективу разработки и принятия уже в обозримом будущем новой конституции страны. В упоминавшемся выше проекте программы действий БРП 1943 г. задача «последовательного проведения демократических начал в государстве и обществе» связывалась, в частности, с гарантией свободы печати, слова, совести, собраний, объединений. На характер будущей конституции страны указывала четко сформулированная задача превращения Болгарии в «народную демократическую республику, основанную на подлинно демократических началах»⁶⁷. В связи с рассмотрением проекта 1943 г. хотелось бы отметить, что современные исследования пока не подтверждают факт своевременного ознакомления с этим документом руководства БРП внутри страны⁶⁸. Проект программы действий интересен прежде всего потому, что дает представление о позициях БРП в значительной степени, что называется, в «чистом виде», когда задачи ставились нередко «по максимуму». Чтобы не быть голословными, отметим, что в практической деятельности коммунисты использовали популярный политический лозунг в интересах обеспечения взаимодействия политических сил. После смерти царя Бориса в августе 1943 г. руководство БРП, как вспоминал Д. Казасов, попыталось установить контакт с легальной оппозицией «на основе старого соглашения о восстановлении Тырновской конституции» (речь явно шла о платформе Демократического объединения. — *Т. В.*) в целях проведения выборов регентов на основе ее постановлений⁶⁹. Следует учесть, что по статье 26-й конституции, регентство избиралось Великим Народным собранием⁷⁰, а созыв ВНС, как указывалось выше, соответствовал требованию платформы ОФ от 17 июля 1942 г. Не исключено, что это об-

стоятельство в какой-то мере определило негативную реакцию легальной оппозиции на предложение коммунистов о сотрудничестве. Таким образом, на новом этапе борьбы компартия по-прежнему допускала возможность демократического использования отдельных статей Тырновской конституции, хотя в условиях возникшей реальной перспективы прихода к власти рабочего класса не выдвинула лозунг ее восстановления. Констатировать с полной определенностью, что именно отказ коммунистов от этого лозунга не позволил объединить все антигерманские силы нации вокруг ОФ, было бы, на наш взгляд, преувеличением. Но, по-видимому, он в какой-то мере помешал объединению. Косвенным подтверждением данному выводу служит циркуляр № 5 ЦК БРП от 12 сентября 1944 г., в котором партийное руководство, пожалуй, впервые заявило о восстановлении Конституции, демократических прав и свобод болгарского народа как о *цели борьбы ОФ* (выделено нами. — Т. В.). Примечательно и то, что это заявление было сделано в связи с необходимостью убедить широкие слои народа в том, что «перемены общественного строя» не будет ⁷¹. Можно, следовательно, допустить, что снятие коммунистами лозунга восстановления Тырновской конституции в период складывания ОФ воспринималось частью болгарского общества как доказательство будущих опасно радикальных социальных перемен. В свою очередь, это вполне могло стать сдерживающим фактором в деле создания ОФ «сверху».

Циркуляр № 5 появился на несколько дней раньше, чем была принята программа правительства от 17 сентября. В связи с этим фактом содержавшееся в нем заключение, что «борьба Отечественного фронта была направлена... на восстановление Конституции» приобретает для нас особую важность: оно в известной степени показывает, в каком направлении шло обсуждение программы правительства, как партнеры коммунистов по Фронту оценивали победу вооруженного восстания 9 сентября и какой виделась части из них перспектива развития «новой Болгарии». Конечно, лозунг восстановления Тырновской конституции был лозунгом «ограниченного действия», он отражал, как справедливо подчеркивает болгарский исследователь М. Исусов, такую политическую цель, которая сильно отставала по сравнению с развитием революционного процесса ⁷². Но в создавшихся условиях, когда политически и социально-психологически массы не были готовы к «введению» социалистической

политической структуры, когда наиболее актуальными были задачи дефашизации и демократизации страны, лозунг Тырновской конституции отвечал потребностям момента. В связи с этим уместно вспомнить предостережение В. И. Ленина о том, что «ничего нет более опасного, как принижение значения принципиально выдержанных тактических лозунгов в революционное время»⁷³. Верные своей прежней линии на использование демократических положений Конституции, коммунисты открыто заявили о нежелании следовать полностью ее духу и букве. «Мы не вернем старую Тырновскую конституцию,— говорила в октябре 1944 г. на конференции областных комитетов ОФ Горна Джумай и Плевена Ц. Драгойчева.— Мы возьмем из нее лучшее, но не будем придерживаться слепо каждой буквы ее... мы пойдем вперед»⁷⁴. Свои планы в отношении коррекции отдельных статей Конституции имелись и у других партий ОФ.

Вступая в ОФ, БЗНС-«Пладне» вынашивал идею создания в Болгарии «народовластнического правительства»⁷⁵ с последующим изменением статей Конституции⁷⁶. Ратуя за структурные экономические преобразования, переустройство экономических и социальных отношений и демократизацию управления⁷⁷, БРСДП в то же время связывала свое участие в правительстве ОФ с уверенностью, что утверждающаяся народная власть не пойдет дальше восстановления демократического управления на основах Тырновской конституции⁷⁸, т. е. восстановления старой буржуазной демократии. Накануне второй мировой войны после длительной и серьезной эволюции «Звено» пришло к поддержке лозунга восстановления Тырновской конституции, хотя и добивалось при этом перемен «в духе идей 19 мая». За подобной формулировкой стояли планы перестройки деятельности парламента, который, по мысли «звенарей», должен был состоять из представителей «экономических категорий», и ликвидации, многопартийной системы⁷⁹. После 9 сентября «Звено», неоднократно заявлявшее о своей верности «идеям 19 мая», основным выводам и положениям программы 1937 г., выступило с тезисом об организации государства на началах «дисциплинированной и просвещенной демократии» с участием широких кругов народа, волю и интересы которых должно отражать народное собрание⁸⁰. Соответствующие изменения должны были отразиться в Конституции страны.

Таким образом, политические партии — участницы ОФ сходились на необходимости определенного изменения Конституции, хотя и вкладывали в это требование различное содержание. В целом для союзнических партий восстановление и соблюдение конституционных норм означало прежде всего ликвидацию «тоталитарного режима насилия» без изменения сути общественного строя. Объективно такой подход превращал лозунг восстановления и защиты Конституции в стратегический, в оружие, направленное против возможных преобразований в политической и экономической жизни страны, могущих затронуть основы существующего строя, т. е. придавал ему охранительное значение. В связи с этим небезынтересно, что непосредственно после 9 сентября в некоторых кругах болгарского общества заговорили об ОФ как повторении в общих чертах того, что являл собой Народный блок, находившийся у власти в 1931—1934 гг. Он олицетворял собой коалицию нефашистских буржуазных и мелкобуржуазных партий, и его основная задача сводилась к нормализации политического положения в стране путем реабилитации буржуазно-парламентского строя⁸¹. Параллели между ОФ и Народным блоком, таким образом, отражали вполне определенное видение ОФ как политического объединения, цель которого сводилась к «очищению» общества от «тоталитаризма», фашизма и насилия, утверждению общественно-политического строя, соответствовавшего буржуазной Тырновской конституции (с некоторыми поправками «в духе времени»). ЦК БРП(к)* счел необходимым провести специальное разъяснение по этому вопросу среди широких кругов членов партии. «Демократия ОФ — это не демократия Народного блока 1931 г., — отмечалось в тезисах Агитпропа ЦК БРП(к) к докладу об итогах трех месяцев власти ОФ. — Отечественный фронт выступает за новый тип демократии, за народную, за прогрессивную демократию»⁸².

Поскольку обсуждение основного вопроса внутриполитического раздела программы от 17 сентября — о Конституции — неизбежно упиралось в определение перспектив политического и экономического развития Болгарии, он приобрел значительную остроту. Не случайно окончательное решение о восстановлении Тырновской консти-

* В конце сентября 1944 г. БРП получила новое наименование — Болгарская рабочая партия (коммунистов) — БРП(к).

туции было принято на заседании Национального комитета расширенного состава, т. е. с участием руководства всех партий. Этот своеобразный «пленум ОФ» обсуждал, как правило, наиболее важные, спорные вопросы, выступал в качестве политического арбитра для улаживания возникших среди партнеров разногласий⁸³.

Каким же был итог? Он известен — в программу от 17 сентября вошел пункт о «восстановлении Конституции и всех прав и свобод болгарского народа». Речь на этот раз не шла, как в платформе Демократического объединения, о полном восстановлении основного закона страны. Снято было и определение «Тырновская», и впоследствии коммунисты попытались использовать и это обстоятельство в качестве дополнительного аргумента к обоснованию собственной позиции во время обсуждения новой конституции⁸⁴. Характерно, что к требованию из платформы Демократического объединения вернулась позднее «лояльная оппозиция», подчеркивая, что «во имя Тырновской конституции и ее полного восстановления был создан ОФ»⁸⁵.

Наличие пункта о восстановлении Конституции в программе правительства обусловило использование, хотя и в ограниченной степени, старых юридических норм в государственно-правовом строительстве и в связи с этим стало, несомненно, серьезным фактором объединения разнородных политических сил вокруг ОФ. Для коммунистов включение данного пункта в программу объективно являлось отступлением со своих позиций периода антифашистского Сопротивления. Вместе с тем им удалось добиться достаточно гибкой формулировки требования, позволявшей в случае реализации программы действительно гарантировать болгарскому народу его права и свободы, что в целом способствовало достижению конечных целей классовой борьбы.

Правовое положение болгарских граждан конкретизировалось в последующих пунктах программы от 17 сентября 1944 г. Ряд их (отмена исключительных законов, политическая амнистия жертвам этих законов и борцам за свободу народа) повторяли требования, зафиксированные в платформе Народного фронта 1938 г., но в отличие от последней в правительственной программе отсутствовал акцент на то, что большинство этих законов и декретов появилось после 19 мая 1934 г. Это, несомненно, отразило факт участия в ОФ «Звена» и нежелание партнеров, прежде всего коммунистов, в новой обстановке

после 9 сентября напоминанием о прошлом осложнять ситуацию внутри ОФ.

Нашли отражение в программе и вопросы государственного строительства, что составило новый момент по сравнению с платформой Демократического объединения. Речь шла, в частности, о роспуске старого Народного собрания и проведении свободных выборов. Пункт этот предварялся другим — относительно переустройства государства «сообразно свободно проявленной воле народа». В исторической литературе это требование связывается, как правило, с перспективой изменения Конституции, с отменой монархии и проведением референдума⁸⁶. Думается, что эта точка зрения весьма обоснованна. В проекте программы действия БРП 1943 г., например, прямо указывалось: «...не подлежит никакому сомнению, что свободно избранное будущее Великое Народное собрание подавляющим большинством голосов провозгласит республику и примет полностью демократическую республиканскую конституцию»⁸⁷. Выдвинуть на повестку дня после 9 сентября 1944 г. лозунг ликвидации монархического института не представлялось возможным, хотя позиция компартии на этот счет была вполне определенной. В проекте программы действия читаем: «Первое условие создания действительно народной демократической власти — низложение Кобургской династии, ликвидация монархического строя и провозглашение народной демократической республики в Болгарии»⁸⁸. Но, как известно, монархический институт сохранялся в стране еще в течение двух лет. Был сформирован новый регентский совет при недостижном совершеннолетия царе Симеоне, в который вошел и коммунист Т. Павлов. С учетом внутренней и внешнеполитической обстановки совет превращался в один из «важных регулирующих и балансирующих факторов управления страной». Недаром, по словам В. Коларова, БРП была далека от того, чтобы считать регентство «пустой формальностью, фикцией, пережитком, не имеющим под собой никакой реальной опоры»⁸⁹. Таким образом, очевидно, что конкретная ситуация заставляла коммунистов корректировать свои первоначальные расчеты, и это нашло отражение уже в программе от 17 сентября 1944 г.

Важным моментом программы от 17 сентября являлась предусматривавшаяся чистка государственного аппарата. Вопрос о создании новых кадров служащих, готовых проводить политику народной власти, весьма остро вы-

двинулся на повестку дня уже в первые дни после 9 сентября. По сравнению с Манифестом НК ОФ от конца августа 1944 г., предусматривавшим чистку всего госаппарата от антинародных элементов, данный пункт внутривластного раздела программы был расширен за счет констатации необходимости создания «честной, способной и верной интересам народа администрации».

Показательно, что в Манифесте НК ОФ пункт о чистке от антинародных элементов стоял в ряду других требований, направленных на ликвидацию существующего режима и искоренение авторитарной идеологии. Поэтому само определение «антинародный» было созвучно прежде всего понятиям «фашистский» и «профашистский». При формулировке же, вошедшей в программу от 17 сентября, менялся акцент: предметом внимания комитетов ОФ как важных органов проведения чистки становились довольно широкие круги высшего и среднего чиновничества, которые негативно отнеслись к восстанию 9 сентября. В основном это были те круги бюрократии, которые по классовому и имущественному положению принадлежали к средней или даже крупной буржуазии, концентрировали значительные богатства в своих руках, участвовали в предпринимательской деятельности, биржевых спекуляциях, использовали свое служебное положение в целях личного обогащения⁹⁰. Доказательством того, что в практической области чистка, помимо открыто фашистских элементов, ошутимо затронула именно эти круги, служат, по нашему мнению, масштабы и острота сопротивления ей в тех звеньях госаппарата (прежде всего в министерствах), где некоммунистические партии сохранили или приобрели сильное влияние⁹¹. Таким образом, думается прав П. Славов, оставляя авторство требования чистки госаппарата и сопутствующих ему в программе требований за коммунистами.

Что касается конкретных требований по улучшению деятельности государственного аппарата, то они, судя по более ранним документам политических партий, во многом совпадали. И «земледельцы», и социал-демократы, и коммунисты неоднократно выступали за уничтожение бюрократизма, формалистики и канцелярщины, за сокращение раздутого казенного аппарата и упрощение его структуры, против бесконтрольности и коррупции чиновничества и т. п.⁹²

Важное значение имел пункт программы о восстановлении самоуправления общин. Он был направлен прежде

всего против практики прямого назначения кметов и их помощников правительством, что давало возможность властям использовать кметский институт в своих целях. Данное обстоятельство тем более важно, что общинные и окружные советы выполняли определенные государственные функции: проводили сбор налогов, поддерживали правопорядок, в чрезвычайных обстоятельствах, например в условиях военного времени, имели право реквизировать имущество и пр. При многих общинах, особенно городских, имелись свои капиталистические предприятия, связанные прежде всего с водоснабжением, освещением, отоплением и др. Общинам принадлежали леса, пивы, карьеры по выработке камня и пр., у них был собственный бюджет, в случае необходимости они имели право облагать население дополнительными налогами и пошлиной. Все это, несомненно, повышало важность и значение лозунга общинного самоуправления. Для компартии, как и для ряда других политических партий, это требование было традиционным. Более того, в межвоенный период ей удалось добиться значительных практических успехов в деле овладения местными органами власти и как результат в организации защиты непосредственных экономических и культурных интересов трудящихся на местах ⁹³. Союзнические партии также акцентировали свое внимание на вопросах местного самоуправления. В соответствии с идеей «народовластия» БЗНС в свои планы «децентрализации» управления, предусматривавшие в числе прочего выборность чиновничьего аппарата, включил и требование «полной разумной автономии» общин, наиболее важные вопросы жизни которых предполагалось решать путем референдума ⁹⁴. Руководство БРСДП разделяло эту позицию, сформулированную в целом также значительно раньше, в межвоенный период, и согласованную с ЦК БРП. Общая платформа ЦК БРСДП и ЦК БРП о создании единого фронта и «совместном управлении» (июль 1936 г.) содержала пункт о полной автономии общин и выборах советников общин и кметов ⁹⁵. «Звено», напротив, на протяжении длительного времени перспективы развития общинной политики связывало с назначением центральной властью «компетентных» кметов ⁹⁶. После 19 мая 1934 г. именно этот принцип лег в основу общинной реформы, проведенной новой властью и приведшей к уничтожению самоуправления общин. Фактически это отменяло и соответствующее положение Тырновской конституции. Однако в про-

грамме группы офицеров-«девятнадцатимайцев» (1938 г.) нашлось место требованию полного восстановления местного самоуправления на демократической основе, т. е. выборов кметов населением⁹⁷. Учитывая сходство и близость политических позиций «Звена», офицеров-«девятнадцатимайцев» и Демократического объединения в капун второй мировой войны, отмеченные в специальной литературе⁹⁸, думается, что эволюция представителей двух первых группировок от авторитаризма к демократии была в значительной степени делом времени. В новых условиях после 9 сентября 1944 г. «Звено» не стремилось защищать свои старые позиции и, подобно своим партнерам по ОФ, включило требование самоуправления общин в круг мероприятий, направленных на демократизацию страны. Это подтверждают и поступавшие в начале 1945 г. из низовых организаций «Звена» требования предоставить общинам автономию с широкими правами управления, оставив государству функции контроля за состоянием дел на местах⁹⁹.

Большое значение имел пункт внутривнутриполитического раздела программы о проведении народного суда «над виновниками в издевательствах над борцами за свободу народа и над мирным населением Болгарии и оккупированных территорий». С ним соседствовал другой — о конфискации имущества и капиталов лиц, разбогатевших в условиях военного времени путем спекуляции и взяточничества. Сама идея наказания военных преступников и последующей конфискации их имущества не была чем-то присущим исключительно Болгарии. Практически все национальные фронты стран Центральной и Юго-Восточной Европы зафиксировали в своих программах аналогичные требования, исходившие, как правило, от коммунистов и активно поддержанные их партнерами¹⁰⁰.

В Болгарии это требование претерпело очень интересную и показательную эволюцию. В платформе ОФ от 17 июля 1942 г. коммунисты предложили «обезвредить фашистских головорезов и преступников и примерно наказать их». В проекте программы действия БРП уже выдвигалось требование «народного суда над предателями, убийцами и грабителями народа, конфискации их имущества». Коммунисты считали, что в первую очередь наказанию подлежали регенты, министры и депутаты, высшая администрация и военачальники, а также служившие монархо-фашистскому режиму журналисты, распространявшие фашистскую идеологию. Все они объяв-

лялись государственными преступниками. Аресту и «примерному наказанию» подлежали организаторы массовых расправ и пыток патриотов, облав в городах и блокирования районов партизанских действий, участники казней осужденных, прокуроры и судьи, тюремщики и шпики. Суду и наказанию, согласно международной судебной практике, должны были подвергнуться вдохновители, организаторы и участники преступных действий на оккупированных землях ¹⁰¹. Идея народного суда над виновниками национальной катастрофы и конфискации имущества и капиталов гитлеровских агентов в Болгарии и «незаконно разбогатевших» была зафиксирована в Манифесте НК ОФ от конца августа 1944 г. Программа от 17 сентября 1944 г. подтвердила это требование и уточнила понятие «незаконно разбогатевшие», связав его прежде всего со спекулятивной буржуазией. Болгарские экономисты убедительно доказали, что спекулятивно-торговый капитал, представленный 880 торговыми фирмами и 2228 торговцами-импортерами ¹⁰², являлся наиболее мощной группировкой национальной буржуазии, связанной к тому же с иностранным, в первую очередь немецким, капиталом. Поэтому требование конфискации собственности у лиц, которые в условиях военного времени разбогатели путем спекуляции и взяточничества, означало фактическую ликвидацию экономической базы фашизма в Болгарии ¹⁰³. Поскольку спекулятивный и паразитический капитал выступал в качестве главного эксплуататора болгарской деревни, любое ограничение его позиций, ущемление его интересов, даже облаченное в антифашистскую патриотическую форму, включало в себя серьезный социальный аспект, отвечало в силу объективной реальности программным положениям БЗНС. Сама идея народного суда также была близка «земледельцам». Известно, что в период правления коалиционного правительства во главе с А. Стамболийским (1919—1920 гг.) в его программе выдвигалось предложение о предании суду народа виновников национальной катастрофы ¹⁰⁴. Естественно поэтому, что после 9 сентября идея народного суда была объявлена полностью соответствующей «земледельческой» платформе ¹⁰⁵.

Несколько по-иному обстояло дело со «Звеном». «Звепари» не отвергали требование провести народный суд, но в их заявлениях на этот счет проявились очень рано характерные нюансы, связанные с напоминанием о «сдержанности», о действиях «в рамках справедливости» ¹⁰⁶

и пр. Несомненно, эта позиция отразила попытку предостеречь руководство страной от возможных проявлений максимализма и «правового цингизма» в условиях переживаемых страной революционных потрясений. Примечательно, что свою позицию «Звено» пыталось объяснить заботой о стабилизации и развитии экономики: отсюда, например, известный тезис, что привлечение к суду нескольких десятков промышленников «обезглавит» болгарскую промышленность и пр.¹⁰⁷ Объективно это означало, что «Звено» превращалось в защитника интересов промышленных кругов.

Тем не менее в целом, как нам представляется, идея проведения народного суда была в момент разработки программы правительства единодушно воспринята всеми партиями ОФ, хотя для одних она была воплощением высшей справедливости, а для других прежде всего поводом к тому, чтобы «убрать массы с улиц», создать «спокойную, мирную» обстановку.

Во внутривластном разделе программы закреплялось уже осуществленное 9 сентября 1944 г. расширение состава кабинета министров за счет учреждения трех новых министерств — народного здравоохранения, пропаганды и социальной политики. Их возглавили соответственно коммунист Р. Ангелов, «независимый» Д. Казасов и социал-демократ Г. Чешмеджиев¹⁰⁸. Направленность внимания новой власти на вопросы, самым непосредственным образом затрагивавшие интересы трудящихся, свидетельствовала о демократическом облике правления, намерении существенно изменить положение народных масс.

В программе от 17 сентября был поставлен вопрос о положении церкви. Провозглашение «полной свободы вероисповедания и религиозной терпимости» дополнялось требованием об урегулировании положения церкви и отделении ее от государства. Данный подход соответствовал марксистско-ленинскому пониманию принципа свободы совести, т. е. не только свободы для религии, но и свободы атеизма, полного равноправия всех граждан независимо от их отношения к религии¹⁰⁹. Встает вопрос о том, насколько своевременным было выдвижение столь радикального требования.

Во время второй мировой войны часть духовенства во главе с софийским митрополитом Стефаном составила оппозицию официальной церкви, ориентировавшейся на сотрудничество правящих кругов страны с фашистской Германией. После 9 сентября Стефан встал во главе бол-

гарской православной церкви, демонстрируя поначалу полную лояльность по отношению к ОФ. В таких условиях радикальное решение вопроса об отделении церкви от государства могло иметь нежелательные последствия. Видимо, поэтому вопрос о выполнении данного пункта программы не был выдвинут на повестку дня. Очевидно, определяющую роль в выдвижении требования об отделении церкви от государства сыграла позиция коммунистов, для которых это требование было программным¹¹⁰. Точка зрения партнеров по Фронту, несомненно, была более умеренной, не выходящей за рамки демократического требования свободы совести. Так 24-й принцип БЗНС провозглашал полную религиозную свободу болгарского народа¹¹¹. За свободу совести высказывались «земледельческие дружки» в канун открытия Великого Народного собрания в 1946 г., напутствуя своих представителей¹¹². «Звено», также отстаивая свободу вероисповедания, считало необходимым произвести такие изменения в деятельности церковной администрации, чтобы церковь действовала в духе традиций национального Возрождения, превратилась в подлинно народную, приобщилась к нуждам демократического развития страны¹¹³. Следует признать, что подход партнеров компартии по ОФ к решению вопроса о церкви был более взвешенным и точнее отвечал задачам времени. Фактически это признали и коммунисты. Выступая на заседании НК ОФ в мае 1945 г. Ц. Драгойчева была вынуждена констатировать, что по вопросу о церкви в программе авторы ее «несколько оторвались от действительности», переоценили возможности момента¹¹⁴. Думается, что определенную роль в завышении оценок ситуации сыграли и богатые атеистические традиции Болгарии. Характерно, что позднее при формировании 3-го правительства ОФ (ноябрь 1946 г.), возглавляемого Г. Димитровым, коммунисты, подтвердив в принципе тезис об отделении церкви от государства, намеренно акцентировали внимание на том, что правительство «будет содействовать демократизации болгарской народной церкви и ее более полному приобщению к нуждам и развитию болгарского народа». Правительство также сочло нужным заявить о материальной помощи, которую будет получать от него церковь и впредь, пока не станет возможным ее полное материальное обеспечение самими верующими¹¹⁵.

Рассмотрение важнейших пунктов, вошедших в политические разделы правительственной программы от 17 сентября 1944 г., показывает, что все они в общем виде соот-

ветствовали программным установкам партий ОФ. В области внешней политики курс на установление мирных, добрососедских отношений между балканскими народами, дружбы с СССР и «западными демократиями», правильно отражая основные тенденции и магистральные направления развития международных отношений, с энтузиазмом воспринимался широкими кругами болгарского общества и выражающими их интересы политическими институтами и общественными организациями. Думается, что внешнеполитический раздел программы в целом не вызывал разногласий среди партнеров по фронту.

Анализ пунктов внутривнутриполитического раздела дает несколько иную картину: их трактовка, равно как и представления о ходе осуществления, в различных партиях отличалась, и порой значительно. Эти обстоятельства замедлили и осложнили принятие согласованного документа, заставили искать приемлемые для всех формулировки. Очевидно при этом, что компартия, несмотря на исключительно благоприятную политическую и психологическую обстановку в стране, была хотя и решающим, но отнюдь не единственным фактором и должна была учитывать позиции и настроения своих партнеров по ОФ в ряде случаев в большей степени, чем, по всей вероятности, часть ее членов предполагала ранее. Иной раз, как это было, например, при обсуждении вопроса о восстановлении Тырновской конституции, БРП вынуждена была отступить со своих позиций периода Сопротивления. Коммунисты прежде всего исходили из необходимости укрепить ОФ, избрали для этого тактику блоков и компромиссов с непролетарскими партиями. Острота возникших дискуссий объяснялась и тем, что, разрабатывая политические разделы программы, партнеры по Фронту фактически определяли направления и характер будущего развития страны.

§ 3. Вопросы экономической и социальной политики в программе от 17 сентября

Самое значительное место в программе было уделено вопросам экономической политики. Они концентрировались в трех самостоятельных разделах — хозяйственной, сельскохозяйственной и кооперативной и, наконец, финансовой политики.

Раздел хозяйственной политики включал в себя 6 пунктов. Открывался он требованием ликвидации «эко-

номически и социально вредного посредничества», являвшимся одним из традиционных программных требований БЗНС. Претерпев известную эволюцию в процессе идейного развития крестьянской партии, представление о посредническом институте утвердилось как синоним деятельности целой армии торговцев-перекупщиков, заполнивших канал «производитель — потребитель» и наживавшихся на эксплуатации и тех и других. Еще правительство Стамболийского выдвинуло задачу избавиться с помощью кооперации от посредников, уничтожить эксплуатацию с их стороны ¹¹⁶. Для громадного большинства трудового населения страны этот пункт правительственной программы был абсолютно ясен, означая надежду на конец жестокой эксплуатации, продажи по низким ценам плодов собственного труда, полной зависимости от спекулянта-перекупщика. Уничтожение посреднического института означало вместе с тем и чувствительное ущемление положения иностранных торговых фирм, картелей и трестов, которые широко пользовались этим институтом для получения сельскохозяйственного сырья. Таким образом, посредничество можно было рассматривать в нескольких плоскостях: как мощное средство эксплуатации торгово-спекулятивным капиталом широких слоев сельского и городского населения, в результате чего он получал легким и безопасным путем самые крупные доходы ¹¹⁷, и как средство полного подчинения сельскохозяйственного производства потребностям односторонне развивавшейся в Болгарии промышленности, т. е. закрепления дисгармонии в развитии национальной экономики. Коммунисты задачу избавления общества от эксплуатации торговцев-посредников связывали с передачей функций обмена и распределения продукции кооперации ¹¹⁸. В избирательной платформе Рабочей партии (1938 г.) указывалось на необходимость «полного и всестороннего урегулирования с помощью закона» торговли сельскохозяйственными продуктами, установления минимальных закупочных цен и максимальных — для продажи потребителю. Выдвигалось требование «жестокое преследование» спекулянтов-перекупщиков ¹¹⁹. Требования, созвучные идее обуздания посредничества, соответствовали планам создания экономически благоприятной обстановки для всех трудящихся, выдвигаемым социал-демократами ¹²⁰. «Звено» также считало необходимым принятие серьезных мер против «спекулятивных» и «паразитических» пластов буржуазии, рассматривая их деятельность как одну из «крайностей»

в общественной жизни. Вторая виделась им в «большевистской стихии». Устранение обеих крайностей позволяло, по их мнению, достичь «спокойного» уровня состояния общества и повести дальнейшую политику «мирными» методами. Претендуя на звание выразителя интересов средних и бедных («экономически слабых») слоев общества, «Звено» в канун второй мировой войны выдвинуло требование борьбы против спекулятивного капитала, тесно связанное с кооперативной идеей. На кооперацию возлагалась задача серьезно ограничить посреднический институт ¹²¹. Следовательно, требование ограничения и даже полного устранения «экономически и социально вредного посредничества» не противоречило программным положениям партий ОФ. В этом вопросе на стадии разработки правительственной программы было достигнуто единство.

С решением вопроса об институте посредничества был непосредственно связан 3-й пункт раздела — «об общественно организованном экспорте и импорте главных предметов потребления для нужд населения, государства и общин». Встает вопрос, что имелось в виду под определением «общественно организованный»? Очевидно, что реальной была перспектива передачи определенного объема внешнеторговых задач в руки кооперации. За это активно высказывались социал-демократы, считавшие, что реализация данного положения будет способствовать централизации внешней торговли, установлению контроля над ней со стороны государства и общества ¹²². «Звенари» в рассматриваемый период также связывали свои планы «правильной организации экспорта», «строгого надзора» над ним с известным допущением кооперации к участию в решении внешнеторговых задач ¹²³, хотя такая позиция «Звена» определилась в результате серьезной эволюции и резко отличалась от точки зрения, защищавшейся в 30-е годы. Что касается БЗНС, то эта партия традиционно ратовала за утверждение кооперации в тех отраслях экономики, которые стали вотчиной частного капитала. Вопрос этот достаточно подробно освещен в «земледельческой» литературе ¹²⁴.

Итак, позиции трех партий ОФ ясны. Откуда же тогда недостаточная определенность формулировки? Ответ дают материалы компартии, относящиеся к более раннему периоду: коммунисты допускали возможность ввести государственную монополию на экспорт и импорт предметов первой необходимости, оговаривая при этом и возможное

участие кооперации как защитницы интересов мелких производителей ¹²⁵.

Таким образом, воспринятая в программе от 17 сентября формулировка в силу своей недостаточной ясности создавала возможность для ее вариантного толкования и, следовательно, при необходимости обеспечивала действия коммунистов известную свободу маневра.

Пункт 2-й раздела провозглашал ликвидацию частных монополий и их привилегий и предусматривал введение государственной монополии на экспортируемые табак, зернопродукты и др. продукты сельского хозяйства, на нефть, импорт железа, химикатов, промтоваров, на институт страхования. Иными словами, требование государственной монополии относилось полностью к двум отраслям экономики — торговле и страховому делу, где, как показано выше, очень сильными были позиции иностранного капитала ¹²⁶. Фактически картина здесь была такова: в сфере импорта иностранный капитал опирался на местных торговцев-оптовиков или созданные им центры по импорту — акционерные общества: экспортные же операции осуществлялись с помощью сети местных торговцев и посредников в селах, куда необходимо было пропикнуть в целях завладения рынками сырья, производившегося в сельском хозяйстве ¹²⁷. Вот как, например, обстоит дело с экспортом табака. Основным рынком для него начиная с конца 30-х годов была Германия. Крупнейший германский концерн «Реестма» организовал вывоз табака, используя в качестве посредников потерпевшие крах болгарские табачные фирмы, сотрудничавшие с «Реестмой» на комиссионных началах, что твердо гарантировало им получение прибыли. Болгарский табачный капитал получал при этом возможность диктовать свои цены крестьянам-производителям, и это приносило ему баснословные барыши. К примеру, за один лишь 1939 год было получено более 900 млн левов прибыли ¹²⁸. Введение государственной монополии на институт страхования, несомненно, преследовало цель оперативно передать государству значительные средства, причем сделать это не столь болезненным путем для национальной буржуазии, поскольку наиболее сильные позиции и здесь занимал иностранный капитал ¹²⁹. Вывод этот подтверждается и наличием более радикального требования национализации страхования в платформе Демократического объединения 1938 г. ¹³⁰ Примечательно, что в платформе 1938 г. нашло место требование принять действительно эффективные законодатель-

ные меры против картелей. По нашему мнению, такая постановка вопроса отразила неудачный опыт установления контроля над картелями и монопольными ценами в период правления Народного блока ¹³¹.

Картели в силу общей отсталости болгарской экономики являлись основной формой монополистических объединений; они возникали в наиболее доходных отраслях и сферах экономики (связаны были, в частности, с экспортными операциями продукции сельского хозяйства, ввозом в страну нефти и нефтепродуктов, деятельностью банков и страховых компаний, действуя по соглашению с иностранным капиталом). Следовательно, фактически столь обще сформулированное требование ограничить деятельность картелей, включенное в платформу Демократического объединения 1938 г., затрагивало те же сферы экономики, что и пункт 2-й правительственной программы от 17 сентября 1944 г., но последняя ставила вопрос более определенно. В целом введение госмонополии преследовало цель нанести удар по связанным с иностранным капиталом торговцам-посредникам в тех отраслях экономики, которые приносили огромные прибыли.

Такой подход, как свидетельствуют материалы, импонирует «Звену», выдвинувшему в 30-е годы план «этатизации» наиболее доходных отраслей производства и торговли. При этом «Звено» учитывало практическую постановку вопроса в соседней Турции («этатизм» К. Ататюрка) и реформы Ф. Рузвельта в США ¹³². В идейно-политических концепциях «Звена» прочное место занимала идея «реформирования» и «облагораживания» капитализма через вмешательство государства в хозяйственную жизнь в целях достижения «народного благоденствия», с одной стороны, и получения максимальных доходов — с другой. После 19 мая 1934 г. «звенари» попытались провести ряд мероприятий, объективно ограничивавших доходы и всевластие частных монополий. Среди них введение государственной монополии на спирт и болгарскую водку — ракию, соль и минеральные масла и продукты (в том числе, бензин и керосин) и попытка ввести госмонополию на табак (предполагалось охватить закупку, обработку и продажу табака и табачных изделий, определять цены на них и пр.). Выбор именно этих объектов для введения госмонополии объяснялся главным образом фискальными целями. Так, госмонополия на спирт, как ожидалось в болгарских официальных кругах, должна была ежегодно приносить 800—1000 млн левов доходов, а одна только

первичная обработка табака — 14 млн левов¹³³. Колоссальные прибыли ожидалось от экспортных операций, связанных с табаком. Госмонополия на соль и минеральные масла, ввозившиеся из Румынии, преследовала конкретную социальную цель: устранить спекуляцию этими продуктами первой необходимости¹³⁴. Практические меры «Звена» сужали сферу приложения крупного частного капитала, что определило в конечном счете его враждебность режиму «19 мая»¹³⁵. Характерно, что на практике осуществить госмонополию на табак не удалось: дело дошло до создания Дирекции монополии, но реальная обстановка заставила считаться с собой, и частным табачным фабрикам было разрешено продлить срок своей деятельности. В начале 1936 г. правительство Кыосеванова официально отменило закон о государственной монополии на табак. Примечательно, что позднее журнал «Звенарей» «Бразда» отмечал, что главную роль в провале плана введения госмонополии на табак сыграли крупные торговцы-экспортеры¹³⁶. Видимо, в определенной мере это обстоятельство «звенари» в дальнейшем учли: в своей программе 1937 г. они акцентировали внимание на необходимости ввести госмонополию прежде всего в сфере торговли. Первостепенное внимание предлагалось уделить тем видам продукции, торговля которыми практически уже превратилась в монополию отдельных лиц или обществ. При этом, как и ранее, основным движущим моментом оставались «точно определенные фискальные и социальные цели»¹³⁷.

Подытоживая сказанное, отметим, что вполне очевидна цель реформаторских планов «Звена», направленных на устранение «недугов» капитализма через энергичное вмешательство государства в экономику, — стабилизировать капитализм, используя для этого такие методы, которые соответствовали буржуазному классовому характеру государства¹³⁸. С определенностью можно констатировать, что позиции «Звена» относительно введения государственной монополии к моменту формирования правительственной программы оставались неизменными. Вопрос упирался в характер государственной власти. Образцом для значительной массы членов этой партии была Англия, организация управления в которой якобы соответствовала и болгарским условиям¹³⁹. Хотелось бы подчеркнуть, что, очевидно, реальные условия, сложившиеся после 9 сентября, возникшие сомнения в возможности «ввести» немедленно «дисциплинированную и просвещенную демок-

ратию» — идеал «Звена» — сделали взгляды этой партии по ряду вопросов, в том числе и на государственную табачную монополию, более умеренными. По некоторым данным, «Звено» советовало «не спешить» с реализацией этих планов. При этом имелась в виду полная монополия, включающая и производство ¹⁴⁰. Этот момент весьма показателен, поскольку дает основание предположить, что данный вопрос возникал при обсуждении правительственной программы от 17 сентября. В пользу этого вывода говорят и материалы «земледельческой» прессы, из которой видно, что БЗНС традиционно широко ставил вопрос о монополии на табак, не ограничиваясь монополизированием экспорта ¹⁴¹. Что касается формы монополии, то полного единства среди «земледельцев» не было ¹⁴². В итоге, однако, победила точка зрения о кооперативной монополии. Это соответствовало концепциям БЗНС относительно создания «системы кооперативного народного хозяйства».

Таким образом, логично предположить, что формулировка пункта программы о государственной монополии на табак потребовала уступок от БЗНС, в то время как компартия и «Звено» выступили в единстве. Однако впоследствии БЗНС подтвердил свою приверженность старой позиции: на I съезде комитетов ОФ в марте 1945 г. Н. Петков от имени объединенных «земледельцев» высказался за кооперативную монополию на табак. Примечательно, что в резолюции съезда было зафиксировано требование государственно-кооперативной монополии ¹⁴³. Таким образом, осуществлена была попытка сблизить позиции БЗНС с коммунистами и «Звеном», но в новой обстановке весны 1945 г. теперь уже уступили последние. Вместе с тем есть определенные основания предполагать, что и «Звено» и компартия все же рассчитывали на то, что практически вопрос о монополии на табак будет решаться в соответствии с их представлениями. «Звенари» по-прежнему считали, что кооперативным монополиям серьезные экономические задачи не по плечу ¹⁴⁴. В письме Тр. Костову от 23 марта 1945 г., т. е. уже после съезда комитетов ОФ, Г. Димитров подчеркнул необходимость ускоренно решать ряд хозяйственных вопросов, в том числе и о введении государственной монополии на табак ¹⁴⁵.

Для нас важна также и постановка вопроса о широте охвата монополией сферы экономики, связанной с табаком. Очевидно, что в программе от 17 сентября вопрос этот решается в сравнительно более узком плане, нежели это

диктовалось назревшими условиями. Примечательно, что соответствующий пункт платформы Демократического объединения содержал требование создать новый закон о табачном производстве, всесторонне учитывая при этом интересы народного хозяйства. Более узкая постановка вопроса о монополии на табак в программе от 17 сентября была продиктована стремлением усилить ее социальный аспект, направив программу прежде всего против торгово-спекулятивной буржуазии, и сделать это через выдвижение требований, в наибольшей мере отвечающих интересам крестьянства и мелкобуржуазных масс города ¹⁴⁶. Достичь этого в 1938 г. коммунистам не удалось, хотя они, скорее всего, пытались повернуть платформу Демократического объединения против торгово-спекулятивной буржуазии. Во всяком случае, избирательная платформа Рабочей партии (1938 г.) содержала требование «полного и всестороннего законодательного урегулирования торговли» сельскохозяйственной продукцией, в том числе и табаком ¹⁴⁷. В проекте программы действия БРП 1943 г. эта мысль получила подтверждение в требовании введения государственной монополии экспорта и импорта наиболее важных продуктов народного хозяйства и предметов потребления с целью «оградить население от ограбления и спекуляции» ¹⁴⁸.

Рассмотрение первых трех пунктов раздела хозяйственной политики подводит к выводу, что касались они сферы обмена и направлялись против основной группировки национальной болгарской буржуазии — торгово-спекулятивного капитала, что находило положительный отклик у широких масс населения. Характерно при этом, что в программе нашли место требования, не только по сути своей близкие массам, но и облеченные при этом в доступную и понятную для них форму.

Среди них требование «уничтожения паразитической промышленности». Оно имело достаточно длинную историю и восходило к программным положениям БЗНС. «Паразитическая промышленность» связана была в основном с переработкой местного, в первую очередь сельскохозяйственного, сырья, а также ввозимых из-за границы полуфабрикатов ¹⁴⁹. По данным о структуре национальной экономики, в капиталистической Болгарии сравнительно хорошо были развиты текстильная и пищевая промышленность, в том числе консервная, мукомольная, табачная, основные источники сырья для которых были сосредоточены внутри страны ¹⁵⁰. Учитывая, что произ-

водством интенсивных культур занимались, как правило, более мелкие хозяева, а зернопроизводство сосредоточивалось в руках зажиточных слоев деревни, можно констатировать, что в ликвидации «паразитической промышленности» были заинтересованы широкие круги болгарского крестьянства. Предприятия, обрабатывавшие импортируемые полуфабрикаты, получали большие прибыли, широко используя Закон о поощрении и покровительстве отечественной промышленности и, в частности, таможенную политику (высокие пошлины на сырье и полуфабрикаты). Как прямое следствие этого произведенные ими промышленные товары предлагались на внутреннем рынке по завышенным ценам, от чего страдало прежде всего трудящееся население, не обладавшее высокой покупательной способностью. Исходя из этого, в 1924 г. левиза БЗНС предложила весьма радикальную меру — национализацию промышленных предприятий, связанных с сельским хозяйством. Лишенная рынков сбыта и источников сырья вне страны, болгарская промышленность развивалась в рамках внутреннего рынка, диктуя высокие цены на произведенные ею продукты. Таким образом, ее «паразитизм» ощущал на себе в равной степени и внутренний потребитель. Отсюда требования ограничить «паразитическую промышленность», не делать ей никаких уступок, присутствовавшие в платформе Демократического объединения 1938 г. Представляется, что этот пункт отразил и весьма специфический конфликт, существовавший между двумя группами болгарской буржуазии — промышленниками и торговцами-оптовиками. Последние испытывали давление местных промышленников, господствовавших на рынке и диктовавших невыгодные для оптовиков цены, а также ухудшавших условия их кредитования. Обстановка настолько обострилась, что, как указывают болгарские исследователи Ст. Цонев и П. Близнаков, в 30-е годы Союз болгарских торговцев (СБТ) потребовал начать наступление против «паразитической промышленности» в защиту интересов торговцев¹⁵¹. Нам представляется, что СБТ, взяв в тактических целях из арсенала БЗНС термин «паразитическая промышленность», рассчитывал создать определенную психологическую обстановку для решения в свою пользу вопроса о господстве на местных рынках.

Включение требования ликвидации «паразитической промышленности» в правительственную программу от 17 сентября подкрепило уже достаточно четко выявившуюся

ся линию действия против спекулятивно-паразитической буржуазии. Оно как бы замыкало цепь, ведущую от производителя сырья через посредника-торговца к промышленнику, перерабатывавшему это сырье. Удар по группировкам национальной буржуазии, связанным со скупкой и переработкой сельскохозяйственного сырья, наносился по мере осуществления опять-таки «крестьянского» требования. А одновременно при этом учитывался факт сотрудничества этих отрядов буржуазии с германскими фирмами. В политическом плане это давало возможность избежать противодействия народной власти со стороны известных кругов болгарской промышленной и торговой буржуазии, надевавшихся на создание для себя благоприятной конъюнктуры. Допущенная в программе от 17 сентября формулировка как бы позволяла рассчитывать на вариантное решение поставленной задачи, поскольку прямых указаний на способы действия в пункте программы не имелось. Здесь можно было ожидать существенных расхождений. Болгарские коммунисты, например, накануне второй мировой войны планы наступления на «паразитическую промышленность» связывали с отменой пошлин на импортируемое сырье¹⁵². В 1943 г. руководство БРП имело по этому вопросу уже более развернутую позицию, ратуя за создание в перспективе сравнительно мощной национальной промышленности, базирующейся главным образом на местном сырье. Это, по мнению коммунистов, позволило бы пропорционально развивать промышленность и сельское хозяйство, решить проблему лишней рабочей силы, сосредоточенной в деревне, повысить доходность сельского хозяйства¹⁵³. «Звонари» считали возможным уничтожить «паразитический» характер болгарской промышленности через усиление экспорта ее продукции¹⁵⁴, что снимало бы напряжение на внутреннем рынке.

Программа от 17 сентября не обошла и такой серьезный вопрос, как функционирование банковско-кредитной системы и установление контроля над кредитной политикой. Институт кредитования являлся одной из наиболее важных составных частей финансовой системы страны. Через предполагаемую, согласно программе, реорганизацию акционерных обществ в целях устранения всевластия крупных акционеров серьезно ограничивались и брались под контроль государства деятельность финансового капитала и его возможности свободно распоряжаться сосредоточенными в банках средствами. Помимо этого,

в руки государства поступал мощный рычаг, позволявший влиять на развитие промышленности в целом и на деятельность отдельных предприятий, поскольку специфической чертой деятельности частнокапиталистических предприятий в Болгарии была их сильная зависимость от получения государственных, кооперативных и прочих кредитов. Соотношение собственных и привлеченных средств в промышленности к концу войны составляло 45,5 : 54,5¹⁵⁵. Как объяснить включение этого весьма радикального требования в программу? На наш взгляд, вопрос несколько проясняется, если вспомнить, что практика вмешательства государства в политику кредитования (как и в некоторые другие отрасли экономики) существовала и до 9 сентября, т. е. в известном плане к идее о регулирующей роли государства и ее нарастании болгарское общество, в том числе и буржуазия, были как бы «приучены». Другое дело, что в условиях буржуазного государства вмешательство это недвусмысленно преследовало цель оздоровления частного кредита, его «санации»¹⁵⁶, и прежде всего в пользу крупного монополистического капитала. Здесь уместно напомнить о том, что среди «звонарей», например, после 9 сентября преобладало представление о том, что народно-демократическое государство должно развиваться «по буржуазным рельсам» на основе частной собственности и инициативы, а власть ОФ по своей сути растолковывалась как «реформирующая капитализм»¹⁵⁷. Показательно в связи с этим, что, выражая одобрение отраженной в программе от 17 сентября линии государственного руководства кредитом и банковским делом, газета «Изгрев» вспоминала о «спасении банков благодаря вмешательству и поддержке государства» в годы экономического кризиса¹⁵⁸. Речь, несомненно, шла о происшедшем в 1934 г. слиянии 19 частных банков и образовании с помощью государства смешанного частногосударственного банка «Болгарский кредит», вскоре превратившегося во второй (после Болгарского народного банка) финансовый центр в стране. Факт этот болгарский исследователь В. Георгиев справедливо охарактеризовал как своеобразное проявление заботы «звонарей» в отношении финансового капитала¹⁵⁹. При образовании банка «Болгарский кредит» государство располагало 65 % всего капитала его (в дальнейшем доля государства возросла до 83 %)¹⁶⁰, что указывало на стремление спасти в условиях экономического кризиса частные банки от неминуемой катастрофы. Это как по форме (создание смешанного

предприятия), так и по содержанию соответствовало идее «этатизации», разделяемой «Звеном» в 30-е годы. Такое представление «Звена» о целях и способах вмешательства государства в функционирование банковско-кредитной системы интересно еще и потому, что помогает понять, почему в новых условиях после 9 сентября буржуазия не боится идти на организацию новой системы обращения. (Заметим, что в значительной мере аналогичные явления наблюдались в деятельности Народного фронта во Франции ¹⁶¹, с историей которого, как свидетельствуют документы «Звена», было хорошо знакомо руководство этой партии ¹⁶². С этим обстоятельством, на наш взгляд, связан и факт перелива в «Звено» после 9 сентября значительных сил из бывшей народно-прогрессивной партии. «Народняки» — одна из наиболее реакционных партий прошлого — объединяла в своих рядах представителей крупного финансового капитала. В свое время важную роль в определении ее политики играли А. Буров, семья Губиделниковых и др. А после 9 сентября, по сведениям, сообщенным Р. П. Гришиной, директор Болгарского торгового банка Г. Губиделников (сын) возглавил кредитный и банковский отдел экономической комиссии при НК ОФ ¹⁶³.

И наконец, о последнем пункте раздела хозяйственной политики. В нем шла речь об организации промышленности на основе минимальных цен и расходов в производстве, о создании промышленности, производящей хлеб, обувь, одежду и прочие товары широкого потребления. Практически этот пункт — единственный в программе, где поднимался вопрос, хотя и в узкоконкретном плане, о развитии промышленного производства, первоочередных задачах его и пр. Характерно, что он, по нашему мнению, как бы фиксировал взгляд на промышленность глазами прежде всего болгарского крестьянина: реализация намеченного привела бы к некоторому урегулированию цен, уменьшив «ножницы», которые наряду с налоговой политикой являлись основной формой капиталистической эксплуатации села торговой и промышленной буржуазией ¹⁶⁴. Данный пункт дополнялся требованием ликвидации режима принудительно низких цен на сельскохозяйственный труд и плоды его, включенным в раздел сельскохозяйственной и кооперативной политики. Преследуя аналогичную цель некоторого выравнивания цен на сельскохозяйственную и промышленную продукцию, это требование восходило по своей сущности к программным поло-

жениям БЗНС. Однако традиционного требования «земледельцев» — о ликвидации «ножниц» цен — в программе в открытом виде нет, хотя по существу оно отражено. Связано это было не с отказом БЗНС от своего программного положения (требование «уравнять цены на промышленные товары и продукты сельского хозяйства», т. е. ликвидировать «ножницы», прозвучало от имени БЗНС в марте 1945 г. на I съезде комитетов ОФ ¹⁶⁵, а прежде всего с желанием не насторожить перспективной резкого изменения политики цен круги промышленной буржуазии, интересы которых в ОФ все более определенно представляли «звенари». «Звено» довольно осторожно касалось вопроса о ценах, неопределенно заявляя, что они должны быть «справедливыми». При этом «звенари» поворачивали проблему цен весьма интересным способом: пока продолжается война, говорили они, цены необходимо контролировать, вводить их нормирование исходя из минимальных производственных и накладных расходов. Но перспектива после установления нормальных экономических условий в стране связывалась с постепенным переходом к «смягчению ситуации» и отказу от режима цен ¹⁶⁶. Примечательно, что в программе «Звена» (1945 г.) вопрос о ценах вообще не ставился.

Подавляющее большинство пунктов из раздела сельскохозяйственной и кооперативной политики отвечало программным положениям БЗНС. Идея всесторонней поддержки и поощрения кооперации отражала отношение к ней крестьянства как к наиболее надежному средству для облегчения положения сельских тружеников и уменьшения эксплуатации. Кооперация выступала как защитница интересов не только бедняцко-середняцких кругов, но и более зажиточных слоев болгарской деревни, поскольку противостояла в известной мере «давлению» на село в целом со стороны торгово-спекулятивного капитала. Содержавшееся в программе требование ликвидации полицейского вмешательства и тяжелого бюрократического контроля за деятельностью кооперации отразило ситуацию 30-х годов, когда особенно широко использовалось право министра внутренних дел распускать руководства кооперативных организаций в целях борьбы с ними в угоду крупному торговому капиталу. Кооперация «колет глаза капиталистическим акулам из торгового союза», — сообщал в Загранбюро ЦК БКП весной 1938 г. Тр. Костов. — Изгоняя из руководства кооперации испытанных кооперативных деятелей, пользующихся доверием масс,

и заменяя их своими людьми, агентами торгового капитала, с целью разстроить и разложить кооперацию, правительство исполняет желание торгового капитала покончить с ненавистой кооперацией»¹⁶⁷. Это поясняет, почему в программе от 17 сентября 1944 г. было зафиксировано также требование обеспечить действительное участие кооператоров в управлении кооперацией: это не позволило бы превратить ее в средство обогащения для тех, против кого кооперация должна была быть направлена в первую очередь, выхолостить из нее ее подлинное содержание.

Курс на всемерную поддержку и поощрение развития кооперативного дела, закрепленный в программе правительства, рассматривался БЗНС как очевидная перспектива создания в стране «целостной кооперативной системы», строительства «кооперативной Болгарии»¹⁶⁸. О кооператизме как «будущей экономической системе Болгарии», которая «сможет дать производителю полную оплату его труда, возможность распоряжаться его результатами и быть при этом более уважаемым и довольным», говорил на большом слете «земледельцев» в Свиштове министр земледелия деятель БЗНС Ас. Павлов¹⁶⁹. Рассматривая кооперацию как «основную форму замены капитализма новым строем», «земледельцы» подчеркивали, что воплощение аграристских постулатов составляет перспективу грядущего развития человечества в целом: «кооперативная волна завтра должна захлестнуть все человечество». Материалы, появившиеся в изобилии на страницах изданий БЗНС после 9 сентября, подробно комментировали различные пункты правительственной программы с позиций господствовавшего в БЗНС мелкобуржуазного представления о предстоящих в стране преобразованиях¹⁷⁰. «Земледельцы» искренне верили, что кооперативная система сможет «декапитализировать» хозяйство и общество. Предполагалось, что кооперация должна была в первую очередь развернуть свою деятельность там, где господствовал торговый, банковский, ростовщический и промышленный капитал, взять на себя ту его деятельность и функции, которые были отделены от собственно крестьянского хозяйства, не касались его производственной деятельности и связанных с ней процессов¹⁷¹. Относящаяся же к сфере внутриэкономической деятельности производственная кооперация как способ хозяйствования на земле как бы «выпадала» из кооперативной системы. Идея производственного кооперирования на земле, вошедшая в программу правительства, отражала, следовательно,

настроения лишь вполне определенной и, видимо, не очень значительной части БЗНС. Искать ее сторонников уместно среди малоземельных или безземельных крестьян, среди отдельных собственников, остро нуждавшихся в сельскохозяйственном инвентаре, и пр. Это подтверждает и социальный состав первых созданных в деревне после 9 сентября трудовых кооперативных земледельческих хозяйств (ТКЗХ)¹⁷². По некоторым сведениям, среди основной массы членов БЗНС идея производственного кооперирования не находила тогда широкой поддержки¹⁷³, а в отдельных кругах ее прямо отождествляли с «большевизмом»¹⁷⁴. Известный простор для произвольных толкований данного пункта программы создавало отсутствие указания на принцип создания ТКЗХ, что потребовало специального разъяснения несколько позднее: кооперативы на земле строятся на основе принципа добровольности и трудового начала при уплате справедливой ренты за землю, говорилось в решении Политбюро ЦК БРП(к) от 10 ноября 1944 г.¹⁷⁵ Кроме того, коммунисты сочли необходимым вновь выступить со специальным разъяснением, отрицавшим слухи о национализации торговли, промышленности, земли. «Чтобы их национализировать,— говорила Ц. Драгойчева на национальной конференции хозяйственных комиссий областных комитетов ОФ,— надо знать, как это сделать. Конкретного пути мы еще не можем указать. У нас есть только один-единственный... путь. Это путь кооперации. Кооперативный сектор будет доминировать в нашей экономической деятельности»¹⁷⁶. Такое разъяснение производило впечатление, что вопрос о национализации по большому счету с повестки дня не снят, а лишь несколько откладывается, и, видимо, нервная обстановка в связи с этим сохранялась. Во всяком случае, уже в ноябре 1944 г. руководство компартии не сомневалось в необходимости взять курс на «восстановление доверия промышленников»¹⁷⁷. Вместе с тем очевидно, что осенью 1944 г. коммунисты рассматривали кооперацию как центр всей экономической политики. Видимо, это можно объяснить, с одной стороны, ее достаточно сильными экономическими позициями, а, с другой, тем, что с политической точки зрения она была для значительных кругов буржуазии более предпочтительна, нежели государственный сектор и его усиление. Перенос «центра тяжести» планов экономического восстановления на кооперацию свидетельствовал о том, что на определенном этапе позиции коммунистов и «земледельцев» относительно развития

и укрепления кооперативного дела совпадали. Сущность этого факта заключалась в том, что единым был их курс на борьбу со спекулятивным капиталом и посреднической буржуазией.

Возвращаясь к требованию о кооперативной обработке земли, отметим, что оно соответствовало основной линии экономической политики БРП(к)¹⁷⁸. Коммунистам удалось убедить партнеров по Фронту в необходимости этой меры для поднятия рентабельности сельского хозяйства и некоторого улучшения материального положения сельского населения¹⁷⁹. Может быть, соглашаясь с данным пунктом, «земледельцы» в какой-то мере стремились придать законченность своим «кооперативистским» построениям, которые без идеи о производственной кооперации теряли универсальный характер¹⁸⁰.

За пунктом о кооперативной обработке земли шел пункт о наделении землей безземельного и малоземельного крестьянства. Устанавливался и максимум земельного владения, равный 300 декарам (30 га). Этот максимум в прошлом был закреплен в принятом правительством БЗНС законе об увеличении государственных земель (июнь 1920 г.), справедливо рассматривавшемся как составная часть аграрной реформы в Болгарии, направленной на осуществление плана о введении трудовой поземельной собственности (ТПС). Иными словами, программа от 17 сентября явилась в этой части непосредственным обращением к практике «земледельческого» правительства, во время правления которого был осуществлен комплекс мероприятий в защиту интересов середнячко-бедняцких масс крестьянства. Объективно такая линия вела к обострению классовой борьбы в деревне и внутри БЗНС, учитывая его гетерогенный состав, «работая» в конечном счете на сближение значительных масс сельского населения с рабочим классом в ходе осуществления «крестьянского» требования. Нашел место в правительственной программе и традиционный лозунг БЗНС «Земля земледельцу, т. е. тому, кто ее непосредственно обрабатывает». В законченном виде это требование было сформулировано еще на XV съезде БЗНС в июне 1919 г. как основной принцип аграрной реформы правительства. Но в программе от 17 сентября без ответа остался вопрос о конкретных способах реализации данного требования, а между тем имеющиеся в нашем распоряжении материалы позволяют сделать вывод, причем вполне определенный, о позициях, которые занимали по этому вопросу БЗНС и БКП. После пора-

жения Сентябрьского восстания 1923 г. ЦК БКП включил требование о перераспределении земельной собственности в платформу Единого фронта. Требование, в частности, предусматривало конфискацию крупной земельной собственности и монастырских земель и наделение ею неимущих и малоимущих. Левица БЗНС в разработанной ею платформе Блока трудовой демократии (1924 г.) подчеркивала, что изъятые у землевладельцев «излишки земли» должны быть бесплатно распределены среди малоимущих крестьян. Обход в правительственной программе от 17 сентября 1944 г. вопросов о создании земельного фонда, о системе компенсации, если таковая предполагалась, и некоторых других, видимо, отражал невозможность в тех конкретных условиях более определенно сформулировать пункт об ограничении частной собственности землевладельцев. Таким образом, в программе коммунистам не удалось провести свое принципиальное требование о конфискации замлевлдений, отчуждаемых для проведения земельной реформы, они были вынуждены отступить от довоенных требований бесплатного раздела земли¹⁸¹. Кто же противился этому?

БРСДП? Внутри руководства этой партии по данному вопросу единства не было. Об этом говорит отсутствие хотя бы упоминания об аграрной реформе как одной из первоочередных задач новой власти в первом программном документе БРСДП после 9 сентября — уже упоминавшейся Декларации Высшего партийного совета от 4 ноября 1944 г. Вместе с тем различия во взглядах членов руководства БРСДП в период разработки программы ОФ большого практического значения не имели, поскольку занятые внутрипартийными делами в целом социал-демократы проявляли в то время довольно индифферентное отношение ко всем инициативам и предложениям коммунистов. Об этом говорилось, например, на заседании Политбюро ЦК БРП(к) 5 ноября 1944 г.¹⁸² Эта констатация представляется нам весьма важной для определения роли БРСДП в формировании правительственной программы от 17 сентября в целом. Позднее в программу БРСДП вошел тезис о необходимости «социализировать», т. е. превратить в общественную собственность, наряду с промышленными предприятиями и крупные земледельческие хозяйства¹⁸³. Таким образом, нам представляется, что социал-демократы не были той силой, которая противостояла программному требованию коммунистов по аграрному вопросу. И констатировать это можно, на наш взгляд, достаточно опреде-

ленно. Сложнее обстояло дело со «Звеном». Выступая за сохранение частной собственности как одного из факторов экономического развития, «звенари» с этой точки зрения оценивали и планы введения ТПС: они подчеркивали необходимость дать землю каждому сельскому труженику, решив при этом «справедливо» и вопрос о компенсации бывшим собственникам. Характерно, что в «Звене» ставился позднее вопрос и о повышении цен на землю, отчуждаемую по закону у крупных собственников¹⁸⁴.

А какова же была позиция БЗНС? Материалы «земледельческой» прессы дают возможность для ее четкого определения. Крестьянская партия рассматривала аграрную реформу в рамках решения аграрной проблемы в целом. Последняя, как подчеркивало «Земеделско знаме», являлась наиболее жизненной проблемой времени, затрагивала интересы двух третей населения Болгарии. Для БЗНС она носила и идеологический характер¹⁸⁵. Это указание свидетельствовало, что БЗНС связывал решение аграрного вопроса с утверждением принципа ТПС. Этому принципу приписывалось международное значение: Великая французская революция, указывала газета, ставила целью защитить права человека и гражданина; социалистическая революция в России — интересы пролетариата. Но наступает время сделать шаг, ведущий к освобождению крестьян и земледельцев¹⁸⁶. Таким образом, рассмотрение вопроса об аграрной реформе в центральном партийном органе «земледельцы» использовали для пропаганды своих постулатов об утверждении в итоге осуществления «аграристской» программы нового общественного строя — не буржуазного, не социалистического, а «среднего» между ними, отвечающего признанию «земледельческого» движения как наиболее важного¹⁸⁷. БЗНС решительно отрицал идею коллективизации земли, а также ее национализации, поскольку «государство, в чью собственность переходит земля, никогда не было идеальным выразителем воли и интересов народа, более того, оно может стать и крупнейшим эксплуататором народа. Человек независим лишь тогда, когда он является хозяином того, что производит»¹⁸⁸. В статье Р. Радулова «Верните нам землю», помещенной в «Земеделско знаме» в конце 1944 г., автор ее указывал на способ отчуждения земли у зажиточных землевладельцев — за выкуп. Примерная цена, по которой скупалась в свое время земля у бедняков, подчеркивал автор, равнялась 1—2 тыс. левов за декар¹⁸⁹. Для сравнения укажем, что «звенари» в Травненской околии предла-

гали цену выкупа поднять до 10—12 тыс. левов за декар¹⁹⁰. Непонятно только было, откуда крестьяне, нуждавшиеся в земельном наделе, смогли бы взять такие средства для обзаведения. Рассчитывать с уверенностью на государственный кредит, учитывая сравнительно массовое наделение земель при проведении аграрной реформы, вряд ли было возможно. О характере будущей реформы, как ее представляли «земледельцы», можно судить по факту обращения определенных кругов БЗНС к опыту аграрной реформы в Чехословакии, проведенной Масариком (апрель 1919 г.). Хотя «земледельцы» при этом особенно подчеркивали принцип предоставления крестьянам земли в рассрочку¹⁹¹, внимание части БЗНС к наследию Масарика в этом плане весьма симптоматично: аграрная реформа в Чехословакии основывалась не на принципе конфискации земли, как этого добивались крестьяне¹⁹², а на основе ее отчуждения за выкуп. Сам Масарик в 1927 г. указывал, что аграрная реформа была проведена с целью предупреждения «социального взрыва» и имела «успокоительное действие». «У нас, — подчеркивал Масарик, — с головы крупных землевладельцев не упало ни одного волоса»¹⁹³. В результате реформы значительное количество земель было сохранено за помещиками, часть выкупленной земли чешская буржуазия использовала для насаждения новых помещиков и кулаков, а одновременно система оплаты земли была такова, что привела к закабалению крестьянства ростовщическим и банковским капиталом¹⁹⁴. Направленная на усиление капиталистических элементов в деревне реформа Масарика само наделение земель безземельных и малоземельных крестьян (батраки, например, получили землю в размере, позволявшем лишь поставить на ней дом) связывала с необходимостью обеспечить крупнокапиталистические хозяйства постоянной дешевой рабочей силой, привязав часть работников к определенному месту жительства¹⁹⁵. Таким образом, позиция части БЗНС, для которой аграрная реформа Масарика явилась своеобразным примером, отражала взгляды зажиточных слоев деревни, систематически использовавших наемный труд. Реформа, иными словами, рассматривалась этими кругами БЗНС как гарантия возможности вести без особенных перемен хозяйство, не опасаясь некомпенсированного отчуждения земли. Весьма показательно, что чехословацкий вариант аграрной реформы оказывался более приемлемым, нежели соответствующая реформа правительства Стамболийского, действительно утверждавшая принцип

ТПС и преследовавшая цель прежде всего и главным образом отчуждения земель у крупной сельской буржуазии. Весьма важно, что правительство Стамболийского намеревалось решить вопрос о предоставлении ипотечного займа крестьянам в рассрочку на 30 лет для выкупа земли¹⁹⁶. Таким образом, в Болгарии после 9 сентября 1944 г. налицо были определенные расхождения во взглядах различных кругов БЗНС на сущность аграрной реформы. Примечательно, что фигура Масарика привлекла также и внимание «звонарей»: газета «Изгрев» поместила хвалебную статью о Масарике — «апостоле демократии»¹⁹⁷.

В целом включение в программу правительства ОФ от 17 сентября пунктов о кооперативной обработке земли, всесторонней поддержке кооперативных хозяйств, укреплении их материально-технической базы и наделении безземельного и малоземельного крестьянства землей отразило линию на комплексное решение аграрного вопроса в стране на основе механизации сельского хозяйства. Расчет был на то, что с помощью кооперативов, при условии обеспечения их машинами, удастся несколько поднять уровень сельскохозяйственного производства. При этом несомненно, учитывалась невозможность наделить землей всех в ней нуждавшихся. Этим, на наш взгляд, объясняется очередность расположения соответствующих пунктов в программе, явный приоритет требований развития сельскохозяйственной кооперации. Практика показала, что идея ТПС вызвала сильное возбуждение у собственников, недовольных предстоящим ограничением частных наделов¹⁹⁸. В связи с этим компартия ставила даже вопрос о том, чтобы «разъяснять крестьянам, что идея ТКЗХ — это идея БЗНС»¹⁹⁹.

Пункт о контроле над доходами капитала и определении его максимальных размеров, отнесенный к разделу земледельческой и кооперативной политики, несомненно, восходил к линии БЗНС на ограничение эксплуатации деревни буржуазией. В известной мере это требование касалось и той зажиточной части деревни, которая участвовала в торговых операциях, давала деньги «в рост» и пр. «Принципы БЗНС» указывали на необходимость «тщательной проверки всех крупных частных богатств», «установления максимального размера богатств частных лиц». Характерно при этом, что «земледельцы» выступали за дифференцированный подход, считая, что максимум капитала для различных отраслей экономики должен быть

различным ²⁰⁰. Увязывание этих положений с требованием «поощрить кооперативизм» означало расчет БЗНС на передачу «излишков» частного капитала кооперации. Здесь «земледельцы» расходились с коммунистами, выступившими в межвоенный период за «безвозмездное присвоение государством части капитала, вложенного в крупные промышленные и торговые предприятия, банки, крупные земледельческие капиталистические предприятия и пр.»²⁰¹. Более расплывчато формулировало свою позицию «Звено», которое фактически не перешло в этом вопросе от общих рассуждений к практическим предложениям. Эта партия выступала за известное ограничение частной собственности до таких размеров, за пределами которых она могла бы превратиться в «паразитическую»²⁰². Впоследствии столь неопределенная формулировка дала возможность «звенам» весьма вольно оперировать своими старыми тезисами, встав практически на позиции последовательной защиты частной собственности и инициативы с точки зрения их неприкосновенности.

Очередной пункт программы от 17 сентября, касавшийся коррекции ориентации внешней торговли, явно направлялся против подчинения ее германскому рынку. До 9 сентября в стране сравнительно широкое распространение имела «теория» о его необходимости для Болгарии ²⁰³, что, по-видимому, и определило негативное отношение к зависимости страны от «одного-единственного рынка», зафиксированное в платформе Демократического объединения 1938 г.²⁰⁴ Такая постановка вопроса могла заинтересовать в первую очередь кооперативные круги, готовые помочь осваивать новые рынки. Отсюда, как нам представляется, и включение данного требования в раздел земледельческой и кооперативной политики. Конкретизируя в сложившихся условиях задачу решения неотложных проблем экономики, в том числе улучшения положения тружеников и создания условий для развертывания производства, компартия в ноябре 1944 г. приняла решение обеспечить «любыми путями и средствами внутренний рынок товарами», искать внешние займы в виде товаров ²⁰⁵ и пр. На практике в определенной степени реализовать этот план удалось с помощью Советского Союза, начавшего уже осенью 1944 г. поставки в Болгарию отдельных видов сырья, продуктов питания и некоторых предметов первой необходимости ²⁰⁶. Во исполнение торгового соглашения между СССР и Болгарией (март 1945 г.) страна получила определенное количество хлопка, льна,

целлюлозы, сельхозинвентарь, медикаменты, продовольствие и пр. Болгария в те годы могла оплатить эти поставки в основном лишь экспортом табака. Но наряду с ним СССР закупил артикулы, которые в тех конкретных условиях не пользовались большим спросом (семена садовых культур и овощей, спирт, шелк-сырец, эфирные масла, мармелад и др.) и значительная часть которых из-за невысокого качества не могла быть реализована на других внешних рынках²⁰⁷. Характеризуя значение для Болгарии торгового сотрудничества с СССР, Тр. Костов осенью 1945 г. подчеркивал: «Никакая другая страна до сих пор не согласилась дать нам взамен купленной у нас продукции те товары и сырье, которые необходимы для нашего хозяйства. Нам предлагают доллары... английские фунты, а нам нужны хлопок, шерсть, кожи, машины, химикаты...»²⁰⁸ Вместе с тем факты свидетельствуют о том, что, опираясь на данный пункт программы, представители буржуазных кругов пытались провести свою линию, соригинировать Болгарию на западные рынки и открыть дорогу в страну западному капиталу²⁰⁹. В частности, на американскую финансовую помощь уповал регент В. Ганев, выражавший в известной мере взгляды либеральной буржуазии по этому вопросу.

Значительный интерес представляет раздел финансовой политики программы. 4 его пункта из 8 касаются решения вопроса о налогообложении, при этом допущено даже некоторое дублирование отдельных требований (в частности, о введении прогрессивно-подоходного налога). Ясна и основная линия — максимально облегчить положение бедных слоев и действительно переложить налоговое бремя на более зажиточное. По данным буржуазных экономистов, в предвоенной Болгарии от 20 до 35 % денежных доходов крестьян шло на уплату государственных налогов²¹⁰. Неравномерное налогообложение было средством дополнительной эксплуатации трудящихся со стороны буржуазного государства. Последнее стремилось восполнить большую часть расходного бюджета через косвенные налоги на товары массового потребления. Это ставило крупные доходы в более благоприятные условия по сравнению с мелкими, шедшими почти исключительно на цели потребления. С середины 30-х годов усилилось и прямое обложение мелких и средних доходов. «Мы дошли до того, — говорилось позднее в одном из выступлений в Народном собрании, — что один налогоплательщик был обложен 187 видами прямых налогов!»²¹¹

Разительные цифры называются авторами при рассмотрении системы косвенного налогообложения: в межвоенный период на долю косвенных налогов приходилось в среднем более 60 % всей суммы прихода от государственных налогов при тенденции ее дальнейшего возрастания, в то время как налоги на доход и имущество приносили менее 14 % суммы ²¹². Страдали в первую очередь от этого трудящиеся: рабочие, крестьяне, мелкие торговцы, ремесленники. Не случайно поэтому требование серьезных перемен в налоговой системе, и прежде всего введения прогрессивно-подоходного налога, было одним из самых популярных в стране, программным не только для коммунистов, но и для большинства буржуазных и мелкобуржуазных партий. Требование прогрессивного налогообложения, снижения прямых налогов и налогов на товары первой необходимости было включено в платформу Демократического объединения. Последовательно выступал с этим требованием БЗНС, в период самостоятельного правления которого прогрессивно-подоходный налог был введен. Однако вмешательство Союзнической комиссии стран-победительниц вскоре серьезно сузило сферу применения закона о налоге и исказило тем самым его смысл. Еще дальше в своих требованиях пошла левизна БЗНС, выдвинув в 1924 г. требование о полном освобождении бедных и малоимущих крестьян от всяких налогов. В проекте программы действия БРП 1943 г. указывалось на необходимость введения такой налоговой политики, вся тяжесть которой легла бы на крупные доходы и капиталы и, наоборот, ставила бы в выгодные условия «трудовой и кооперативный доход» ²¹³. В правительственной программе от 17 сентября комплекс предполагаемых мероприятий в сфере налоговой политики выглядел достаточно привлекательно с точки зрения трудящихся масс. Конкретно в программе предлагалось ввести прогрессивно-подоходный налог на богатства и крупную собственность, налог на незаконно нажитые капиталы в результате использования благоприятной конъюнктуры военного времени и спекулятивных операций, определить необлагаемый налогами прожиточный минимум для налогоплательщиков, обремененных большими семьями, и т. д.

Наиболее острые столкновения вызвало обсуждение пункта о прогрессивно-подоходном налоге. Единой в целом позиции БРП (к), БЗНС и БРСДП ²¹⁴ противостояло «Звено». Об этом свидетельствует отсутствие данного требования в важнейших документах «Звена» в 30-е годы,

а также и в программе партии уже после 9 сентября 1944 г.

Таким образом, очевидно, «звенари» были вынуждены согласиться на включение пункта о прогрессивно-подходящем налоге в правительственную программу, но практическая реализация этого требования была еще впереди, здесь можно было ожидать серьезного сопротивления с их стороны.

И наконец, пункт раздела о конфискации незаконно нажитой собственности через доставки и распределение крупных партий товаров и заказов в условиях военного времени. Включение этого требования наносило удар по той категории капиталистов, которые, по словам В. Коларова, активно «содействовали прогерманскому антинародному курсу и извлекали из него скандальные выгоды»²¹⁵. Резко отрицательное отношение к обогатившимся в условиях военного времени объединяло авторов программы. При таком подходе коммунисты могли рассчитывать на поддержку «земледельцев»: 20-й принцип БЗНС, в частности, предусматривал обложение специальными налогами и даже конфискацию государством собственности, нажитой во время войны²¹⁶, считая все способы обогащения в военных условиях порочными. Однако уже в решении Политбюро ЦК БРП(к) от 10 ноября 1944 г. появилось новое, уточненное название этого требования — ставилась задача конфискации богатств, нажитых незаконным путем и спекуляцией²¹⁷. А 17 декабря 1944 г. на митинге в Софии секретарь ЦК БРП(к) Тр. Костов сообщил, что к настоящему времени разработан и, видимо, вскоре будет внесен в Совет министров соответствующий законопроект²¹⁸.

Как видим, формулировка в новом ее варианте сильно отличалась от прежней: устраненным оказался акцент на условия военного времени. Учитывая, что законопроект был разработан министром-коммунистом (Министерство юстиции возглавлял М. Нейчев), можно заключить, что руководство БРП(к) стремилось усилить социальное звучание программы в целом. Достигалось же это, как явствует из вышеизложенного, последовательным проведением линии против торгово-спекулятивного и посреднического капитала, с чем согласились все партнеры по ОФ. Однако не всегда удавалось найти приемлемое для всех решение, выработать компромиссную формулировку. Так, по-видимому, обстояло дело и с требованием борьбы со спекуляцией. В программе от 17 сентября такого пункта нет, что заслуживает объяснения. Тем более что соответ-

ствующее требование было популярным в межвоенный период. Так, в избирательной платформе 1938 г. Рабочая партия прямо высказалась за «жестокое преследование спекулянтов». Но провести это требование в платформу Демократического объединения ей не удалось, очевидно, из-за сопротивления партнеров. Не так ли получилось и с программой от 17 сентября? Ведь в Манифесте НК ОФ к болгарскому народу от конца августа 1944 г. было выдвинуто конкретное требование «уничтожения спекуляции и дороговизны»²¹⁹. Следовательно, этот лозунг не был «забыт». В чем же тогда дело? Думается, прежде всего в исключительной сложности и неоднозначности оценки данного вопроса. Черный рынок с предлагаемыми им формами торгового обмена, несомненно, поглощал ту часть промышленной продукции, которая в интересах выгоды специально укрывалась промышленниками для последующей реализации путем спекулятивных сделок. Рассматриваемый с этой точки зрения черный рынок являлся средством перераспределения национального дохода прежде всего в пользу буржуазии. В условиях Болгарии он почти в два раза сокращал заработную плату рабочих, вынужденных покупать там одежду и продовольствие²²⁰. Его «помощи» не удавалось избежать крестьянам и мелким служащим. На черном рынке искали и находили сырье и недостающие материалы ремесленники²²¹. Вместе с тем в условиях хозяйственной разрухи черный рынок давал возможность пропитания прежде всего тем слоям населения, которые сами поставляли на него свою продукцию: рабочим, крестьянам, ремесленникам. Разлаженность хозяйственного механизма, дисфункция рыночных связей превращали труженика в спекулянта, заставляли рабочих, как подчеркивал в 1921 г. применительно к условиям Советской России В. И. Ленин, «прибегать к способам заработка не пролетарским, не связанным с крупной промышленностью, а мелкобуржуазным, спекулятивным...»²²². Сложнее обстояло дело с ремесленниками. Эта многочисленная (800 тыс. человек вместе с членами семей)²²³ группа производительного населения активно действовала на черном рынке и, сколь ни абсурдными казались бы поначалу такие суждения, находила там стимулы для собственного производства: товарный дефицит, возможность диктовать цены. В связи с этим примечателен наблюдавшийся рост числа ремесленных предприятий, заставивший правительство в начале 1946 г. принять

специальный закон, согласно которому кустарям запрещалось открывать филиалы своих мастерских²²⁴.

Думается, что на решение вопроса о том, включать или нет пункт о борьбе против спекуляции в правительственную программу, оказала влияние также и позиция сотрудничавших с народной властью представителей торговой и промышленной буржуазии, опасавшихся за судьбу своих капиталов. Отнюдь не случайно во время обсуждения законопроекта о конфискации они требовали уточнения и даже отмены самого понятия «спекуляция». В силу вышесказанного нам представляется, что отсутствие данного пункта в программе правительства свидетельствует о намерении внести успокоение в ряды предпринимателей и особенно ремесленников. Коммунисты, однако, не отказались в принципе от своей прежней позиции в данном вопросе: в решении Политбюро от 10 ноября 1944 г. было четко сказано о необходимости «пресечь путь спекуляции и черному рынку»²²⁵. Но при этом все же был воспринят дифференцированный подход. Так, в одном из выступлений заведующего экономическим отделом ЦК БРП(к) П. Кунина в НК ОФ предполагалось учитывать, кто занимается спекуляцией: «тот, для кого спекуляция стала профессией (отсюда и ее масштабы), или же мелкий ремесленник, от спекуляции которого народному хозяйству ущерба не будет»²²⁶. Объективно такая посылка была весьма сомнительной, учитывая размах ремесленного производства и количественный состав этой группы производительного населения. В одном из документов БЗНС прямо указывалось, что на «ремесленное сословие сейчас остальное население смотрит как на самое спекулятивное в стране»²²⁷.

Таким образом, вопрос о борьбе против спекуляции упирался в очень большие сложности, связанные с определением политики народной власти не только по отношению к определенным кругам буржуазии, но и, что было крайне важно, к мелкобуржуазным массам города. Компартии предстояло учесть все стороны важного вопроса, исходя из экономических и политических моментов. Зная, что через черный рынок реализовывалось до 70 % промышленной продукции и 30 % сельскохозяйственной²²⁸, народнодемократическая власть должна была противопоставить ему новую организацию обмена и торговли. В принципе такая организация была найдена в лице кооперации, однако процесс перестройки требовал определенного времени.

Требования, зафиксированные в разделе социальной политики, по существу, опирались на подробный рабочий план деятельности созданного 9 сентября 1944 г. Министерства социальной политики²²⁹, возглавлявшегося социал-демократом Г. Чешмеджиевым. Такие пункты, как обеспечение всех работой, кодификация трудовых законов, участие и контроль рабочих над фондом социального страхования, действенная защита рабочих от эксплуатации работодателя, определение минимальной заработной платы рабочих и служащих, помощь бедным и т. п., были направлены на улучшение положения тружеников и воспринимались в обществе как доказательство действительно народного характера власти в стране. Специальный пункт предусматривал оказание помощи пострадавшим от бомбардировок, введение пенсионного обеспечения активным участникам и жертвам борьбы против фашизма. В программе были поставлены вопросы о создании необходимых производственных и бытовых условий трудящимся: гигиенические и удобные жилища, создание сети культурных учреждений, домов отдыха, детских учреждений и пр. Широкая постановка вопросов социальной политики объяснялась позицией БРП(к) и БРСДП, чьи положения на этот счет легли в основу раздела. По сравнению с платформой Демократического объединения в программе более четко ставился вопрос о ликвидации безработицы, конкретно указывалась продолжительность рабочей недели (учтено было требование БРСДП о 40-часовой неделе)²³⁰. Особого внимания заслуживал пункт о действительной защите рабочих от эксплуатации работодателя: его реализация намечала, хотя и весьма осторожно, опасную для предпринимателя перспективу вторжения в производственную сферу.

Итак, попытка реконструировать процесс разработки программы от 17 сентября 1944 г. приводит к ряду принципиальных выводов.

Разрабатывая положения совместного документа, партнеры определили относительно широкие рамки, в которых их партии сообща должны были решить наиболее назревшие задачи. С этой точки зрения программу справедливо рассматривать, по словам К. Георгиева, как «синтез программ организаций Отечественного фронта»²³¹.

Вместе с тем в программе, несомненно, превалировали требования, являвшиеся традиционными для мелкобуржуазных партий Болгарии, и особенно БЗНС. Она составлялась, следовательно, с таким расчетом, чтобы как мож-

но полнее отразить интересы мелкобуржуазных слоев, создававших «облик» Болгарии. Большое количество пунктов, по духу и форме относящихся к арсеналу БЗНС, порождало у «земледельцев» уверенность, что осуществление программы откроет путь к созданию «кооперативной Болгарии». Это соответствовало общему представлению руководства БЗНС о послевоенном устройстве европейских стран ²³². И хотя «земледельцам» не удалось включить в программу положения, отвечавшие сущности «сословной» теории — о первостепенной роли крестьянства в экономической и политической жизни страны, об обновлении Болгарии в духе «аграристских» теорий, о возможности создания «крестьянского государства» и пр., все же правительственная программа в значительной степени соответствовала программе-максимум БЗНС. Мы склонны разделить на этот счет точку зрения болгарского исследователя В. Ванкова ²³³. Одновременно хотелось бы подчеркнуть, что при этом мы далеки от того, чтобы принять оценку польского ученого Е. Томашевского, считающего рассматриваемый нами документ «продолжением концепции А. Стамболийского» в новых условиях, «программой радикальной крестьянской экономической демократии» ²³⁴.

При разработке программы партнерам пришлось преодолевать значительные разногласия, усугублявшиеся старыми напластованиями в отношениях между партиями и отдельными политическими деятелями. С этой точки зрения чрезмерно оптимистичной и явно конъюнктурной выглядит констатация К. Георгиевым в марте 1945 г. единодушия партнеров по фронту касательно оценок содержания и сущности программы 17 сентября ²³⁵. Подобный вывод был нелогичным еще и потому, что, признав в целом невозможность возврата к старым довоенным порядкам, партии ОФ вместе с тем по-разному оценивали сущность переживаемой страной «эры ОФ» и вытекавших из нее задач, различными были их представления о том, какая общественно-экономическая форма утвердится в конце этой «эры». Диапазон этих представлений был широк: если коммунисты и социал-демократы считали, что народное правительство обеспечит условия для социального и экономического переустройства общества, откроет тем самым путь к социализму, культурному прогрессу и счастью народа ²³⁶, то «звенари» рассчитывали ограничиться лишь известным «притушением классовых противоречий» и считали программу от 17 сентября подходящим для этого инструментом ²³⁷. Расхождения в трактовке «эры ОФ»,

видимо, стали главным препятствием в создании вводной части программы, содержащей характеристику власти ОФ. А между тем в аналогичных документах национальных фронтов других стран имелись преамбулы соответствующего содержания. В целом же, обсуждая программу, руководства партий ОФ стремились к установлению взаимопонимания и налаживанию сотрудничества. Этот факт не следует недооценивать, как, впрочем, и тот, что по ряду вопросов было достигнуто лишь формальное единство и, таким образом, сохранялась возможность для возникновения в будущем споров и разногласий.

Программа от 17 сентября вырабатывалась партиями, находившимися у власти, как программа действия, и это самым существенным образом влияло на определение задач и их формулирование. В этом, видимо, уместно искать ключ к пониманию в общем плане вопроса о том, почему в ряде случаев требования платформы Демократического объединения 1938 г. сформулированы более радикально, хотя, конечно, определяющим остается конкретный подход к каждому пункту, дающий возможность всесторонне проанализировать причины его появления в данной конкретной формулировке.

Сущность компромисса политических партий ОФ, выражением которого явилась программа от 17 сентября, заключалась в осознании всеми участниками Фронта необходимости устранить скомпрометировавшую себя сотрудничеством с антинародными режимами в межвоенный период и в годы войны крупную торгово-спекулятивную буржуазию, рассматривавшуюся как экономическая база фашизма. Прежде всего именно эту цель преследовал зафиксированный в программе принцип активного вмешательства народно-демократического государства в сферу экономики. Фактически в программе закреплялось ограничение предстоящих преобразований мерами, направленными против этого отряда национальной буржуазии, что соответствовало представлению большинства партнеров коммунистов по Фронту о границах развития революционного процесса в Болгарии. Вместе с тем за внешней умеренностью программы скрывались немалые потенциальные возможности. Последовательная линия на борьбу против торгово-спекулятивного капитала объективно означала, что революционный процесс выйдет за рамки разрешения противоречий между частными монополиями и эксплуатируемым ими обществом, т. е. приобретет в известной мере антикапиталистический характер. Ликвидация

наиболее мощной группировки национальной буржуазии неизбежно ослабляла эксплуататорский класс в целом и, учитывая роль и место торгово-спекулятивного капитала в национальной экономике, вела к изменениям структуры собственности в целом.

Иными словами, с точки зрения исторической перспективы компромисс, достигнутый при разработке программы, в конечном счете оказывался выгодным для трудящихся, а не для буржуазии. Это свидетельствовало о том, что компартия сумела правильно наметить те промежуточные цели, от достижения которых зависел исход борьбы за политическую армию революции.

ПРОГРАММА ОТ 17 СЕНТЯБРЯ 1944 г. И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ РЕВОЛЮЦИИ

§ 1. Новые тенденции в экономической политике БРП(к) и позиции партнеров коммунистов по ОФ (осень 1944 — весна 1945 г.)

Реализация программы от 17 сентября началась с решения задач по ликвидации остатков фашизма в стране, от чего во многом зависела ее судьба, ее будущее.

Вполне понятно, что на передний план сразу выдвинулись преобразования политического характера.

Основные органы насилия государства — жандармерия, полиция — были ликвидированы уже в ходе восстания и непосредственно после установления народной власти. Одновременно была создана народная милиция, в состав которой вошли главным образом коммунисты, ремсисы (члены Рабочего союза молодежи), участники партизанского движения. Народная власть распустила старые военные и гражданские судебные органы, открыла ворота тюрем, предоставив свободу политзаключенным. В соответствии с решениями последнего правительства буржуазной Болгарии, но уже после победы восстания 9 сентября были распущены также организации фашистского типа, а их имущество конфисковано. В конце сентября 1944 г. во исполнение программы правительства ОФ был принят закон о народном суде над виновниками вовлечения Болгарии в войну на стороне Германии и связанных с ней злодеяний. В декабре 1944 г. начались судебные процессы. Развернулась чистка государственных органов от фашистских и неояльных правительству элементов. По данным болгарского исследователя П. Остоича, лишь за несколько дней были уволены около 30 тыс. чиновников — служащих государственных и общинных учреждений ¹.

Таким образом, во многом благодаря самоотверженной и оперативной работе руководимых коммунистами Министерств внутренних дел и юстиции, а также энергичной деятельности комитетов ОФ были в значительной

мере обезврежены реакционные элементы, непосредственно связанные с антинародным режимом и гитлеризмом.

В условиях продолжавшейся мировой войны, в которой Болгарии предстояло участвовать теперь на стороне антигитлеровской коалиции, особо важное значение имели революционные перемены в армии. В программе от 17 сентября ставилась задача устранения из армии всех антинародных элементов, ее полной демократизации, превращения в подлинно народную армию. В соответствии с этим положением программы 20 сентября был объявлен приказ военного министра Д. Велчева о чистке офицерского состава от фашистских элементов, предании виновных суду, а также о немедленном аресте военнослужащих 1-го и 2-го оккупационных корпусов, против которых имелся обвинительный материал ².

В результате чистки из армии были удалены более 2 тыс. реакционных офицеров, значительная часть старого кадрового состава оставила действительную службу и ушла в запас. В регулярные части влились партизанские отряды, а их командиры и лучшие бойцы, получив офицерские звания, заняли командные должности.

БРП(к) уделяла исключительно большое внимание армии, стремилась в сжатые сроки подготовить ее к участию в боевых действиях. «Наши основные силы и внимание направлены на армию и войну», — сообщал ЦК партии Г. Димитрову в Москву 22 сентября ³.

С помощью советского командования поставленную задачу удалось решить: в начале октября болгарская армия начала боевые действия в составе 3-го Украинского фронта. 5 октября 1944 г. было подписано соглашение о военном сотрудничестве между Болгарией и Югославией, а также достигнута договоренность о решении всех вопросов, касавшихся обеих сторон, «в духе братских и общих интересов обоих народов». 28 октября союзники по антигитлеровской коалиции подписали с Болгарией соглашение о перемирии. В результате этих акций коренное изменение внешнеполитической ориентации Болгарии стало реальным фактом.

Народно-демократическая власть унаследовала от старого режима подорванную войной и неравноправными экономическими связями с Германией национальную экономику. Уровень производства был значительно ниже довоенного, а объем производимой сельскохозяйственной продукции, составлявшей основную статью национального дохода, не соответствовал потребностям армии и населения

городов в продовольствии, а промышленности в сырье. Немало предприятий были вынуждены полностью свернуть свою деятельность, на транспорте, в топливной и энергодобывающей промышленности сложилась кризисная ситуация.

В связи с острой нехваткой продовольствия, одежды, топлива, жилья, жизненный уровень населения страны не достигал прожиточного минимума. Росла безработица, ширилась спекуляция.

Улучшение положения трудящихся становилось серьезным политическим вопросом, поскольку они ожидали от народной власти немедленного и коренного изменения условий своего существования. При подорванной экономике даже минимальное удовлетворение потребностей населения превращалось в сложнейшую проблему.

Непосредственно после 9 сентября народная власть через конкретные мероприятия в хозяйственной области пыталась устранить кризис в топливной и энергодобывающей промышленности, добиться некоторого урегулирования цен, ограничить спекуляцию, провести осенний сев, упорядочить распределение промышленных товаров и продовольствия среди населения⁴, опираясь в этой деятельности прежде всего на комитеты ОФ. Однако и эти ограниченные попытки стабилизации экономики были подчинены прежде всего задачам политическим. «В первую очередь все должно идти фронту!» — такой была принципиальная позиция компартии⁵.

Социально-психологическая обстановка, сложившаяся в стране после 9 сентября, была очень специфичной, поскольку на местах восстание нередко приобретало остро-социальный характер. Подтверждением тому служили факты захвата отдельных предприятий рабочими и попытки налаживания там производства, а также перераспределения явочным порядком земельной собственности в деревне⁶.

В этих условиях многие члены партии, в том числе и ее руководящего звена, считали, что следующим шагом явится немедленный переход к коренному переустройству общества и даже установление в стране советской власти. «Мы открыто заявляем союзникам, что стремимся и идем к советской власти. Мы вступили в процесс борьбы за эту власть», — говорил в публичном выступлении один из коммунистов в г. Хасково в ноябре 1944 г.⁷ Существование ОФ представлялось им кратким, связанным лишь с военным временем. Подобные настроения не могли не

вызывать опасений у партнеров БРП(к) по Фронту. «Повсюду твердят: еще месяц-другой и будет вторая революция!» — с тревогой констатировали участники Софийской областной конференции «Звена» в ноябре 1944 г.⁸ Обстановка в стране, несомненно, повлияла и на представления коммунистов о перспективах реализации намеченной программы. Так, в тезисах Агитпропа ЦК от 10 декабря 1944 г. об итогах трех месяцев власти ОФ подчеркивалось без всякой конкретизации, что «предстоит осуществление программы ОФ в ее *наиболее существенных* (выделено нами. — Т. В.) пунктах»⁹.

Что стояло за этим заявлением? Какие пункты программы с точки зрения БРП(к) могут быть самыми существенными? В общем виде ответ, на наш взгляд, кроется в трактовке коммунистами программы как инструмента, способного коренным образом изменить существующий общественный строй. Как подчеркивалось в одном из партийных документов, реализация программы означала бы «построение основ социализма в Болгарии»¹⁰. Следовательно, перспектива вырисовывалась достаточно определенная: акцент на осуществление глубоких социально-экономических преобразований, непосредственно меняющих структуру болгарского общества.

Такой подход явно диссонировал с позицией БЗНС. Руководство этой партии, в котором доминировало правое течение, стремилось превратить Союз в основной фактор внутривластного развития страны, способный «противодействовать разыгравшейся политической буре, всем опасным влияниям, всем ошибочным ходам...»¹¹. Считая таким «ошибочным ходом» и наиболее опасным поворотом событий возможное установление в стране советской власти¹², руководители БЗНС видели в программе от 17 сентября инструмент, дававший возможность установить направления и, главное, границы предстоявших преобразований. Отсюда их заявления о необходимости осуществления программы полностью и до конца¹³.

Не отказываясь от выработки собственной платформы, политическая группа «Звено», превратившаяся в октябре 1944 г. в партию Народный союз «Звено», объявила правительственную программу «временной программой» своей партии, отмечая при этом сходство своих традиционных требований «в значительной своей части и особенно в сфере внешнеполитической» с программой правительства ОФ¹⁴.

За планомерное и ускоренное осуществление прави-

тельствственной программы высказались социал-демократы, подчеркнув, что она «в значительной степени совпала с программой-минимум» БРСДП¹⁵.

Интересно, что компромиссный характер программы от 17 сентября открыто признавался партнерами коммунистов по ОФ. Так, в ноябре 1944 г. на Софийской областной конференции «Звена» было констатировано, что при выработке программы «коммунистам пришлось сделать несколько шагов вправо, а правым и центру — влево»¹⁶. Еще более определенно высказывались «звенари» на этот счет весной 1945 г.: «Объединившиеся в ОФ партии принесли немалую жертву своей экономической доктрине и идеологии для определения экономической программы... ОФ»¹⁷.

Компромиссной по характеру программе предстояло реализовываться в обстановке большого революционного подъема. Позднее, на одном из заседаний ЦК «Звена» вспоминали: «В конце 1944 г. все считали, что власть в стране будет советской. Вы помните красные знамена, красные значки... Люди массово вступали в Рабочую партию»¹⁸. О желании населения Радомирского края массово вступить осенью 1944 г. в БРП(к) сообщалось на заседании НК ОФ 3 октября¹⁹. Несомненный авторитет коммунистов, реальные позиции, которые БРП(к) занимала в системе власти, пребывание в стране Красной Армии объясняют, на наш взгляд, почему в конце октября 1944 г. компартия не удержалась от соблазна пересмотреть условия достигнутого компромисса с партнерами, подготовив новую, более радикальную программу будущей деятельности правительства.

В октябре 1944 г. в ЦК БРП(к) был образован экономический отдел под руководством П. Кунина. И одной из первых возложенных на отдел задач была разработка направлений экономической политики партии «в качестве программы ОФ»²⁰. Вскоре проект этого документа был подготовлен²¹ и вынесен на обсуждение руководства БРП(к).

Проект содержал четкую постановку вопроса о необходимости проведения «новой экономической политики», которая освободила бы ранее скованные производительные силы страны и ликвидировала бы эксплуатацию рабочего класса и крестьянства.

Раскрывая этот тезис, авторы проекта предлагали весьма жесткий курс по отношению к частному сектору в промышленности, перспектива развития которого сводилась к его постепенному вытеснению и экономическому

подавлению. Достичь этого предполагалось, с одной стороны, путем «прекращения всякого — прямого или косвенного — благодетельствования и поощрения» частных предприятий и отраслей промышленности, а также сильного ограничения их доходов, а с другой — через быстрое увеличение государственных, кооперативных, государственно-кооперативных, общинных и общинно-кооперативных предприятий, «участие государства в наиболее крупных хозяйственных предприятиях путем выкупа части акций или другими способами». К этим «другим способам» были отнесены резкое увеличение доли общественных капиталов, ассигнованных на развитие частных промышленных предприятий, и там, где это возможно, национализация или превращение в государственные (государственно-кооперативные) некоторых отраслей монополистической промышленности и отдельных предприятий (прежде всего имела в виду табачная, сахарная и электрическая промышленность).

Задача обеспечения значительно более быстрых темпов развития промышленности связывалась в проекте с серьезными изменениями в сфере кредитования. Указывалось на необходимость превращения государственного банка «Болгарский кредит» в промышленный банк для кредитования и стимулирования политики народно-демократического государства в этой отрасли экономики. Через банк «Болгарский кредит», подчеркивалось в проекте, предстоит «постепенно и последовательно охватить все более значительные и важные акционерные банки с тенденцией их национализации».

Резко ставился в проекте вопрос о масштабах ограничения прибыли частных промышленников: речь шла об оставлении им «небольших доходов». Кроме того, предполагалось заставить предпринимателей возвращать эти доходы назад в промышленность, не допуская таким образом перелива капитала в спекулятивную торговлю. Здесь важная роль своеобразного барьера отводилась широкой государственно-кооперативной системе, создание которой воспретывало бы отливу капиталов из промышленности. Ядром этой системы должен был стать государственно-кооперативный центр, опирающийся в своей деятельности на кооперацию и государственную хозяйственную организацию «Храноизнос» и осуществляющий руководство и контроль за частной торговлей.

Авторы проекта попытались конкретизировать основные положения программы от 17 сентября из раздела

сельскохозяйственной политики, поставив такие вопросы, как пути создания земельного фонда для аграрной реформы, система компенсации собственникам за отчуждаемую землю. В проекте предлагалось установить минимальные размеры частного хозяйства, равные в зерновых районах 40 декарам (4 га), а в районах интенсивного производства — 20 декарам (2 га). Предполагалось, что кооператорам земля будет предоставлена бесплатно, а некооперированным крестьянам — по минимальной цене и в двадцатилетнюю рассрочку. Примечательно, что в ходе обсуждения выдвигалось и еще более радикальное предложение — раздать фондовые земли только кооператорам или ТКЗХ, отложив наделение земель некооперированных крестьян²², но оно было отвергнуто.

В проекте значительное место было отведено созданию производственной кооперации — ТКЗХ в деревне на основе выплаты ренты за внесенную в кооператив землю. При этом предлагалось основную часть дохода распределять по труду, введя систему трудодней. Особо была отмечена необходимость развивать, помимо ТКЗХ, и другие формы совместной обработки земли, «всячески способствуя росту производительности труда, увеличению выхода продукции с одного декара, улучшению материального положения трудового сельского населения и внедрению в его сознание кооперативного принципа...»²³.

Таким образом, проект закрепил очень важный принцип постепенности в деле создания производственных кооперативов в деревне. Этот принцип был распространен и на сферу городского мелкотоварного производства, которым кооперация должна была последовательно «овладеть». В целом роль кооперации в проекте оценивалась исключительно высоко. «В основе экономической политики должна находиться кооперация. Кооперативная политика — говорилось в документе, — должна стать первоочередной государственной политикой». По мнению болгарского исследователя Зл. Златева такой подход демонстрировал известное увлечение некоторых коммунистов в тот период кооперативными идеями²⁴.

В целом предложенный проект «основных направлений экономической политики» отразил значительные и принципиальные расхождения с правительственной программой от 17 сентября, которые раскрывали намерение коммунистов выйти за рамки программы, где речь шла о ликвидации торгово-спекулятивного капитала, и расширить фронт наступления на национальную буржуазию.

Иначе как объяснить, например, что имевшееся в программе требование контроля за прибылью капитала и определения его максимального размера, отнесенное к разделу сельскохозяйственной и кооперативной политики и направленное, таким образом, против торгово-спекулятивной буржуазии, в проекте было включено в абзац, касавшийся промышленности?

При обсуждении проекта в руководстве БРП(к) развернулась острая дискуссия, о содержании которой можно судить по некоторым документам экономического отдела ЦК партии.

Среди них весьма интересный документ под названием «Некоторые замечания к „Основным направлениям экономической политики ОФ“»²⁵, авторство которого, к сожалению нами не установлено.

Очевидно, что отправной точкой рассуждений автора замечаний явился четкий анализ конкретной обстановки, позволивший сделать принципиальные выводы о несвоевременности проведения сплошной национализации промышленности, о недопустимости переоценивать возможности кооперации в развитии производства и, наконец, о необходимости строить экономическую политику нового государства «на основе признания и защиты частной собственности и частной инициативы (в том числе и капиталистической частной собственности)», но включенной в такую экономическую и общественную систему, в которой частная собственность не будет вести к чрезмерной эксплуатации трудящихся масс и тормозить развитие производительных сил. Отсюда формулировалась задача «убедить... промышленников, что правительство ОФ не имеет намерения конфисковывать или изымать за выплату их предприятия мешать развитию частной промышленности и инициативы».

Отчуждение собственности допускалось лишь в отношении отдельных отраслей промышленности и отдельных предприятий, причем тех, которые уже почти утратили частный характер (сахарная, электрическая промышленность) или имели исключительно важное значение в экономике и решали большие по объему задачи (предприятия табачной промышленности).

Автор признал также «не бояться частной торговли», отметив, что и в этой отрасли предпринимателям будет предоставлена широкая возможность деятельности. Вместе с тем он подчеркнул, что здесь известное преимущество получит кооперация.

Касаясь раздела по сельскому хозяйству, автор замечаний решительно отклонил положение проекта о введении в ТКЗХ оплаты по трудодням: «...мы не строим колхозы. Нам для этого еще недостает многих условий».

В целом все эти замечания отразили, на наш взгляд, несогласие их автора с недостаточно внимательным подходом к оценке конкретной ситуации в стране, проявившимся при подготовке проекта. «...Давайте будем реалистами, ступим на твердую почву и не будем витать в облаках», — призвал автор замечаний своих оппонентов.

Таким образом, очевидно, что уже на стадии обсуждения «Основных направлений экономической политики ОФ» были сформулированы отдельные принципиальные положения, составившие основу концепции так называемых патриотически настроенных промышленников и торговцев, в целом успешно реализовывавшейся в Болгарии в 1944 — первой половине 1948 г.

Итогом обсуждения в руководстве БРП(к) явилось принятие 10 ноября 1944 г. решения Политбюро ЦК «Об основных направлениях экономической политики ОФ»²⁶, в котором совершенно явно были учтены многие из важных замечаний, о которых говорилось выше.

В окончательный текст решения вошло принципиальное положение о сохранении и предоставлении гарантий частной собственности и инициативе и предоставлении ей возможности развиваться, хотя и в условиях конкуренции с кооперативными и государственными предприятиями и под контролем государства, свои творческие силы и энергию. Было отклонено содержавшееся в проекте категорическое требование ликвидировать эксплуатацию рабочего класса и крестьянства и, таким образом, фактически подтверждена формулировка соответствующего пункта программы от 17 сентября — об ограничении эксплуатации трудовых слоев общества.

Соответственно была проведена коррекция отдельных пунктов проекта, смягчены некоторые формулировки.

Так, например, в окончательном варианте менее резко ставился вопрос об ограничении прибыли частных промышленников — теперь речь шла об установлении ее «нормального процента». Предполагалось добиться также, чтобы ее «большая часть» шла на развитие промышленности. Констатировалось, что задача обеспечения значительно более высоких темпов и масштабов развития промышленности будет решаться также и при использовании частных капиталовложений, хотя в качестве более

предпочтительного пути названы были развитие кооперативных, общинных и государственных предприятий, создание смешанных предприятий с привлечением частного и общественного капитала, а также выкуп государством и кооперациями акций крупных частных предприятий.

Решение предусматривало национализацию через выкуп или превращение в государственные, кооперативные и смешанные предприятия некоторых монополистических отраслей промышленности и отдельных их предприятий. В качестве примера называлась табачная промышленность и совсем конкретно — первичная обработка и переработка табака.

С задачей ограничения доходов промышленников непосредственно был связан пункт, характеризовавший предстоящие перемены в политике кредитования.

Предусмотренное в программе от 17 сентября введение «планового начала и взаимодействия в банковско-кредитной системе» и установление контроля за политикой кредитования в решении Политбюро конкретизировалось через постановку задач государственному банку «Болгарский кредит» «охватить все более значительные и важные акционерные банки страны путем участия в их деятельности или полного поглощения». Как видим, по сравнению с проектом из текста решения исчезло слово «национализация», хотя «полное поглощение» частных банков государственным вряд ли могло означать что-то иное. Таким образом, сущность предполагаемых действий не менялась, но была применена более аккуратная и мягкая формулировка.

В разделе решения, касавшемся торговли, декларировалось использование всех связей и возможностей частных торговцев в целях развития экспортно-импортного обмена и внутренней торговли. В силу этого серьезные изменения претерпел пункт проекта о создании государственно-кооперативного центра как регулятора торгового обмена. Теперь к его деятельности предполагалось привлечь и частных торговцев. Однако зафиксированное в решении положение о «всестороннем поощрении кооперации, с тем чтобы она могла постепенно сосредоточивать в своих руках все большую часть экспорта, импорта и внутреннего обмена» фактически означало перспективу серьезных ограничений деятельности частного сектора в торговле.

В свою очередь, приведенному выше положению о всестороннем поощрении кооперации несколько противоречила обрисованная в решении перспектива введения госу-

дарственной монополии на некоторые, «наиболее важные виды экспорта, импорта и внутренней торговли». При этом конкретизировался пункт программы об «общественно организованном» экспорте и импорте главных предметов потребления. Выше мы высказали предположение, что формулировка данного пункта в программе от 17 сентября в силу недостаточной ясности оставляла коммунистам возможность для известного маневра. Так и получилось: в решении Политбюро понятие «общественно организованный» стало фактически синонимом «государственно-монополистический». При анализе решения Политбюро бросается в глаза также и отказ от перечня тех предметов экспорта и импорта, которые могли быть включены в государственную монополию, тогда как в программе правительства вопрос ставился конкретно. Видимо, дело заключалось в том, что наличие такого перечня в известной степени связало бы руки коммунистам. А при новой формулировке под категорию «наиболее важных видов» торговли можно было подвести практически любую продукцию. Любопытно, что в решении Политбюро не была указана даже форма монополии на экспортируемый табак, хотя он не мог не попасть в список «наиболее важных» артикулов экспорта, поскольку ежегодная доля его в общем экспорте страны достигала 43 %²⁷.

Таким образом, нам представляется, что в решении Политбюро был закреплён, с одной стороны, твердый и последовательный курс на ограничение и постепенное вытеснение частного капитала (хотя и в несколько завуалированном по сравнению с проектом виде), а с другой, — прослеживалась идея осуществления контроля и руководства деятельностью кооперации со стороны государства. Складывалась интересная последовательность: ограничение частного капитала, особенно торгового и посреднического, достигалось главным образом «руками» кооперации (характерен, в частности, пункт решения о преимущественном участии кооперации в промышленности по переработке сельскохозяйственной продукции), которая сама оказывалась под контролем государства. Экономическая сторона процесса «подчинения» кооперации обеспечивалась перспективой национализации банков и создания смешанного центра, регулирующего деятельность в сфере торговли. В связи со всем этим небезынтересно, что из текста решения «выпал» приведенный выше тезис, имевшийся в проекте, о том, что кооперация должна паходиться «в основе экономической политики» государства,

и т. д. На наш взгляд, это свидетельствовало о том, что в руководстве БРП(к) одержали верх сторонники реальной оценки роли и возможностей кооперации в строительстве экономики народно-демократического государства.

Завершая рассмотрение положений решения Политбюро, относившихся к промышленности и торговле, отметим, что по сравнению с программой от 17 сентября в этом документе по-новому интерпретировался пункт о конфискации имущества и капиталов лиц, разбогатевших путем спекуляции и взяточничества в условиях военного времени. Теперь формулировалась задача «изъятия богатств, нажитых незаконными способами и спекуляцией», т. е. был опущен акцент на условия военного времени. Это придавало пункту о конфискации абсолютно новое звучание, близкое к «экспроприации экспроприаторов».

В сфере сельского хозяйства решение Политбюро предусматривало проведение аграрной реформы. Безземельным и малоземельным крестьянам намечалось предоставить землю «за посильный выкуп и в длительную рассрочку». Для стимулирования процесса создания ТКЗХ предлагалось вступающим в кооператив крестьянам сократить сумму выплаты за полученные участки наполовину.

По решению, необходимый для проведения аграрной реформы земельный фонд складывался из государственных земель, сдаваемых в аренду земель общин, лесных участков, мелиорированных площадей и пр., монастырских и церковных земель, сдаваемых в аренду населению, а также наделов, принадлежавших зажиточным собственникам, которые сами не вели хозяйство на земле, а сдавали ее в аренду. Такой подход соответствовал традиционному требованию деревни предоставить «землю тем, кто ее непосредственно обрабатывает», включенному в программу от 17 сентября.

Помимо этого, в земельный фонд предстояло включить земли частных хозяев, владевших более 200 декарами (20 га) в зерновых районах и «меньшей площадью» в районах интенсивного земледелия. Следует иметь в виду, что владельцами таких относительно больших по масштабам Болгарии хозяйств были капиталистические слои деревни²⁸, и именно против них, таким образом, направлялся данный пункт решения. Экстенсивным земледелием на больших площадях (в том числе и производством зерна) занимались в Болгарии преимущественно зажиточные

крестьяне. В интенсивном же земледелии была занята значительная часть бедного и среднего крестьянства, причем здесь зачастую имел место определенный переход элементов из одной социальной группы в другую, что затрудняло определение конкретных размеров площадей, подлежащих отчуждению, без риска поставить под удар «не ту» категорию крестьянства. Отсюда, очевидно, и нечеткость формулировки, выразившаяся в отсутствии указания максимального размера надела в районах интенсивного земледелия. Фактически в решении Политбюро был зафиксирован отказ коммунистов от пункта правительственной программы, определявшего максимальный размер надела в 300 декаров (30 га). Вместе с тем предлагавшаяся формулировка несла в себе большой социальный «заряд», отразив четкую антикулацкую направленность планировавшейся политики компартии в деревне.

В разделе решения, где речь шла о ТКЗХ, особо подчеркивались принципы их создания — добровольное вхождение крестьян в кооперативы, трудовое начало в основе их деятельности, выплата «справедливой» ренты за внесенную землю. В решение не вошло высказанное авторами проекта предложение о введении распределения доходов ТКЗХ по трудодням. Но что касается развития низших форм сельскохозяйственной производственной кооперации, то этот тезис, сформулированный в проекте, есть и в окончательном тексте решения. Это же относится и к идее производственного кооперирования ремесленного производства. В решении, в частности, специально ставился важный вопрос о своевременной помощи ремесленной производственной кооперации через активное предоставление кредитов. Отмечалось также, что вовлечение ремесленников в кооперативную деятельность должно осуществляться постепенно, пройти через этап совместной деятельности ремесленников по доставке сырья, продаже произведенной продукции и пр. Напомним, что программа от 17 сентября не ставила подобных конкретных задач в отношении ремесленников. Таким образом, коммунисты четко сформулировали свою позицию по данному вопросу и, главное, сочли возможным обнародовать ее.

В современной болгарской исторической литературе решение Политбюро от 10 ноября 1944 г. характеризуется как первое после 9 сентября более системное изложение взглядов руководства БРП(к) на основные направления и методы осуществления социально-экономической политики ОФ²⁹. Не возражая никоим образом против этого

определения, заметим все же, что ему не хватает «качественной» наполненности. На наш взгляд, рассмотренный документ свидетельствует о том, что осенью 1944 г. компартия планировала ускорить темпы перехода к социалистическим преобразованиям. Подтверждение этому находим у П. Куинна, отметившего, что уже на первых двух заседаниях Политбюро ЦК была обсуждена и принята линия на переустройство экономики Болгарии из капиталистической в социалистическую как генеральная задача в области народного хозяйства ³⁰. Это означало фактический отказ от условий компромисса с партнерами по ОФ, зафиксированных в правительственной программе от 17 сентября 1944 г.

При реализации нового курса большие и сложные задачи, как мы видели, ставились перед кооперацией, причем эти задачи, прежде всего по экономическим причинам, не всегда были ей по плечу. Нам представляется, что руководство компартии отнюдь не идеализировало кооперацию в тогдашнем ее виде ³¹, в целом правильно оценивало ее ограниченные экономические возможности ³². Акцент на роль и значение кооперации в экономической политике был связан, на наш взгляд, с популярностью кооперативной идеи в болгарском обществе в целом и особенно в мелкобуржуазной среде. Коммунисты видели в кооперации наиболее перспективный для себя путь к установлению сотрудничества с мелкобуржуазными массами, собственный вариант курса на такое сотрудничество. При этом нельзя недооценивать тот принципиальный момент, что имела в виду кооперация, подчиненная государству. Это обстоятельство играло исключительно важную роль прежде всего с точки зрения развития отношений с БЗНС.

Естественно, что формулирование руководством БРП(к) новой радикальной линии предстоящих преобразований не могло пройти незамеченным партнерами коммунистов по ОФ.

В начале ноября 1944 г. Высший партийный совет (ВПС) БРСДП в Декларации о политическом положении ³³ высказался за осуществление комплекса антифашистских мероприятий в духе правительственной программы от 17 сентября. Но, кроме этого, подчеркнул необходимость структурных экономических и социальных преобразований, «прокладывающих путь к социализму, культурному прогрессу и счастью народа». Курс БРСДП на переустройство капитализма на социалистический лад основыв-

вался на планах «социализации частных шахт и банков, фабрик массового производства и оптовой торговли», введения высокого подоходного налогообложения буржуазии. Социал-демократы решительно отстаивали требования широких масс населения об обуздании посредничества в сфере обмена. Эти моменты, несомненно, сближали их позиции с позициями компартии, хотя твердой и последовательной поддержки коммунистам руководство БРСДП, разделенное на правое крыло, левицу и центр, в то время не оказывало. Все внимание направлялось на борьбу группировок руководства за лидерство. Поэтому лишь много позднее, летом 1945 г., социал-демократы формулируют более подробно свои программные позиции. Так же, как и коммунисты, они высказались за проведение «новой экономической политики», главными составляющими которой считали кооперативное движение, создание государственных монополий в некоторых отраслях экономики, проведение частичной национализации (конкретно шахт и банков как объектов, представлявших собой общественный интерес), антикапиталистическую конфискацию и введение прогрессивного налогообложения³⁴. Аграрная реформа по принципу «Земля принадлежит тем, кто ее обрабатывает», создание ТКЗХ и «социализация наряду с промышленностью крупных земледельческих хозяйств»³⁵ — таким был курс БРСДП в сельском хозяйстве. В целом частное капиталистическое хозяйство БРСДП видела трансформированным в «плановое социалистическое».

Необходимо остановиться на раскрытии содержания ряда характерных для документов БРСДП терминов. Сразу отметим, что прямых указаний на этот счет в материалах партии нами не обнаружено. На некоторые соображения наталкивает сопоставление отдельных пунктов из программных документов БРСДП. В упоминавшейся выше Декларации о политическом положении речь шла о «социализации» банков, шахт, фабрик и оптовой торговли, а затем в документах лета 1945 г. последовало уточнение: национализация предусматривалась в отношении шахт и банков, тогда как промышленность должна была быть социализирована. Отсюда логично предположить, что термины «национализация» и «социализация» фактически идентичны, но для социал-демократов национализация определяла отношение государства прежде всего к иностранной собственности. К этому выводу нас подвело рассмотрение позиций иностранного капитала в структуре

капиталистической собственности. (В частности, шахты и банки находились в сфере влияния иностранного капитала.) При этом не исключалась возможность выплаты собственникам определенной материальной компенсации в отличие от проведения «антикапиталистической конфискации». Что касается термина «социализация», то предположительно в БРСДП толковали его в духе австро-марксистских установок, которые разделяли даже сторонники левницы, т. е. как отчуждение государством прибавочной стоимости за выкуп ³⁶.

В целом позиции БРСДП и БРП(к) сближал радикальный подход к определению перспектив развития страны. Более того, в ряде случаев (например, введение социалистического планирования, социализация крупных земледельческих хозяйств) социал-демократы занимали даже более решительные, чем коммунисты, позиции. Это давало основание правым силам в руководстве БРСДП заявлять, что лишь социал-демократы являются последовательными сторонниками социалистического идеала и борцами за его непосредственное воплощение в жизнь. Деятельность БРП(к) оценивалась ими весьма критически, и во многих внутренних документах БРСДП коммунисты с иронией именовались «двоюродными братьями»³⁷. По мнению болгарского исследователя М. Исусова, подспудной целью правых в БРСДП было ограничение влияния БРП(к) в массах ³⁸, что не могло не отразиться на развитии сотрудничества между этими партиями и на отношении социал-демократов к инициативам компартии.

Руководство БЗНС в оценке перспектив развития революционного процесса в стране исходило из своих традиционных аграристских представлений, особо подчеркивая верность «биолого-материалистическому пониманию истории» и «аграрно-кооперативному синдикализму, ведущему к политической и экономической независимости»³⁹.

После 9 сентября различные круги БЗНС растолковывали кооперативизм по-разному: одни видели в нем конкурента частнокапиталистической системе, другие — переходный к социализму этап, а третьи — сторонников этой точки зрения было большинство — самостоятельную хозяйственную систему.

Последняя установка объективно означала перспективу сохранения капиталистической системы отношений в сочетании с иллюзией социальной гармонии в болгарском обществе. Естественно, это в корне противоречило концепции коммунистов и делало неизбежным резкое

столкновение их с «земледельцами» при обсуждении вопросов экономического порядка.

После обнародования решения Политбюро от 10 ноября 1944 г. «земледельцы» не раз обосновывали свою принципиальную линию относительно необходимости конкретных экономических преобразований в стране. Эта линия в целом сводилась к созданию независимой системы кооперативной собственности, проведению комплекса мероприятий в интересах деревни. В марте 1945 г. на 1-м съезде комитетов ОФ руководитель БЗНС Н. Петков от имени «организованных земледельцев» выдвинул требование провести крайне необходимые, с точки зрения крестьянской партии, экономические реформы. Среди них — установление твердых цен на продукцию сельского хозяйства в соответствии с их себестоимостью, справедливое распределение и оплата обязательных поставок, ликвидация «ножниц цен», предоставление пексий крестьянам, равное обеспечение товарами города и деревни и пр. Все они носили традиционный для БЗНС характер защиты села, отвечали интересам широких слоев крестьянства. Следует отметить, что эти предложения имели самостоятельный характер, поскольку, с одной стороны, не были включены в программу правительства от 17 сентября, а с другой — не были представлены и в решении Политбюро ЦК БРП(к) от 10 ноября 1944 г. Н. Петков от имени БЗНС подтвердил необходимость введения прогрессивно-подходящего налога (заметим, что в решении Политбюро также содержался соответствующий пункт, а в некоторых документах БРП(к) того времени определенно указывалось на необходимость введения этого налога уже в 1945 г.)⁴⁰. Однако БЗНС не поддержал стремление коммунистов придать требованию конфискации незаконно нажитой собственности широкий антикапиталистический характер: «земледельцы» оперировали формулировкой из программы от 17 сентября, сохраняя акцент на условия военного времени и рассматривая конфискацию прежде всего и единственно как антифашистскую меру.

«Гвоздем» комплекса мероприятий, предложенных Н. Петковым от имени БЗНС, явился тезис о введении кооперативной монополии на табак и выработке такого хозяйственного плана, центральное место в котором будет отведено кооперации. В вопросе о форме табачной монополии «земледельцы» отказались от требования программы правительства и открыто заявили о своей прежней позиции. Подробно рассмотрев сущность требования

кооперативной монополии, советский исследователь Г. П. Мурашко показала, что в планах «земледельцев» кооперативные формы производства и обмена означали сохранение капиталистической системы отношений, замаскированной лозунгами гармонии интересов всех слоев общества⁴¹. Поэтому не случайно требование кооперативной монополии поддерживали представители торгового капитала, связанные с обработкой табака. Тезис о предоставлении центрального места в экономической жизни страны кооперации был развернут в статье Б. Георгиева «Лицом к хозяйственным вопросам» на страницах газеты «Земледельско знаме». Он включал в себя следующее: создание национальной, главным образом земледельческой, промышленности на кооперативных началах и ликвидация «паразитической промышленности»; кооперирование ремесленников и оказание им помощи; передача торговли в руки кооперации для ликвидации спекуляции и возможностей обогащения; передача экспортно-импортных операций в руки кооперативных центров; введение кооперативной монополии на табак; создание кооперативного скотоводства; кооперативная обработка земли; и др.⁴²

Большинство пунктов сами по себе соответствовали правительственной программе и, более того, по формулировке не расходились с решением Политбюро. Однако трактовка «земледельцами» коопераций как организаций капиталистического типа, освобожденных от руководства и контроля народно-демократического государства, означала, что план их утверждения в качестве основы национальной экономики противостоял предложенной коммунистами концепции развития страны, в центре которой лежала идея развития и укрепления государственного сектора и установления контроля и руководства деятельностью коопераций со стороны государства. Интересно при этом, что «земледельцы» рассчитывали противопоставить радикальной линии компартии программу от 17 сентября. Именно с этой точки зрения, думается, следует оценивать их заявление, что кооперативная монополия «как можно лучше отвечает духу и смыслу программы ОФ»⁴³.

В силу исключительной популярности идеи кооперации среди мелкобуржуазных масс аграристские взгляды руководства БЗНС таили немалую опасность в политическом плане, давая возможность реакционным силам мобилизовать не только широкие слои деревни, но и часть

мелкобуржуазного по составу рабочего класса на борьбу против предлагаемого БРП(к) пути развития страны. Расхождения во взглядах руководства БРП(к) и БЗНС на перспективы общественного развития, очевидно, стали одной из главных причин ухудшения отношений между этими партиями уже в конце 1944 г.

Сильный резонанс вызвал документ коммунистов и в еще одной партии ОФ — «Звена». В его центральном руководстве были представлены деятели с различными политическими концепциями. Осенью 1944 г. четко определились позиции правого крыла, среди сторонников которого были политический секретарь «Звена» П. Попзлатев, редактор центрального партийного органа газеты «Изгрев» В. Юруков и др. Значительная часть руководства во главе с председателем партии К. Георгиевым стояла на радикальных демократических позициях. В свою очередь, это крыло не было однородным: внутри его оформилась группа сторонников последовательной левой ориентации (среди них один из идеологов «Звена» Ив. Харизанов и др.), а также группа, выступавшая в защиту буржуазного либерализма, демократических институтов и государственного капитализма (в ее состав, в частности, входил заместитель председателя «Звена» П. Стайнов и др.). Картина, как видим, сложная, тем более что в руках отдельных группировок «Звена» были те или иные важные посты. Несмотря на богатую палитру социально-политических концепций, распространенных в руководстве «Звена», компартии была противопоставлена более-менее единая позиция, в основе которой лежал тезис о «последовательной», «незаметной, т. е. сравнительно безболезненной для страны, эволюции», несовместимой с резкими «скачками» в политике и экономике, могущими отрицательно отразиться на развитии страны⁴⁴. Выступая на конференции «звенарей» Софийской области в конце ноября 1944 г., И. Харизанов подчеркнул, что болгарское общество настроено созидать «антифашистское буржуазное государство». Коммунисты не отрицают это, заявил Харизанов⁴⁵, следовательно, «с их стороны нужен компромисс и содействие, а этого нет»⁴⁶. Обращает на себя внимание оценка «звенарями» новой линии, предложенной компартией, как отход от компромисса, достигнутого партиями ОФ. Взгляды радикально-демократического крыла «Звена» хорошо прослеживаются по материалам теоретического журнала этой партии «Бразда», издание которого было возобновлено в январе 1945 г. Уже в пер-

вом номере была помещена статья проф. А. Христова «Эволюция либерализма», посвященная воззрениям английского экономиста А. Пигу *, в которой автор взялся показать, что воззрения Пигу, по существу, совпадали с принципиальными линиями экономической политики правительства ОФ. Подчеркивались общие моменты, сведенные к следующему: признание необходимости «постепенной трансформации капитализма» при его сохранении как общественного строя; установление общественного контроля над промышленностью, особенно над теми ее отраслями, которые способны развивать монополистическую деятельность; национализация некоторых наиболее важных отраслей промышленности через общественные институты и учреждения, финансируемые государством; «планирование» распределения капитала при его инвестировании; использование прогрессивно-подходящего налога и налога на наследство для смягчения неравенства при распределении богатств и т. д. Суть взглядов Пигу, резюмировал автор, в «некоем сужении внешних рамок, внутри которых действует капитализм, путем *не особенно широкого* (выделено нами. — Т. В.) вмешательства государства во внутреннее функционирование капиталистической системы»⁴⁷. Развивая эти положения применительно к болгарским условиям, Ив. Харизанов на 1-м съезде комитетов ОФ (март 1945 г.) свел смысл существования ОФ к созданию в стране «народно-демократического государства на буржуазных рельсах на основе частной собственности и инициативы», подчеркнув, что установленная 9 сентября власть по своей сути — это власть, реформирующая капитализм. В связи с этим он призвал всех, но, несомненно, прежде всего коммунистов, «глубже вникнуть в исторический смысл» ОФ, чтобы, в частности, справиться с «левыми забеганиями по классовой линии...»⁴⁸.

Правое крыло «Звена» продемонстрировало свои позиции на экономической конференции в конце марта 1945 г. В выступлении политического секретаря П. Поп-златева был сделан упор на защиту «Звеном» частной собственности и инициативы, но при условии, что

* Пигу Артур Сесил (1877—1959) — английский экономист. Обосновывал необходимость государственного регулирования капиталистической экономики. Один из авторов теории «государства всеобщего благоденствия».

они превратятся в «творческий фактор» развития производства. Специально подчеркивалось, что деятельность кооперативных организаций не сведет на нет личную инициативу предпринимателя. «В нынешнем положении они могут терпеть друг друга, не вступая в конфликт»⁴⁹. Интересно, что на конференции прозвучала также мысль и об известном ограничении социальных функций кооперации, причем особый упор в этом плане делался на принцип свободного соревнования между различными формами экономических предприятий «без вредного ущемления сил частноэкономического сектора»⁵⁰.

В выступлениях делегатов был затронут вопрос о преодолении отсталости сельского хозяйства. В частности, отдельные ораторы (проф. Хлебаров) отмечали, что кооперативная обработка земли не единственное средство для этого. Хлебаров подчеркнул большое значение комасации земли, ограничения земельной собственности и пр.⁵¹ Комасация предполагала соединение мелких земельных участков в более крупные наделы с целью ограничения земельной дифференциации и укрепления «среднего типа» сельского собственника. Считалось, что в таком хозяйстве можно успешно организовать интенсивное производство, использовать сельскохозяйственную технику. Сторонники комасации подчеркивали, что происходивший в болгарской деревне с середины 30-х годов устойчивый процесс уменьшения среднего размера поземельной собственности за счет роста числа безземельных и малоземельных крестьян в значительной степени обусловил такие негативные явления, как земельный голод, перенасыщенность хозяйств рабочим скотом, сильная скрытая безработица. Положение это еще более обострялось в связи со слабым развитием остальных сфер общественного производства и особенно фабричной промышленности. Поиски выхода из этого положения привели кооперативные объединения, отдельные общественные организации и некоторые экономические органы буржуазного государства к констатации необходимости структурных изменений поземельных отношений, и прежде всего организации частных хозяйств. Наряду с планами развития кооперативного земледелия как одного из путей решения этого вопроса складывается концепция комасации земли. В 30-е годы она получает практическое воплощение, хотя и не особенно бурными темпами: до 1944 г. комасация проведена в 72 селах, охватив примерно 59 тыс. хозяйств. Общая площадь комасированных земель составила около 2267 тыс. декаров⁵².

Однако комасация давала лишь временный эффект, позволяя хозяйствам несколько увеличить годовой доход. Но приостановить действие капиталистических законов в земледелии не могла, дифференциация земельной собственности продолжалась, приобретая форму «декомасации комасированных земель».

В «Звене» существовало четкое представление о последовательности действий при организации ТКЗХ: сначала непременно создание индивидуальных крестьянских хозяйств, т. е. проведение аграрной реформы на основе принципа «Земля земледельцу, т. е. тому, кто ее обрабатывает», а затем уже их объединение в кооперативы⁵³. «Звенари» особенно акцентировали принцип свободы и добровольности при создании ТКЗХ, увязывая его с возможностью и целесообразностью введения кооперативной формы хозяйствования в конкретной местности⁵⁴. Иначе говоря, поддерживая в целом идею создания ТКЗХ, «звенари» видели в ее реализации один из путей, но отнюдь не единственный, преобразований в сельском хозяйстве. Более того, в «трудовых кооперативах» они нередко видели «копию из других стран» и призывали «не увлекаться» ею⁵⁵.

Выступления на экономической конференции «Звена» выявили глубокую внутреннюю дифференциацию в этой партии. Причем расхождения в трактовке экономических задач и способов их решения были столь существенными, что конференция не смогла оформить экономическую программу «Звена». По оценке Тр. Костова, собравшиеся на конференцию представители буржуазии принесли с собой настроения «реставрации полной свободы действия частного капитала», но сторонники радикально-демократического крыла, и прежде всего Ив. Харизанов, оказали им решительное противодействие и не позволили взять верх⁵⁶.

Резолюция конференции отразила в большей степени взгляды радикально-демократического крыла. Она ставила широкий круг задач по развитию основных отраслей экономики, определяла общественные функции частного капитала и границы частной инициативы. Высоко была оценена общественная роль кооперации. Но здесь был нюанс: «звенари» поддерживали идею вытеснения кооперацией частного капитала из некоторых сфер производства и обмена, причем имели в виду при этом явно торгово-спекулятивную буржуазию. В пользу этого говорит их твердая позиция в отношении защиты интересов тех про-

мысленников и торговцев, которые являются «творческими элементами».

Очевидно, что в силу этого «Звено» не воспринимало планы создания в стране кооперативных монополий, вынашиваемые в БЗНС, заявляя, что «Болгария нуждается не в громадных и массовых хозяйственных организациях, а в компетентно управляемых, прочно и умело организованных более мелких предприятиях, в которых учитывались бы целесообразности хозяйственной жизни»⁵⁷. Примером деятельности кооперации, отстранявшей посредника и связывавшей производителя непосредственно с рынком сбыта, «звенари» считали капиталистическую кооперацию Бельгии и Голландии⁵⁸. Стремление сблизить позиции «земледельцев» и «звенарей» отчетливо проявилось на 1-м съезде комитетов ОФ, в резолюции которого было записано требование государственно-кооперативной монополии на табак⁵⁹. Для коммунистов оно означало возврат на позиции межвоенного периода.

Из вышесказанного явствует, что «Звено», выступавшее за некоторое реформирование капитализма через «дирижирование» экономикой со стороны государства, не могло согласиться с мероприятиями, преследующими цели интенсификации революционного процесса в направлении к социализму, предложенными БРП(к). Осенью 1944 — весной 1945 г., несмотря на существенные идейно-политические различия между группировками «Звена», в целом эта партия подтвердила, как и БЗНС, свое согласие с компромиссной линией программы от 17 сентября 1944 г.

В связи со всем вышесказанным встает вопрос, могло ли коалиционное по составу правительство ОФ, как утверждает болгарский исследователь Зл. Златев, взять на вооружение решение Политбюро и руководствоваться им в дальнейшем как собственной программой⁶⁰. Нам представляется, что направленность этого документа, отразившая попытку коммунистов пересмотреть условия компромисса, и позиции их партнеров по ОФ ставят под сомнение правомочность подобного вывода. Не дает для него оснований, по нашему мнению, и рассмотрение практической стороны дела.

Правильнее, по нашему мнению, будет констатировать намерение БРП(к) превратить подготовленный в руководстве партии документ в правительственную программу, как это и предусматривалось в ЦК при разработке «Основных направлений экономической политики ОФ».

Однако осуществить задуманное не удалось *. Не удалось коммунистам перейти и к практическому осуществлению отдельных положений «новой экономической политики», предложив провести национализацию недр. Напомним, что подобное предложение обсуждалось еще при разработке правительственной программы от 17 сентября и было тогда отклонено. Аналогичной была его судьба и теперь, в новых условиях. Позднее, в январе 1948 г., в выступлении на XIV пленуме ЦК БРП(к) В. Коларов, возвращаясь к этим событиям, подчеркнул, что некоммунистические партии признавали руководящую роль БРП(к) в борьбе против фашистской диктатуры, но не признали бы ее, если бы надо было перейти к национализации ⁶¹.

Намерения компартии ускорить революционный процесс породили недоверие к коммунистам и даже к тем их предложениям и планам, которые соответствовали программе от 17 сентября, со стороны партнеров по Фронту.

В конце 1944 г. экономические отделы НК ОФ и ЦК БРП(к) подготовили свои проекты проведения аграрной реформы, производственного кооперирования в деревне, конфискации имущества и капиталов, нажитых в годы военной конъюнктуры путем спекуляции и взяточничества, введения прогрессивно-подходного налога, создания государственно-кооперативной монополии на табак, но эти проекты, хотя и получили предварительное одобрение в НК ОФ, по словам П. Кунина, «повисли в воздухе», натолкнувшись на сопротивление некоторых членов кабинета. «Самые большие препятствия для нас,— говорил Кунин,— инертность, бюрократизм и сознательная про-

* В условиях следования в правительстве с самого начала его деятельности принципу единодушного принятия всех решений коммунисты попытались использовать в целях давления на Совет министров авторитет и силу органов ОФ. Сложная обстановка в НК ОФ не позволяла рассчитывать на одобрение им решения Политбюро ЦК от 10 ноября. Поэтому коммунисты передали его на рассмотрение специально созванной экономической конференции комитетов ОФ. Состав комитетов, в которых преобладали члены БРП(к), позволял заранее предположить, каким будет итог обсуждения. Но, несмотря на поддержку линии компартии комитетами ОФ, определяющими в данном случае оказались позиции партнеров БРП(к) по Фронту. Видимо, резонанс в партиях от опубликования решения от 10 ноября был столь определенным, что в это время Секретариат ЦК БРП(к) принимает специальное постановление, согласно которому ЦК партии не мог отныне публиковать решения по экономическим вопросам до тех пор, пока они не станут решениями НК ОФ (ЦПА. Ф. 1. Оп. 17. А. Е. 25. Л. 9).

волочка со стороны министров торговли, земледелия, финансов и их подведомственных директоров, начальников отделов и т. д.»⁶²

Такое объяснение представляется нам несколько наивным, оно свидетельствовало о недостаточно глубоком понимании реальной обстановки, поскольку, несомненно, эти министры действовали как представители своих партий* и их позиция — это прежде всего позиция этих партий, их членской массы. При этом важно отметить, что настороженность вызвали и такие проекты, названия которых четко отразили отступление коммунистов назад на компромиссные позиции, их стремление избежать углубления наметившихся трещин в отношениях с партнерами. Мы имеем в виду проекты о конфискации, в названии которого был восстановлен акцент на условия военного времени, и о монополии на табак. Та же участь постигла и подготовленный в декабре 1944 г. законопроект об аграрной реформе⁶³.

«С большими усилиями, по словам Ц. Драгойчевой, был вырван [коммунистами] закон о кооперативной обработке земли»⁶⁴, принятый в марте 1945 г. А ведь соответствующие пункты входили в правительственную программу от 17 сентября!

Хотя компартия официально не заявляла, что производственное кооперирование в деревне кладет начало ее социалистическому переустройству, создание ТКЗХ рассматривалось крестьянами именно в таком плане и вызывало у значительной части мелкобуржуазных масс враждебное отношение⁶⁵.

Документы свидетельствуют, что и комасация, если она проводилась по инициативе коммунистов, вызывала резко отрицательный резонанс даже в тех селах, где имелся в этом направлении определенный положительный опыт и где крестьяне были знакомы с преимуществами комасации⁶⁶. Явно «срабатывал» психологический фактор негативного содержания.

Планы кооперирования укрепляли контакты БРП(к) лишь с беднейшим крестьянством. Этот вывод подтверждают сведения о преимущественном вступлении в ТКЗХ сельских пролетариев, полупролетариев и бедняков. Средняки были представлены в кооперативах весьма сла-

* В первом правительстве ОФ пост министра торговли, промышленности и труда занимал социал-демократ Д. Нейков, министра земледелия — член БЗНС А. Павлов, финансов — «независимый» П. Стоянов.

бо. Связанная с этим обстоятельством недостаточная земельная площадь ТКЗХ, нехватка рабочего скота и сельскохозяйственного инвентаря, отсутствие опыта организации общественного труда, единого хозяйственного и организационного руководства, ограниченные возможности государства в оказании эффективной экономической помощи в первой половине 1945 г., агитация противников кооперирования — все это на фоне резких столкновений личных и общественных интересов внутри ТКЗХ вело к усилению недовольства и появлению центробежных сил. Отрицательную роль сыграли также и оказывавшиеся при создании ТКЗХ нажим и давление на крестьян, имевшие место нарушения принципов добровольного и сознательного подхода к вступлению в кооператив, предоставление лучших участков земель кооператорам (к сожалению, широко распространилась практика неравноценного «обмена» земель кооператоров и некооперированных при «собрании» земель кооператива в единый массив), резкие выпады против некооперированных крестьян и прочие недопустимые проявления. Это повлияло на темпы кооперирования: пик приходился на март месяц, т. е. на момент принятия закона о ТКЗХ, когда был создан 61 кооператив. В апреле — мае было организовано 46 кооперативов, а затем темпы стали падать ⁶⁷.

В этих условиях резко осложнились отношения внутри ОФ. Руководство БЗНС обвинило коммунистов в проведении «политики насилия», порождающей лишь экономические трудности, а также в стремлении установить в Болгарии советскую власть ⁶⁸. «Земледельцев» поддерживали правые круги «Звена». Представители БРСДП заняли выжидательную позицию.

Итогом обнародования новой линии компартии явился и еще один исключительно важный момент. Расхождения с партнерами по ОФ по коренным вопросам развития страны вызвали обострение противоречий при решении общеполитических задач. Причем разногласия внутри ОФ начали усиливаться по мере того, как решение антифашистских задач все увереннее стало приближаться к своему завершению. Уже в начале декабря 1944 г. Г. Димитров констатировал, что «медовый месяц» развития ОФ кончился ⁶⁹. К этому времени отчетливо проявились те проблемы, которые серьезно осложнили ситуацию внутри ОФ и способствовали возникновению в нем кризиса*. Среди

* Первая кризисная ситуация в ОФ возникла в декабре 1944 г. в связи с принятием правительством постановления № 4, при-

таких проблем — проведение чистки государственного аппарата и широкое привлечение трудящихся к управлению, роль и функции комитетов ОФ, их состав и организационные принципы, prerogatives НК ОФ и его контакты с правительством, отношения между комитетами ОФ и политическими партиями и пр. В возникшей исключительно сложной обстановке от БРП(к) потребовалось последовательное проведение линии на сохранение единства ОФ как боевого союза демократических сил нации. Отсюда возникала необходимость избегать всего того, что, по словам Г. Димитрова, могло быть истолковано как попытка или стремление «советизировать Болгарию». В связи с этим определилась задача быстрой ликвидации партизанских методов действия по линии Министерства внутренних дел, милиции, армии, устранения «загибов» в экономической политике и пр.⁷⁰

Все эти вопросы были внимательно рассмотрены на VIII расширенном пленуме ЦК БРП(к) (27 февраля — 1 марта 1945 г.). В развернутой резолюции пленума «О политическом положении и задачах партии», в частности, отмечался слабый эффект деятельности правительства на экономическом фронте, что во многом способствовало усилению недовольства трудящихся. В связи с этим коммунисты призывали членов кабинета «вернуться лицом к хозяйственным проблемам и внести большую плановость и системность в проведение хозяйственных мероприятий».

Пленум подчеркнул, что компартия ставит во главу угла своей практической деятельности на экономическом фронте необходимость максимального развертывания производства для регулярного снабжения армии и населения. На пленуме была подтверждена готовность оказать «полную поддержку и содействие всем патриотически настроенным промышленникам и торговцам, которые стремятся к честному и добросовестному труду в целях наращивания производства и правильного снабжения страны необходимой продукцией»⁷¹.

VIII пленум ЦК партии положил начало пересмотру радикальной линии БРП(к). Произошло это перед лицом реальной угрозы отрыва партии от партнеров по ОФ и в конечном счете от непролетарских масс, не согласных

остановившего чистку армии от реакционных элементов. Активная деятельность «звонарей» в армии сочеталась с широкой антикоммунистической кампанией, организованной верхушкой БЗНС во главе с лидером партии Г. Димитровым (Гемето).

с направлениями и темпами революционных преобразований, предложенных коммунистами.

Наращение противоречий внутри ОФ привело летом 1945 г. в связи с возникшей перспективой формирования новой парламентской системы к новому кризису внутри ОФ и вызвало раскол многопартийной системы. В этой обстановке форсирование революционного процесса становилось не просто нецелесообразным, но и опасным. Актуализация в сложившихся условиях задачи укрепления союза компартии с непролетарскими массами обусловила поиски руководством БРП(к) более гибких вариантов действия, связанных с частичными уступками партнерам и представляемым ими политическим силам. В данной обстановке возрастала роль программы от 17 сентября как уже «готового» документа, способного объединить широкие слои болгарского общества.

§ 2. Пересмотр руководством коммунистической партии планов форсирования революционного процесса.

Декларация ЦК БРП(к) по экономическим вопросам от 28 сентября 1945 г.

Весной 1945 г. в стране началась подготовка к выборам в Народное собрание 26-го созыва. Их проведение, как мы помним, соответствовало правительственной программе от 17 сентября 1944 г. В решении VIII пленума ЦК БРП(к) говорилось: «В целях дальнейшего укрепления демократического порядка и непосредственного привлечения болгарского народа к управлению... взять курс на проведение в ближайшем будущем свободных парламентских выборов на основе всеобщего прямого и тайного голосования... В целях укрепления единства ОФ желательно, чтобы партии ОФ выступили на выборах с едиными списками избирателей, с единой предвыборной платформой, выработанной и утвержденной НК ОФ»⁷².

1-й съезд комитетов ОФ в марте 1945 г. согласился с основными принципами проведения выборов, предложенными компартией. На их основе в конце марта был подготовлен проект специального декрета-закона о выборах, утвержденный в апреле регентами. Выдвижение на повестку дня вопроса о парламентских выборах привело к возникновению внутри многопартийной системы острых противоречий. Речь шла не только об участии отдельных партий в представительных органах государст-

венной власти, а прежде всего о завоевании на свою сторону избирателей, усилении политического влияния в массах, о возможности изменить соотношение политических сил мирным, парламентским путем. В силу этого обстановка вокруг выборов исключительно накалилась, а противоречия внутри ОФ создали кризисную ситуацию, ведущую фактически к расколу Фронта.

30 июня 1945 г. НК ОФ рассмотрел предвыборную платформу, формулировавшую широкий круг задач во всех областях политической, общественной и экономической жизни страны *.

В сфере внешнеполитической платформа провозглашала в качестве основного принципа обеспечение государственного суверенитета и независимости Болгарии путем дальнейшего развития сотрудничества со всеми демократическими странами, и прежде всего с СССР. В области внутренней политики главные задачи сводились к окончательной ликвидации остатков фашизма в стране, обеспечению политических свобод народа, дальнейшей активизации экономической и политической деятельности органов государственного управления.

Экономическая политика ОФ определялась широко и подробно. В платформе говорилось о необходимости всемерно способствовать восстановлению народного хозяйства, его электрификации и индустриализации путем расширения имевшихся предприятий и создания новых отраслей промышленности. С учетом предложения Г. Димитрова формулировались задачи введения общественно-государственного контроля над всеми хозяйственными предприятиями и учреждениями — банками, акционерными обществами, транспортом, оживления внутренней и внешней торговли. Т. е. формулировки были более мягкие, нежели в решении Политбюро ЦК БРП(к) от 10 ноября 1944 г., где вполне определенно говорилось о постепенной и последовательной передаче функций ряда акционерных обществ, в частности крупнейших из них — «Болгарская промышленность», «Болгарская торговля», будущему центру, регулирующему торговлю, из представителей государства, кооперации и частных торговцев. В платформе ОФ содержалось исключительно важное положение о заш-

* Платформа была принята после внесения поправок, содержащихся в письме Г. Димитрова от 7 июля 1945 г. (см. *Димитров Г. Писма, 1905—1949. С., 1962. С. 431—432, 536*), и опубликована 13 июля в газетах «Работническо дело», «Отечествен фронт» и др.

решении картелей и трестов. Эти монополистические объединения в болгарской экономике существовали в наиболее доходных отраслях и сферах экономики (экспорт сельскохозяйственной продукции, импорт нефти и нефтепродуктов, деятельность банков и страховых компаний). В платформу вошло также предложение Г. Димитрова установить государственную монополию на экспорт и импорт тех продуктов, которые имели существенное значение для народного хозяйства и удовлетворения жизненных потребностей народа. В целом эти положения платформы совпадали с пунктом раздела экономической политики программы от 17 сентября. Но при этом коммунистам удалось сохранить в платформе ОФ такой подход, который характеризовал решение Политбюро от 10 ноября 1944 г.: они воздержались от конкретного перечисления статей экспорта-импорта, т. е. не отказались от перспективы расширения соответствующего списка.

Платформа не обошла вопрос о монополии на табак, зафиксировав необходимость ее «доосуществления». Что же имелось в виду? Отсутствие конкретных указаний на этот счет позволяет ответить на этот вопрос лишь предположительно, учтя практику народной власти, принявшей весной 1945 г. решение об участии частных торговых фирм в закупке табака урожая 1944 г., но лишь там, где государственный Болгарский земледельческий кооперативный банк не имел своих складов и соответствующих кооперативных организаций. При этом частные торговцы действовали как комиссионеры под непосредственным государственным контролем ⁷³.

«Доосуществление» монополии на табак могло фактически означать «доразвитие» ее как в государственную, так и государственно-кооперативную форму. Видимо, именно расхождения в этом вопросе не позволили более определенно сформулировать данный пункт. Известно, что коммунисты в этот период отстаивали государственную форму монополии обработки и торговли табаком ⁷⁴, а НК ОФ оставался на позициях конца 1944 г., высказавшись за государственно-кооперативную монополию.

Пункты платформы о ликвидации социально вредного посредничества, о кодификации и улучшении кооперативного законодательства, о введении прогрессивно-подходного налога, о необходимости создания дешевого кредита, введения планирования и контроля над политикой кредитования, о модернизации сельского хозяйства и поощрении кооперативной обработки земли и ряд других соот-

ветствовали положениям правительственной программы от 17 сентября 1944 г.

На любопытные выводы наводит трактовка в платформе вопроса о конфискации имущества и капиталов (раздел финансовой политики). Коммунистам удалось отстоять формулировку об «изъятии незаконно нажитого», что сближало ее с соответствующим положением решения Политбюро ЦК БРП(к) от 10 ноября 1944 г. Одновременно в платформе ОФ предлагалось обложить налогами «увеличенные доходы военного времени». Вместе с тем руководство компартии по предложению Г. Димитрова согласилось заявить в платформе о поощрении частной «творческой» инициативы предпринимателей, направленной на пользу всему народу, но при одновременном настулении на спекулянтов и «деятелей» черного рынка.

В платформу было включено весьма важное для крестьян требование устроения «ножниц цен», причем указанный способ его реализации — снижение цен на промышленную продукцию — соответствовал позиции БЗНС. Однако другое исключительно остро выдвигавшееся в деревне требование — об отмене реквизиций и облегчении режима обязательных поставок⁷⁵ — не было учтено в платформе в силу крайне тяжелого экономического положения страны. В разделе экономической политики платформы ОФ содержался также пункт о «быстром проведении остальных реформ». Такая лаконичность, граничащая с полной неопределенностью, предоставляла коммунистам большие возможности для маневрирования при реализации экономической политики и в связи с этим, видимо, не была случайной.

В целом платформа НК ОФ отразила отход коммунистов от радикальной линии осени 1944 г., она стала фактически первым шагом на пути назад к программе от 17 сентября 1944 г., шагом, глубоко осознанным, обусловленным политической реальностью.

Вокруг правительственной программы строилась и вся агитационная работа БРП(к) во время предвыборной кампании. Так, в ходе ее министр внутренних дел коммунист А. Югов указывал, что задача народных представителей будет состоять в содействии «осуществлению через народный парламент программы ОФ»⁷⁶. В Декларации ЦК БРП(к) в связи с выборами подчеркивалось: «...в нынешний исторический момент БРП(к) не ставит своей задачей введение советской системы... исходя из высших интересов страны, усилия партии направлены

на создание лучших условий для полного осуществления программы ОФ»⁷⁷. Данная позиция свидетельствовала о понимании коммунистами роли программы ОФ в объединении политических сил накануне выборов. Следовательно, для них было ясно, что платформа, включающая задачи социалистического характера, стать таким объединительным фактором не сможет ⁷⁸.

Особое внимание накануне выборов компартия уделила деревне. Стремясь устранить возникшие противоречия с БЗНС, коммунисты приняли решение о создании специальных контактных комиссий, именно в это время они поднимают вопрос о скорейшем проведении аграрной реформы и увязывании ее осуществления со всей предвыборной работой в селе ⁷⁹.

Однако избежать обострения отношений с руководством БЗНС не удалось. Лидер партии Н. Петков отказался от решения о едином избирательном списке, которое сам еще недавно (на 1-м съезде комитетов ОФ) активно поддерживал. Объективно такая позиция означала шаг на пути к расколу ОФ. 26 июля 1945 г., согласовав свои действия с членами правительства от БРСДП и «независимых» Г. Чешмеджиевым и П. Стояновым, Н. Петков направил в Совет министров, Регентский совет и Союзную Контрольную Комиссию (СКК) записку с предложением об отсрочке выборов. В записке утверждалось, что в стране не обеспечены свобода и порядок, необходимые для проведения демократических выборов, и высказывалась просьба к СКК провести выборы «под международным контролем». Естественно, что для его организации требовалось дополнительное время.

Предложение Н. Петкова не было принято, после чего он вышел из состава правительства и приступил к формированию оппозиционного блока. В последний вошли социал-демократы во главе с Г. Чешмеджиевым и К. Лулчевым и «независимые» во главе с П. Стояновым.

Примечательно, что, потребовав отсрочки выборов, участники оппозиционного блока поначалу не отошли от предвыборной борьбы: до 14 августа 1945 г. оппозиционные кандидаты были зарегистрированы в 12 избирательных округах. Была разработана и распространена также и «Избирательная программа народных оппозиционных кандидатов»⁸⁰. Оппозиционная программа не отрицала ОФ как политическое объединение, но настаивала на его сохранении в том виде, в каком он существовал до 9 сентября 1944 г. и непосредственно в день восстания,—

как «боевой союз крестьян и рабочих, ремесленников и народной интеллигенции в целях уничтожения фашизма и реакции и создания подлинной демократии, подлинного народовластия». (Не случайно, официально оформившись в начале сентября 1945 г., оппозиционный блок принял наименование «лояльная оппозиция Отечественного фронта».) Ряд пунктов «Избирательной программы», особенно в области внешней политики, был выдержан в духе программы ОФ от 17 сентября 1944 г. и Декларации БЗНС, объявленной на 1-м съезде комитетов ОФ в марте 1945 г. В них подтверждался курс на сотрудничество с СССР и вечную дружбу с братским русским народом, самые тесные контакты и сердечные отношения с Югославией и другими балканскими народами, дружеские отношения с США, Англией и Францией.

Основные различия касались внутривластной сферы. Оппозиция выдвинула ставший впоследствии знаменем всех антиотечественнофронтовых сил тезис об однопартийном, т. е. коммунистическом, характере управления, который-де не гарантировал политической свободы болгарским гражданам и стал причиной необратимых негативных процессов и в политике, и в экономике. В связи с этим программа ставила вопросы о реорганизации милиции и судов, деятельность которых направлялась и контролировалась коммунистами, демократизации армии, предполагавшей назначение помощниками командиров не только коммунистов, но и членов БЗНС, об оказании материальной и моральной поддержки болгарской церкви и др.

В экономической области оппозиционеры подтвердили свое согласие с рядом принципиальных положений программы правительства ОФ от 17 сентября 1944 г., высказавшись, в частности, за ликвидацию экономически и социально вредного посредничества, введение прогрессивно-подходящего налога, повышение жизненного уровня трудящихся и ликвидацию безработицы.

Вместе с тем этот первый обнародованный программный документ оппозиции провозгласил принцип неприкосновенности частной собственности и, как следствие этого, обходил такие вопросы, как изъятие земли у крупных владельцев и передача ее трудовому безземельному и малоземельному крестьянству, конфискация имущества и капиталов у незаконно разбогатевших лиц. Вследствие этого объективно определенные пункты данной программы не могли не заинтересовать городские слои, в том

числе и зажиточные, хотя оппозиция стремилась стать политическим представителем прежде всего крестьянских масс.

Дата выборов в связи с демаршем оппозиционеров зависела от решения вопроса в СКК, где представители США и Англии предприняли давление на советскую сторону. В обстановке неурегулированности международного положения Болгарии, ожидавшей подписания мирного договора, СКК рекомендовала болгарскому правительству «отложить выборы в парламент на более поздний срок»⁸¹.

Отсрочка выборов летом 1945 г., явившаяся серьезной уступкой настроениям значительной части мелкобуржуазных масс, выразителем которых становился оппозиционный блок, вызвала резкую ответную реакцию сторонников ОФ. В ряде мест рабочие потребовали организации митингов протеста против вмешательства США и Англии во внутренние дела Болгарии. В Бургасе среди части населения раздавались призывы взяться за оружие. Благодаря оперативно проведенной большой разъяснительной работе комитетов ОФ нежелательные инциденты не были допущены. Население в целом удалось правильно сориентировать в причинах отсрочки выборов. Тем не менее среди немалой его части возникло сомнение в прочности власти ОФ. Заметно оживились реакционные элементы. Руководство оппозиции уже детально обсуждало возможные перестановки в правительстве. Так, на состоявшемся 28 августа в доме Н. Петкова совещании было констатировано, что события развиваются правильно и что смена министров — самое меньшее, что должно произойти⁸². В с. Первенец зажиточные крестьяне провели демонстрацию в честь «будущего премьер-министра» Н. Петкова⁸³. Ситуация была исключительно напряженной.

25 августа 1945 г. она была обсуждена на заседании НК ОФ. Выступая на нем с докладом, секретарь ЦК БРП(к) Тр. Костов констатировал, что ОФ отступил по вопросу о выборах, но, «очевидно, это будет не единственный пункт, по которому надо будет отступить»⁸⁴. Коммунистам было ясно, что серьезные изменения предстоят по линии экономики. Речь шла о необходимости срочной корректировки экономической политики партии, о временном отказе от тех пунктов программы правительства ОФ, которые достаточно ощутимо затрагивали интересы частных собственников или могли породить сомнения

мелкобуржуазных масс в незыблемости принципа частной собственности и инициативы при народной власти. Судя по содержанию программы оппозиции, к таким пунктам прежде всего относились конфискация имущества и капиталов у незаконно разбогатевших и перераспределение земельной собственности.

Тр. Костов поднял также и весьма важный вопрос о возможности расширения многопартийной системы, разрешив деятельность партий радикалов, демократов, «независимых».

НК ОФ на специальном заседании 6 сентября рекомендовал правительству провести парламентские выборы как можно скорее и положительно решил вопрос о расширении состава ОФ. «Двери Отечественного фронта открыты для каждого, кто на деле признает его программу и готов бороться за ее осуществление, а также всеми силами отстаивать национальную независимость и суверенитет Болгарии», — говорилось в решении НК ОФ.

Сообразуясь с этими рекомендациями, правительство легализовало деятельность оппозиционных партий: уже в сентябре вышли первые номера печатных органов оппозиционных БЗНС и БРСДП газет «Народно земеделско знаме» и «Свободен народ». Вскоре в ОФ была принята часть Радикальной партии во главе со Ст. Костурковым. Была определена также новая дата выборов в Народное собрание — 18 ноября 1945 г.

В канун первой годовщины восстания 9 сентября в Болгарию вернулся после продолжительного пребывания в эмиграции В. Коларов. Он сразу же активно включился в работу и, стремясь составить более полное впечатление о ситуации в стране, встретился с председателем Совета министров К. Георгиевым, регентами, руководителями политических партий и другими деятелями. Оценивая положение в ОФ, В. Коларов пришел к выводу, что «слабости ОФ главным образом лежат в экономической области», поскольку до осени 1945 г. население практически не получило от народной власти удовлетворения даже самых элементарных своих нужд. Тяжелое продовольственное положение в городах, нехватка фуража, приведшая к массовому забою скота, неурегулированность вопроса с экспортом винограда, огромное количество которого пропадало, ибо недоставало рабочих рук для его обработки, и прочие явления усугублялись разразившейся в 1945 г. засухой. Помимо причин объективного характера, ситуация осложнилась из-за неправильных действий

властей при образовании ТКЗХ. В. Коларов особо отметил, что «методы образования кооперативов в селах на некоторых местах неверны и вызывают конфликты между кооператорами и некооперированными крестьянами. Сторонники Н. Петкова раздувают конфликты и используют их для агитации против ОФ и особенно против БРП(к)»⁸⁵.

В сложившейся обстановке партия сочла целесообразным приостановить организацию новых ТКЗХ⁸⁶ и принятие закона о трудовой поземельной собственности (ТПС), рассчитывая тем самым парировать агитацию оппозиции, игравшей на частнособственнической психологии крестьян, и в конечном счете укрепить и расширить свой связи с массами. Это было тем более необходимо, что после отсрочки выборов четко выявилось сближение позиций оппозиционных групп и правого крыла «Звена». В развернувшейся дискуссии о либеральной или «дирижируемой» народной властью экономике и те и другие высказались за либерализм⁸⁷. Для группировки «Звена» это было резким отходом с традиционных программных позиций, объясняемым прежде всего обострением отношений с БРП(к).

В этих условиях 28 сентября 1945 г. Политбюро ЦК БРП(к) обсудило экономическую политику партии. С основным докладом выступил Тр. Костов. Главные положения доклада легли в основу Декларации ЦК БРП(к) по экономической политике партии⁸⁸. Основу документа составила концепция БРП(к) об усилении руководящей и контролирующей роли государства в экономике. «Государство должно непосредственно участвовать в хозяйственной жизни либо путем привлечения частных банков, промышленных обществ и кооперативных объединений и создания смешанных обществ, либо путем установления экономического сотрудничества с развитыми дружественными Болгарии странами». Конкретные мероприятия по расширению и укреплению государственного сектора в экономике преследовали цель превратить народно-демократическое государство, по словам В. Коларова, «не только в руководителя, регулировщика и контролера, но и в хозяина»⁸⁹. В целом такой подход закреплял линию, отраженную и в программе правительства от 17 сентября, и особенно в решении Политбюро ЦК БРП(к) от 10 ноября 1944 г. Принципиальное значение имел раздел Декларации о привлечении к хозяйственной деятельности частного капитала: «Для частного почина в Болгарии существует широкое поле деятельности на

пользу обществу как в производстве, так и в сфере обмена». В Декларации четко формулировалась необходимость предоставления промышленникам возможности укреплять и расширять свои предприятия, создавать новые и т. д. Но при этом предполагалось направлять их капиталы не в сферу спекулятивной деятельности, а в производство. В связи с этим ставился вопрос об урегулировании отношений между трудом и капиталом, между работодателями и профсоюзными комиссиями, причем последние не имели права вмешиваться в управление предприятиями. В этом отношении была подтверждена прежняя линия руководства ОФ, выраженная в Директиве № 6 НК ОФ (XII. 1944 г.). Подчеркнута была и польза участия частных торговцев, особенно розничных, в правильной организации обмена, намечалась задача всячески использовать личные связи частных торговцев для получения товарных кредитов из-за границы и пр.

Совокупность этих положений свидетельствовала о том, что компартия во имя решения задач экономического восстановления страны и улучшения положения трудящихся резко сменила акцент в своей экономической политике, подчеркнув необходимость в данной конкретной обстановке линии на сотрудничество с буржуазией под контролем государства.

В Декларации БРП(к) говорилось о пользе всех видов кооперации в экономике, однако подчеркивалось, что обременять кооперацию задачами, которые в нынешних условиях ей не по плечу, вредно. Этот тезис, безусловно, свидетельствовал об объективной оценке состояния кооперации.

Как и в программе от 17 сентября, коммунисты считали кооперативный сектор наиболее эффективным для организации переработки сельскохозяйственной продукции, а также для правильного снабжения населения необходимыми товарами в условиях экономического соревнования с частным сектором. Тезис о соревновании частного и кооперативного секторов заслуживает особого внимания. Для коммунистов он был абсолютно новым. Ведь еще весной 1945 г. руководство БРП(к) резко выступало против подобной точки зрения, сформулированной на экономической конференции «Звена»⁹⁰. Это объяснялось тем, что в то время руководство компартии в практической деятельности еще придерживалось позиции, закрепленной в решении Политбюро от 10 ноября 1944 г. Ныне же тезис о свободном соревновании был воспринят коммуни-

стами. Это несомненно имело положительный резонанс. Так, на пленуме ЦК Союза болгарских торговцев в конце октября 1945 г. специально была отмечена позитивная перспектива «лояльного сотрудничества и соревнования с кооперацией»⁹¹.

В сфере внешней торговли коммунисты подтвердили положения программы правительства ОФ о введении государственной монополии на экспорт и импорт некоторых видов продукции. Однако в Декларации ее перечень был несколько расширен (нефть, соль, сельскохозяйственная техника, табак, розовое масло, зернопродукты). Основным критерием отбора было их общенародное значение⁹². Характерно, что особо отмечалась недопустимость импорта в страну предметов роскоши. В Декларации говорилось о перспективе введения в экономическую жизнь планового начала и конкретно указывалось на необходимость разработки 3- или 5-летнего плана экономического восстановления и возрождения страны. Стремление завоевать в новых условиях на сторону этой идеи частных предпринимателей обусловило включение в Декларацию тезиса о том, что плановое начало ограничит «нелояльную конкуренцию». «Капиталистическая система не отменяется. Государство ОФ своим вмешательством в экономическую жизнь вносит организованность, плановость и целеустремленность в хозяйственное развитие», — говорилось в одном из докладов экономического отдела ЦК БРП(к) летом 1945 г. При этом специально подчеркивалось, что речь шла не о социалистическом и не о всеобъемлющем планировании⁹³.

Исключительно важное и принципиальное значение имела позиция БРП(к) по вопросу о национализации. Поясняя точку зрения партии в новых условиях, П. Кунин в выступлении на расширенном заседании НК ОФ в октябре 1945 г. подчеркнул роль сознательного участия всех слоев населения, всех патристически настроенных хозяйственных кругов и сословий в решении экономических задач. «В связи с этим, — заявил Кунин, — мы не поставили перед собой задач национализации существующих частных промышленных предприятий». В соответствии с новым подходом к вопросу о национализации коммунисты в Декларации выразили свою позицию и относительно частных шахт⁹⁴. В Декларации по этому поводу говорилось вполне определенно: «...помимо государственных средств, дать возможность применить в этой области частную инициативу и средства, а также и ино-

странный капитал». А в отчете экономического отдела ЦК БРП(к) о работе в октябре — ноябре 1945 г. констатировалось: «Вопрос о национализации шахт считать закрытым. Он не будет вновь поставлен на рассмотрение»⁹⁵.

Серьезно изменились и планы деятельности в сфере финансовой политики. Пришлось отказаться от национализации крупных и экономически наиболее важных акционерных банков. Их сменило положение Декларации об установлении государственного контроля и регулировании кредитной политики, проводимой банками. Такой план соответствовал предложениям платформы НК ОФ, предусматривал лишь известные ограничения крупной частной собственности в сфере кредита.

Как отмечалось выше, планы интенсификации революционного процесса в направлении к социализму, выдвинутые в конце 1944 г. компартией, негативно отразились на союзе рабочего класса и крестьянства, в массе своей не готового к преобразованиям такой глубины и направленности. Здесь, несомненно, крылась и одна из основных причин раскола ОФ. Поэтому вполне понятно внимание коммунистов к вопросам укрепления экономических основ этого союза. С этой точки зрения исключительно большое значение имели задачи, которые Декларация определяла в сфере сельского хозяйства (модернизация и увеличение производительности и доходности как условие быстрого устранения скрытой безработицы), а также предложенный путь их решения — через укрепление прежде всего мелких частных хозяйств. «Следует всячески стимулировать личную заинтересованность производителей, являющуюся мощным фактором развития сельского хозяйства», — говорилось в документе. В свете этого партия впервые поставила в Декларации и вопрос о перспективах функционирования системы обязательных поставок сельскохозяйственной продукции и изъятия государственными органами ее излишков (реквизициях)⁹⁶. Требования отрегулировать режим поставок и реквизиций, разрешить свободную продажу сельскохозяйственной продукции были, пожалуй, наиболее злободневными. Во время обсуждения доклада Тр. Костова некоторые ораторы, в частности, связали снижение влияния БРП(к) в деревне, причем даже среди беднейшего крестьянства, именно с тяготами поставок и реквизиций и ограниченным снабжением крестьян промышленными товарами⁹⁷. В Декларации отмечалось, что реквизиции и другие ограничения для сельского населения — временное явление

ние, вызванное войной и засухой, которое будет «немедленно устранено», едва лишь удастся преодолеть существующие трудности. «Будет восстановлено право земледельцев располагать результатами своего труда и будут предприняты необходимые меры, чтобы его труд был справедливо вознагражден и защищен от грабежа картелей и спекулянтов». Такой подход в целом соответствовал положениям программы от 17 сентября (раздел сельскохозяйственной и кооперативной политики) об установлении контроля над доходами капитала, определении его максимальных размеров, а также об устранении всех его привилегий и монопольной роли. Эти пункты Декларации были направлены на укрепление рабоче-крестьянского союза и имели большое значение для перспектив развития революции.

Что касается земельной реформы, то в Декларации была подтверждена отсрочка принятия законопроекта о ТПС, констатировалось, что вопрос о реформе должен быть решен будущим Народным собранием. Видимо, в создавшейся сложной обстановке коммунисты сочли целесообразным формулировать в Декларации свою позицию. В частности, не был указан размер земельных наделов.

В Декларации не была обойдена и проблема производственного кооперирования деревни. «Для громадного большинства наших хозяев, — отмечалось в документе, — другого способа преодолеть отсталость и низкую доходность сельского хозяйства нет». Коммунисты призвали действовать при создании ТКЗХ крайне осторожно, сообразовываясь с материальными и техническими возможностями, учитывать наличие подготовленных кадров. «Любая поспешность, прямое или косвенное принуждение... могли бы только скомпрометировать это великое дело». В условиях острой борьбы за массы, когда оппозиция развернула широкую агитацию за выход крестьян из ТКЗХ, противопоставляла некооперированное население членам кооперативов и пр., принципиальная позиция руководящей партии ОФ приобретала особый вес. Учтя факт резкого снижения темпов кооперирования после отсрочки выборов, компартия сочла необходимым предпринять дополнительные шаги по разъяснению своей позиции в отношении создания ТКЗХ: в начале октября 1945 г. ЦК партии и Постоянное присутствие (ПП) БЗНС выступили с совместной Декларацией по данному вопросу. Этот документ еще раз подчеркивал необходимость

соблюдения принципа добровольности при организации кооперативов, быстрого устранения всех ошибок и искривлений принципиальной линии⁹⁸.

Впервые развернутую характеристику приобретала в Декларации ЦК БРП(к) проблема взаимоотношений между кооперативами и частными хозяйствами. «Кооперативные хозяйства не должны наносить ущерб частным хозяйствам, а, наоборот, должны служить примером, помогать советами, техникой, семенами и т. д.» Очевидно, что такой подход был более правильным.

Специальный раздел Декларации намечал конкретные мероприятия в интересах ремесленников и мелких торговцев. При этом компартия, несомненно, учитывала значительный удельный вес этой категории населения, его «немаловажную роль в деревнях и городах»⁹⁹, а также и тот факт, что мелкая буржуазия города являлась объектом пристального внимания оппозиционных кругов и рассматривалась ими как собственный резерв. В числе основных задач, поставленных в соответствующем разделе Декларации, значилось достаточное снабжение и справедливое распределение сырья среди отдельных ремесленников и их кооперативов. Именно этот вопрос был, как свидетельствуют документы, наиболее болезненным¹⁰⁰. Задача производственного кооперирования ремесленников с повестки дня не снималась. Коммунисты считали необходимым содействовать этому процессу через предоставление кооперативам дешевого кредита, организацию беспопылиного ввоза оборудования и пр.

В ходе подготовки Декларации по экономическим вопросам ее предварительный вариант был направлен в Москву Г. Димитрову. Ему принадлежали конкретные дополнения, включенные в окончательный текст, в частности принципиальной важности тезисы о необходимости рассчитывать в деле экономического восстановления страны прежде всего на собственные ресурсы и на правильную организацию и использование труда в национальных масштабах, о введении государственного контроля и системы регулирования кредитной политики банков, о разработке 3- и 5-летнего народнохозяйственного плана и ряд других положений¹⁰¹.

Итак, рассмотрение Декларации ЦК БРП(к) по экономической политике партии дает возможность сделать следующие выводы.

Несомненно, что осенью 1945 г. коммунисты отказались от радикальных планов интенсификации револю-

ционного процесса в стране, закрепленных в решении Политбюро от 10 ноября 1944 г. Это явилось, по словам Тр. Костова, уступкой прежде всего «известной части естественных союзников коммунистов — крестьян, ремесленников, мелких торговцев», которые выражали недовольство «увлечениями» в экономической области¹⁰². Сущность отказа от радикальных преобразований заключалась в следовании твердой экономической политике, отвечавшей обстановке в стране и ее возможностям. «Усиления государственного сектора, которое продолжает оставаться одной из главных задач экономической политики ОФ,— подчеркивал Костов,— мы будем добиваться не через национализацию, не через выкуп уже существующих частных предприятий, а через укрепление и расширение государственных предприятий, через их перевод на прочную основу хозрасчета, через новое промышленное строительство в решающих областях хозяйственной жизни и, наконец, через введение государственной монополии экспортной и импортной торговли некоторыми наиболее важными товарами»¹⁰³. Это заявление секретаря ЦК БРП(к) (в частности, мысль о введении госмонополии в сфере торговли), а также предпринятое выше рассмотрение пунктов Декларации свидетельствовали об определенном возврате компартии осенью 1945 г. к старой идее концентрации основных сил для удара по торгово-спекулятивной буржуазии. Как мы помним, эта идея явилась главным объединяющим моментом для партий ОФ, основой того компромисса политических сил, входивших во Фронт, который нашел выражение в правительственной программе от 17 сентября 1944 г.

Содержание Декларации от 28 сентября 1945 г. свидетельствовало о том, что в руководстве БРП(к) возобладала линия на постепенное ограничение и вытеснение частного капитала из сферы производства, торговли и финансов, что именно эта линия становилась главной и определяющей в экономической политике компартии. Как подчеркнул В. Коларов в упоминавшемся письме Г. Димитрову, ЦК БРП(к), обнародова Декларацию по экономическим вопросам, преследовал цель «положить конец явно вредным и опасным увлечениям и искривлениям не только на местах, но и среди ответственных товарищей»¹⁰⁴. Декларация официально утвердила место и роль частного, и прежде всего мелкотоварного, сектора, легализовала его существование в экономике переходного периода¹⁰⁵. Но при этом установила и четкую «иерархию»

развития секторов. «Государственный сектор будет развиваться быстрее частного и сможет влиять на него и направлять его развитие»¹⁰⁶ — такой виделась перспектива болгарским коммунистам. Вторым важным моментом явилось отчетливо проявившееся в Декларации стремление компартии укрепить связь с мелкобуржуазными массами путем выдвижения конкретных актуальных задач, учета объективных возможностей момента, настроений широких слоев трудящихся. Фактически Декларация подтвердила основные требования мелкобуржуазных слоев.

*§ 3. Взгляды партнеров БРП(к)
по Отечественному фронту
на перспективы развития страны в новых условиях*

Появление Декларации ЦК БРП(к) вызвало в стране большой резонанс. В целом, думается, первоначальная реакция на него получила точную оценку на страницах газеты «Знаме» — органа буржуазной Демократической партии, — отметившей, что «декларация... во многих отношениях неожиданна для читателя»¹⁰⁷, поскольку отразила качественно новый подход к задачам экономической политики. Партнеры коммунистов по ОФ в ответ на этот документ предприняли аналогичные шаги, опубликовав на протяжении октября месяца 1945 г. свои декларации.

18 октября 1945 г. была опубликована Декларация БРСДП по экономическим вопросам¹⁰⁸. Основной принципиальный вопрос о руководящей роли государства в экономической жизни социал-демократы решили с позиций, близких компартии, подчеркивали, что современное государство «в значительной степени» (выделено нами. — Т. В.) вмешивается во все области экономики и что его руководящая роль сохранится и в будущем. Социал-демократы солидаризировались с БРП(к) и в том, что руководящая роль государства не должна носить чисто административный характер, а опираться на определенную материальную основу. Отсюда констатация необходимости расширения и укрепления государственного сектора через национализацию шахт и прочих предприятий, связанных с эксплуатацией недр страны, которые играют важную роль в экономике страны, «огосударствления» крупных промышленных предприятий путем инвестирования государством «достаточного количества капитала», превращение в «чисто государственные» всех страховых

обществ. Последнее положение соответствовало пункту программы от 17 сентября. Таким образом, БРСДП не отказалась от постановки известного круга задач, выходявших за рамки преобразований последовательно демократического характера и затрагивавших лишь строго определенные круги буржуазии. В данном вопросе осенью 1945 г. социал-демократы пошли дальше коммунистов, снявших, как известно, лозунг национализации. Специальный раздел был посвящен сельскохозяйственной политике. Основным условием роста сельскохозяйственного производства, повышения его доходности БРСДП считала образование на добровольной основе сельскохозяйственных кооперативов как «наиболее удобной формы землепользования в стране». В Декларации указывалось, что введение кооперативной формы хозяйствования в зерновых районах, где под пшеницей занято 13 млн декаров (1,3 млн га) пашни, дало бы не менее 16 млрд левов дохода. Данная констатация, хотя и выглядит несколько произвольной и не вполне аргументированной, интересна в двойном отношении. С одной стороны, она явно преследует цель показать выгоду кооперирования, с другой — недвусмысленно указывает на основной объект его — главным образом зажиточное и в меньшей степени среднее крестьянство, занятое в экстенсивном земледелии, каковым, в частности, являлось производство зерна. Видимо, с этим было связано и отсутствие в Декларации пункта об аграрной реформе, хотя в принятом в июле 1945 г. Исполкомом БРСДП проекте программы партии определенно указывалось, что социал-демократы выступают за «основную и полную аграрную реформу»¹⁰⁹. Постановка же в Декларации вопроса о перераспределении земельной собственности означала бы подрыв собственной позиции относительно производственного кооперирования в стране. Созвучные программе от 17 сентября положения выдвинула БРСДП в сфере торговли. Декларация этой партии подтвердила принцип ликвидации экономически и социально вредного посредничества, устранения промежуточных и лишних этапов обмена, направленных на искусственное удлинение цепи посредничества в торговле. В этом плане как первоначальная мера предлагалось уменьшение процента доходов торговца-посредника до размеров, исключавших возможности получения сверхприбыли, а также введение эффективного и своевременного контроля в области внутренней торговли. Основную тяжесть борьбы с посредничеством социал-демократы рас-

считывали возложить на кооперацию, что соответствовало программе от 17 сентября. Вместе с тем БРСДП предлагала использовать готовый аппарат распределения в лице частных торговцев, особенно мелких, сочетая с их деятельностью деятельность кооперации. При этом, считали социал-демократы, частник должен быть допущен туда, где его деятельность была бы более выгодной, чем кооперативная. «Частная инициатива должна развиваться рядом с кооперативной на основе экономического соревнования за лучшее качество и более дешевые услуги при обмене», — подчеркивалось в Декларации партии.

В области внешней торговли БРСДП фактически повторила положения программы от 17 сентября о «поощрении общественно организованного экспорта и импорта товаров, имеющих большое хозяйственное значение». При этом социал-демократы несомненно имели в виду (это вытекает из текста уже упомянутого проекта программы партии) передачу внешней торговли в руки кооперативного движения. А уточнение при этом, что «внешняя торговля должна быть полностью централизована и поставлена под контроль государства и общества»¹¹⁰, свидетельствовало о том, что БРСДП, как и компартия, имела в виду осуществление контроля за деятельностью кооперации, что было принципиально важным. Однако БРСДП не поддержала коммунистов, поставивших вопрос о создании государственной монополии экспортной и импортной торговли.

Таким образом, осенью 1945 г. БРСДП продемонстрировала, что по ряду принципиальных вопросов экономической политики она занимает достаточно близкие компартии позиции. Эта близость основывалась на подтвержденном в новых условиях прежнем курсе, зафиксированном в правительственной программе от 17 сентября 1944 г. Однако социал-демократы в отдельных случаях шли дальше коммунистов, предлагая меры, расширявшие фронт наступления на национальную буржуазию. Это означало, что БРСДП не согласилась с оформившимся в это время курсом БРП(к) на постепенное вытеснение буржуазии из сферы производства и обмена в процессе решения общенациональной задачи восстановления экономики.

Позиция «Звена» была сформулирована в Декларации о положении в стране¹¹¹, принятой на заседании Высшего совета партии 5—6 октября 1945 г. Констатируя большой объем и сложность стоявших перед страной задач, в том числе и в сфере экономики, Декларация подчеркну-

ла, что их решение возможно «лишь по пути ОФ и его программы, *правильно истолкованной и разумно осуществляемой*» (выделено нами.— Т. В.). Такая посылка нам представляется крайне важной, ибо отражает вполне определенное стремление «Звена» сориентировать программу в направлении, соответствовавшем собственной концепции развития страны. В силу этого становится понятным пожелание «звенарей» устранить ошибки и увлечения, содержащиеся в некоторых законах, принятых во исполнение правительственной программы от 17 сентября. Конкретно были названы законы о ТКЗХ, об урегулировании цен и ряд других. Очевидно при этом, что «правильное истолкование» программы «Звено» связало с осторожным подходом к судьбе частной собственности и инициативы. Декларация «Звена» на этот счет была весьма определенной: «частная собственность и частный почин не могут быть ограничены, кроме тех случаев, когда это оправдано с точки зрения конкретных общественных интересов и должно быть оформлено надлежащим законодательным образом». В русле этого требования была сформулирована позиция о необходимости усиления мер «по внесению [в общество.— Т. В.] спокойствия», обеспечению законности, личной и «имущественной» безопасности. Совершенно ясна направленность этой позиции и ее «охранительный» с точки зрения прежде всего интересов буржуазии характер. «Звенари» не ограничились принятием собственной Декларации, которая в целом носила малоконкретный характер, и на страницах «Изгрева» предприняли внимательный анализ отдельных положений Декларации ЦК БРП(к)¹¹², раскрывающий, естественно, их собственные позиции. Они, в частности, отметили огромный интерес к ней среди экономических кругов, назвавших политику, предлагаемую компартией, «болгарским НЭПом», подчеркнули значение Декларации для установления в стране атмосферы спокойствия и доверия. Особо отмечалось, что «Звено» с удовлетворением встретило этот документ, поскольку «многие положения, неоднократно выдвигаемые „Изгревом“ и вызывавшие оскорбления и нападки со стороны отдельных авторов в „Работническо дело“, ныне нашли свое место в программе компартии», и что БРП(к), отказавшись от своей недавно еще «крайне доктринерской платформы» (речь идет, несомненно, о решении Политбюро от 10 ноября 1944 г.), «переходит с чисто партийных на отечественнофронтовые позиции»¹¹³. «Звенари» сразу поняли, что Декларация ЦК БРП(к), не

говоря о создании социалистической экономики, вместе с тем не объявляла возврата и к хозяйственному либерализму. На этой основе они сделали вывод об «особом социальном оттенке» политики компартии, ставившем ее якобы где-то «посередине между капитализмом и социализмом»¹¹⁴. Конкретизируя свою в целом положительную оценку Декларации коммунистов, «Звено» особенно приветствовало их отказ от планов национализации частных промышленных предприятий. Наряду с этим «звенари» указали на наличие в планах коммунистов «скрытой формы» национализации в виде идеи создания смешанных обществ с участием капиталов государства. Это положение Декларации, считали «звенари», противоречит заявлениям компартии о сохранении и поддержке частной собственности. Однако сам принцип создания смешанных обществ «Звено» не отвергло, предложив придерживаться его лишь при создании новых предприятий. «Старые же, — писал „Изгрев“, — останутся нетронутыми, если их хозяева сами не выразят желания вступить в эти смешанные общества» (т. е., иными словами, не захотят поправить таким путем свои финансовые дела). «Звено» сочло необходимым сформулировать свою позицию и по вопросу о плановом начале в развитии экономики. Выяснилось, что оно понимается в этой партии, как говорили сами «звенари», по-американски, т. е. как установление генеральной линии на поощрение определенных видов производства или его отраслей. Только такая плановость, считали «звенари», не противоречит принципу защиты частной собственности и может иметь место в Болгарии. Интересно, что точку зрения компартии по вопросу об отмене в будущем реквизиций «Звено» истолковывало как доказательство того, что «представления БРП(к) о „плановом начале“ близки „американским образцам“»¹¹⁵.

«Звено» выразило свою позицию и по вопросу о ценах на промышленную продукцию, по которому между БРП(к) и другими партиями ОФ, по оценке «Изгрева», существовали «самые значительные расхождения»¹¹⁶. Декларация «Звена» содержала пункт о выравнивании цен на промышленную и сельскохозяйственную продукцию, однако центр тяжести в этом вопросе для «звенарей» лежал не здесь. Свидетельствовало об этом их резко отрицательное отношение к положению Декларации компартии об установлении государственного контроля над ценами при правильной их калькуляции. Сам по себе контроль над составлением калькуляций серьезно огра-

ничивал возможности капиталистического накопления, сберегал для народного хозяйства значительные средства. Уместно отметить, что на одном из заседаний ЦК Всеобщего рабочего профессионального союза (ВРПС) 6 июля 1945 г. говорилось о результатах однократной проверки калькуляций, вскрывшей такие злоупотребления предпринимателей, которые позволили им положить в собственный карман около 500 млн левов¹¹⁷. «Звенари» разъяснили свое понимание «правильной» калькуляции, которая открыла бы возможности для «одновременного обогащения промышленника и развития и разрастания промышленного предприятия, поскольку лишь такой вид калькуляции позволит расширить старые и построить новые фабрики, восстановить оборотные капиталы предприятия, проводить социальные мероприятия и пр.»¹¹⁸. Рассуждая таким образом, «звенари» попутно отвергли иные подходы к определению размеров калькуляций: в частности, основанные только на учете стоимости расходов по производству, а также дававшие промышленнику «весьма умеренный доход и, следовательно, возможность приличного существования».

Вполне определенно высказалось «Звено» и по поводу недопустимости ограничения прав собственников промышленных предприятий и передачи их рабочим в лице ВРПС. «Производственный процесс не может развиваться правильно, если подчиненные и исполнительные органы получают право контроля за руководящими органами»¹¹⁹.

Таким образом, непосредственная реакция «Звена» на появление Декларации ЦК БРП(к) отразила прежде всего исключительно четкую позицию этой партии по вопросу о частной собственности и инициативе в пользу возможности частного предпринимателя фактически беспрепятственно осуществлять капиталистическое накопление, парируя при этом все попытки установления действенного контроля за его деятельностью со стороны государства и профсоюзов.

Характерно, что опубликованная в 1945 г. программа «Звена» осторожный подход к вопросам, касавшимся частной собственности, мотивировала «высшими интересами народного хозяйства»¹²⁰.

Программа значительное внимание уделила политике кредитования — «рычагу прогресса». Однако «звенари» и здесь особо подчеркнули роль этого «рычага» для судеб крупных предприятий (кредит «спасает» крупные предприятия), которые являются «народным богатством».

Определенную эволюцию претерпели взгляды «звенарей» на государственную монополию на табак. Выжидательная позиция, которую в этом вопросе «звенари» продемонстрировали в конце 1944 г., сменилась попытками доказать, что табачная монополия в Болгарии нецелесообразна. Так, например, «Изгрев» убеждал читателей, что возможный в данной отрасли ущерб легче вынесут отдельные табачные фирмы, нежели государство («тотальный риск выносится с трудом, а ограниченный легче»), что введение госмонополии может отразиться на качестве табака и его выработке, что монополия будет более удобным с точки зрения организации объектом происков для иностранных кредитов¹²¹. Все эти рассуждения скрывали фактически одно стремление — во что бы то ни стало уберечь эту отрасль, приносящую огромные прибыли, для частного предпринимателя.

Что касается взглядов «Звена» на аграрную реформу, то, по нашему мнению, их характеризовала некоторая противоречивость, также связанная с центральным для партии вопросом о частной собственности. Подтвердив старый тезис об «изъятии за полную выплату земель размером свыше 300 декаров (30 га)»¹²², «звенари» устами одного из идеологов своей партии в негативном тоне высказались против «дробления земель на мелкие трудовые хозяйства», подчеркнув, что такой подход, выражающий суть поземельной реформы, противоречит идее укрупнения сельского хозяйства¹²³. Нельзя не отметить, что определенный резон в таких рассуждениях был, но приступить к решению аграрно-крестьянского вопроса в Болгарии по-другому, нежели через реализацию принципа трудовой частной собственности, думается, не было возможности как с экономической, так и с политической точки зрения.

Таким образом, в ответ на Декларацию ЦК БРП(к) «Звено» выступило с обоснованием и в защиту принципиального тезиса о неприкосновенности частной собственности. «Дирижируемая» экономическая политика понималась этой партией прежде всего как средство, обеспечивавшее частным предпринимателям возможность осуществлять капиталистическое накопление, не опасаясь негативного воздействия экономических кризисов и неблагоприятной конъюнктуры. Заявляя о поддержке программы от 17 сентября, «звенари», однако, в условиях осени 1945 г., как нам кажется, совершили определенный сдвиг вправо со своих прежних позиций. Это проявилось, например, в смыкании точек зрения правого крыла «Звена»

с оппозицией и выдвижении, как показано выше, требования либеральной экономической деятельности народной власти, в также в отсутствии в Декларации «Звена» положения о мерах борьбы против торгово-спекулятивного капитала. Четкую прежде позицию «Звена» в этом вопросе сменили пункты Декларации, сформулированные в самом общем виде: об эффективном осуществлении «единства в руководстве хозяйственной политикой», об устранении всех причин, тормозящих экономическое и финансовое укрепление Болгарии» и др., предоставлявшие значительный простор для толкования. Четко определившееся стремление во что бы то ни стало оградить интересы собственника и предпринимателя предопределило конъюнктурный подход большей части «Звена» к программе от 17 сентября, выразившийся в призывах «правильно» толковать ее и «разумно» осуществлять.

В руководстве БЗНС идея выработки специального документа, отражающего взгляды «земледельцев» по экономическим вопросам, возникла еще в конце августа 1945 г. Тогда на одном из заседаний Управительного совета оргсекретарь партии М. Геновский поставил вопрос о подготовке культурно-хозяйственного плана работы, «не меняя при этом режима мелкой трудовой собственности в Болгарии». Геновский рекомендовал принять решение по экономической политике, особо выделив вопросы снижения цен на промышленную продукцию и калькуляции цен на продукцию сельского хозяйства ¹²⁴. Однако эта рекомендация не была в то время учтена.

Инициатива БРП(к) по принятию Декларации была встречена в Постоянном присутствии БЗНС с раздражением. 4 октября на его заседании было выражено недовольство тем, что коммунисты не сообщили партнерам о предстоящем опубликовании этого документа с пунктами, сильно отличавшимися от прежней позиции компартии и близкими по содержанию к позиции «земледельцев» ¹²⁵. А 5 октября 1945 г. В. Коларов сообщал в Москву Г. Димитрову, что на совместном заседании Политбюро ЦК БРП(к) и ЦК БЗНС «земледельческое» руководство в резкой форме выразило свое недовольство Декларацией ЦК БРП(к) по экономическим вопросам ¹²⁶. Видимо, такая позиция была вызвана в значительной мере опасениями, что инициатива компартии в негативном плане отразится на влиянии БЗНС в массах.

10 октября была опубликована ответная Декларация БЗНС ¹²⁷. Она открывалась преамбулой, констатирував-

шей, что БЗНС всегда «настаивал на своевременном решении всех проблем, от которых зависели экономическое благополучие и финансовая стабилизация государства и народа». «Последовательность и правоту» позиций Земледельческого союза по вопросам экономической политики Декларация объясняла тем, что БЗНС всегда соотнобщивался с экономической политикой правительства, очерченной в платформе ОФ, а экономические проблемы «никогда не были... средством проведения в жизнь партийной фракционной политики». Эти заявления содержали скрытые, но достаточно определенные намеки на БРП(к), и в частности на прежние намерения компартии форсировать революционный процесс в стране. Приведенное выше заявление интересно еще и тем, что отразило стремление БЗНС переложить ответственность за напряженное положение на экономическом фронте исключительно на коммунистов ¹²⁸.

Центральное место в Декларации БЗНС было отведено политике в области сельского хозяйства. «Земледельцы» подчеркнули, что в аграрной Болгарии «основные заботы государственной экономической политики должны быть направлены на улучшение положения крестьянского населения и его хозяйственной деятельности». В разделе сельскохозяйственной политики был последовательно проведен тезис об особом «трудовом» характере мелкой земельной собственности, подчеркнута высокая личная заинтересованность мелкого производителя, позволявшая, как указывалось в Декларации, получать в Болгарии в среднем сравнительно более высокие урожаи, чем «в ряде соседних и в более отдаленных странах». Такая постановка вопроса отвечала сущности мелкобуржуазных представлений о «живучести» мелкого собственника, исключала его, в частности, из процесса производственного кооперирования, вела к консервации известных традиционных отношений собственности. Это противоречило позиции коммунистов, утверждавших, что только объединение раздробленных мелких единоличных хозяйств в мощные кооперативные хозяйства (при сохранении частной собственности на землю) является единственным надежным путем преодоления отсталости и низкой доходности сельского хозяйства. Из Декларации БЗНС вытекало, что более высокая урожайность болгарского сельского хозяйства не дает оснований для каких-то особых забот по части модернизации сельского хозяйства, тем более что, как подчеркивалось в этом документе, мелкий характер бол-

гарского сельского хозяйства ей-де не благоприятствует. Мы склонны связывать такую позицию БЗНС по вопросам кооперирования прежде всего с негативными явлениями, возникавшими при организации ТКЗХ. Не отрицая вместе с тем полностью идею создания ТКЗХ, Декларация ограничила сферу их распространения теми районами Болгарии, «где больше земли и где выращиваются экстенсивные культуры». Именно там, считали «земледельцы», можно добиться механизации и модернизации производственного процесса. Напомним, что аналогичную точку зрения высказали и социал-демократы. С учетом структуры земельной собственности очевидно, что Декларация в этой части ограждала от кооперирования мелких и прежде всего средних крестьян. Специальное внимание в этом документе было обращено на принципы организации и деятельности ТКЗХ. По этому вопросу позиция БЗНС осталась неизменной и совпадала с той, что нашла выражение в совместной Декларации ЦК БРП(к) и ЦК БЗНС об образовании ТКЗХ (начало октября 1945 г.). В пункте, посвященном вопросу об аграрной реформе, была подтверждена верность традиционному принципу БЗНС «земля тем, кто ее обрабатывает». Под предлогом того, что проведение аграрной реформы не должно сопровождаться расстройством средних крестьянских хозяйств путем изъятия у них части земли, «земледельцы» высказались за установление максимального размера надела, равного 300 декарам (30 га) (как в законе о ТПС 1922 г. и в правительственной программе от 17 сентября), а в равнинной Добрудже — 500 декарам (50 га). По мнению руководства БЗНС, закон о ТПС предстояло принять будущему Народному собранию. Так же считали и коммунисты.

Как и ЦК БРП(к), руководство БЗНС заострило внимание на проблеме обязательных поставок и реквизиций. Оно выдвинуло требование сокращения обязательных поставок до минимума. «Оставшуюся после поставок продукцию крестьяне должны иметь право свободно продавать потребителю». Характерно при этом, что если коммунисты считали возможным решение этого вопроса в перспективе, то «земледельцы» предлагали действовать незамедлительно, хотя объективная обстановка не давала возможности отказаться от жесткого курса в данном вопросе. Отметим, что реализовать это требование из-за тяжелого положения в промышленности не удавалось вплоть до середины 1949 г., хотя на протяжении 1946—1948 гг.

размеры обязательных поставок постепенно уменьшались.

Второй раздел Декларации БЗНС составили задачи в сфере промышленного производства. Основной тезис здесь сводился к необходимости дальнейшего разрастания и развития сельскохозяйственной промышленности в Болгарии, «чтобы обеспечить лучшее использование продукции сельского хозяйства через превращение ее в более ценные, годные к длительному сохранению и транспортировке продукты и товары». К нему примыкало положение о расширении существующих и создании новых промышленных предприятий по производству орудий труда и сельскохозяйственной техники. Собственная промышленность призвана была, как явствовало из Декларации БЗНС, обеспечить население товарами широкого потребления и одеждой, для чего предполагалось «усилить» имевшиеся предприятия и организовать новые при условии использования ими дешевого местного сырья или излишков рабочих рук.

Эти пункты фиксировали взгляд болгарской деревни на развитие в стране промышленности, подчиненное прежде всего нуждам сельского хозяйства, что в известной степени сближало позицию БЗНС с соответствующим пунктом правительственной программы от 17 сентября, где развитие промышленности ограничивалось организацией промышленного производства товаров массового потребления — типовых хлеба, одежды, обуви и пр.

Существенные расхождения с позицией компартии продемонстрировала Декларация БЗНС по вопросу о роли и месте государственного сектора в экономике. «Государство, — указывали „земледельцы“, — должно заниматься организацией управляемых им ныне предприятий таким образом, чтобы они стали примером рационального использования и экономического мышления». Как видим, задача предельно узка! Более того, она не предусматривает количественного роста государственного сектора. Что же касается создания новых предприятий, введения государственной монополии, национализации кооперативных или частных предприятий, то в будущем, указывалось в Декларации, они возможны только при появлении «жизненной необходимости в этом для государства и лишь в том случае, если существует гарантия, что государство сможет осуществить все намеченное и хозяйствовать наилучшим образом». Данное положение отразило, по-нашему, укоренившееся в мелкобуржуазных массах недоверие к государству — «плохому хозяину», политика кото-

рого в экономике долгие годы была направлена на обогащение монополий за счет мелкого и среднего производителя и потребителя. Подтверждает этот вывод и наличие в Декларации важного указания на необходимость создания при государственных предприятиях общественных контролирующих органов и введения персональной ответственности их руководства. В отличие от коммунистов, ставивших во главу угла своей экономической политики государственный сектор, Декларация БЗНС «наиболее подходящую форму общественной организации хозяйственной жизни» традиционно видела в кооперации.

Специальный раздел Декларации БЗНС был посвящен вопросам хозяйственного планирования, руководства и контроля за экономикой со стороны государства. «Земледельцы» высказались за плановое начало в ее развитии, подчеркнув, что хозяйственный план в условиях перехода Болгарии к экономической деятельности мирного времени должен создаваться на базе постепенной ликвидации ограничений и строгой регламентации, характерных для времени войны. Не отбрасывая в общем и целом идею «дирижирования» экономикой со стороны государства, Декларация БЗНС предлагала ограничить его вмешательство «лишь общим руководством и нацеливанием отраслей экономики на действия в нужном направлении с задачей обеспечить большую плановость и эффективность экономической деятельности кооперативных и частных хозяйственных предприятий».

Признавая за частной инициативой широкие возможности, руководство БЗНС тем не менее вполне четко и определенно свело их к сфере промышленного строительства и подчеркнуло, что именно здесь «частная инициатива должна получить для себя гарантии». При этом в самом общем виде формулировалось, что эти гарантии не могут означать создания условий для бесконтрольного использования экономических объектов в целях спекуляции и обогащения.

Значительный интерес представил раздел торговой политики. И прежде всего потому, что здесь «земледельцы» осуществили серьезное отступление с прежних позиций: отказались, например, от программного требования ликвидации экономически и социально вредного посредничества. Его сменила обтекаемая формулировка об «устранении всех преград, мешающих быстрому продвижению товаров и их правильному распределению». Смазан был

ранее ярко выраженный социальный характер требования, направленного против торгово-спекулятивного капитала. Положения Декларации показывают, что иначе быть не могло, поскольку в противном случае выбивалась в известной степени почва из-под другого важного тезиса — о том, что участие частных торговцев во внутреннем обмене «оправдано и должно быть гарантировано». За ним последовала корректировка другого популярного требования БЗНС — о кооперативной монополии торговли. В Декларации на этот счет ясно указывалось, что кооперация к осуществлению такой монополии в достаточной степени не готова и может лишь затруднить товарообмен. На наш взгляд, определяющим моментом здесь явились расхождения с БРП(к) по вопросу о контроле государства за деятельностью кооперации и руководства ею. Что касается сферы внешней торговли, то «земледельцы» высказались за привлечение к импортным операциям со странами «свободного рынка» наряду с кооперацией частных торговцев и частных фирм. Особо оговаривалось, что государство сохранит за собой право контроля товаров, которые следует ввозить как самые необходимые для страны. В принципе такая постановка вопроса, с учетом планов фактического ограничения размеров государственного сектора и масштабов его деятельности, а также известной коррекции взглядов на кооперативный сектор в экономике в целом, объективно обрисовала перспективу некоторого усиления позиций частного сектора в экономике. Думается, что подтверждают этот вывод пункты Декларации, посвященные финансовой и кредитной политике. БЗНС осенью 1945 г. отказался от требований ограничения деятельности финансового капитала, его возможности распоряжаться свободно сосредоточенными в банках средствами через установление контроля со стороны государства. А между тем подобного характера положения были зафиксированы в программе от 17 сентября. Руководство БЗНС обошло вопросы об установлении контроля за политикой кредитования, о введении подоходно-прогрессивного налогообложения, т. е. проигнорировало традиционные требования крестьянской партии.

На основании вышеизложенного можно констатировать, что Декларация БЗНС продемонстрировала серьезные расхождения с предложенной компартией концепцией общественно-экономического развития страны. Более того, если Декларация ЦК БРП(к) по ряду положений означала возврат к компромиссной программе 17 сентября

1944 г., то «земледельцы» в своем документе отошли от некоторых принципиальных положений этой программы, восходивших, что важно, к традиционным идеологическим установкам БЗНС. В целом «земледельцы» предложили осенью 1945 г. собственную альтернативную линию развития страны, основанную на констатации прогрессивного характера «трудовой» частной собственности. В связи с этим мы не можем согласиться с выводом болгарского исследователя Д. Тишева, отметившего, что Декларация, несмотря на некоторые «слабости», в целом отражала значительное единомыслие руководства БЗНС с экономической политикой компартии¹²⁹.

Подводя итог, можно с определенностью сказать, что Декларации партнеров БРП(к) по ОФ серьезно отличались от линии действий, предложенной коммунистами. В меньшей степени, пожалуй, это относилось к БРСДП. Не стремясь максимально приблизиться к содержанию правительственной программы, партнеры сделали упор на основные положения экономических разделов программ своих партий, причем «Звено», на наш взгляд, проявило при этом большую последовательность, нежели БЗНС. Это объясняет и тот бесспорный факт, что октябрьская Декларация БЗНС практически не упоминается в работах болгарских исследователей, хотя история крестьянской партии пишется активно, с детальной проработкой и менее значительных сюжетов.

Попытки выработать осенью 1945 г. объединяющую партии ОФ линию действия были предприняты на состоявшейся 8, 9, и 11 октября 1945 г. конференции НК ОФ расширенного состава, специально рассмотревшей экономические вопросы. В кратком официальном сообщении об итогах работы конференции констатировалось, что ее участникам удалось сформулировать некоторые общие принципы экономической политики ОФ, в частности, принцип «правильного и гармонического развития частной, государственной и кооперативной инициативы во всех областях хозяйственной жизни и экономического строительства», обеспечения при известной «экономической свободе» контролирующей, руководящей и планирующей роли государства в экономической жизни, переустройства и модернизации сельского хозяйства и его производственного кооперирования, реорганизации и помощи ремесленному производству, разработки государственного хозяйственного плана и т. д.¹³⁰

К сожалению, мы не располагаем необходимыми материалами, проливающими свет на дискуссию в НК ОФ. Однако, судя по содержанию Деклараций «Звена» и БЗНС, появление которых совпало с моментом проведения конференции, вряд ли можно говорить о том, что ее участникам удалось достичь единства взглядов на содержание сформулированных принципов экономической политики ОФ. На соответствующие размышления наводит и крайне скудная информация о состоявшемся обсуждении. Насколько нам известно, лишь «Работническое дело» поместило краткое сообщение. Вряд ли молчание печатных органов других партий можно расценить как случайное явление.

Определение позиций политических партий по вопросам экономической политики имело исключительно важное значение с учетом развернувшейся с середины октября второй избирательной кампании. Выборы в Народное собрание предстояло провести 18 ноября 1945 г.

Важной задачей при их подготовке было преодоление колебаний и укрепление доверия к народной власти мелкобуржуазных масс. Добиться этого без четкой постановки экономических вопросов было невозможно. Несомненно, роль в этом Декларации ЦК БРП(к), которую в стране рассматривали как «избирательную платформу» коммунистов, была весьма значительна. Сильное влияние она оказала и на оппозицию. По оценке В. Коларова, появление Декларации «спутало карты оппозиционеров, не знавших попросту, что писать»¹³¹.

16 октября 1945 г. «лояльная оппозиция» объявила о своем неучастии в выборах и призвала своих сторонников к их бойкоту. В тот же день об аналогичной позиции заявила буржуазная Демократическая семья, а вскоре к ней присоединилась и оппозиционная Радикальная (объединенная) партия. Оппозиционный фронт усилили также поддерживавшие тактику бойкота выборов члены Федерации анархо-коммунистов Болгарии¹³².

Выступая с единой позицией по вопросу о парламентских выборах, оппозиционные группировки, несомненно, не могли не учитывать тот факт, что лишают себя важнейшей политической трибуны. Думается, что рассчитывали они прежде всего на срыв выборов, принимая во внимание и ситуацию на международной арене, в частности противоречия между партнерами по антигитлеровской коалиции. На Лондонской сессии Совета министров иностран-

ных дел (СМИД)* (сентябрь—октябрь 1945 г.) представители США подписание мирных договоров с Болгарией, Венгрией и Румынией поставили в зависимость от создания в этих странах представительных демократических правительств. Зная об этом, оппозиция явно стремилась использовать то психологическое воздействие, которое дискуссии в Лондоне и в конечном счете неуспех сессии оказали на болгарское общество.

Исход избирательной кампании продемонстрировал провал бойкотистской тактики оппозиции: выборы принесли успех ОФ, за который отдали свои голоса более 80 % принимавших в них участие. Вместе с тем около 20 % избирателей в выборах не участвовали или голосовали недействительными бюллетенями. По существу, они и представляли собой резерв оппозиции¹³³.

Перспектива политической борьбы, таким образом, сводилась к переносу ее основной тяжести за стены парламента. Однако позиции партий — участниц ОФ по ряду принципиальных вопросов экономической политики свидетельствовали о том, что и в Народном собрании в ходе законодательной борьбы за утверждение де-юре «плодов революции», за ее дальнейшее развитие и углубление коммунистам придется нелегко. Исход этой борьбы зависел прежде всего и главным образом от ответа на вопрос, за кем пойдут мелкобуржуазные массы.

*§ 4. Реализация правительственной программы
от 17 сентября 1944 г. до выборов
в Великое Народное собрание (октябрь 1946 г.) —
практическое воплощение идеи
компромисса политических партий ОФ*

Первая сессия Народного собрания 26-го созыва открылась 15 декабря 1945 г. тронным словом регента В. Ганева. Оратор сформулировал основные задачи, стоявшие перед парламентом: решить вопрос о созыве ВНС для приведения в соответствие с конституцией страны осуществленные после 9 сентября демократические преобразования, разработать и утвердить законы, позволяющие стабилизировать экономику, «трансформировать экономи-

* СМИД — орган, учрежденный в 1945 г. по решению Берлинской (Потсдамской) конференции в составе министров иностранных дел СССР, США, Великобритании, Франции и Китая «для проведения необходимой подготовительной работы по мирному урегулированию».

ческую структуру» страны, укрепить созданные государственные органы и т. п.¹³⁴ Работа предстояла большая и сложная, руководство БРП(к) непосредственно связывало ее с реализацией положений программы правительства ОФ¹³⁵. Не случайно, выступая 25 декабря 1945 г. в Народном собрании, Г. Димитров поставил во главу угла экономической политики пародной власти ограничение позиций торговой буржуазии, и прежде всего устранение из экономической и общественной жизни спекулятивного и паразитического капитала¹³⁶.

Формирование рабочих органов парламента и начало его работы совпало с Московским совещанием министров иностранных дел Англии, СССР и США, проходившим с 16 по 25 декабря 1945 г. Основной вопрос повестки дня совещания состоял в согласовании принципов процедуры заключения мирных договоров с побежденными странами. Согласно договоренности, министрам иностранных дел трех стран предстояло разработать проекты договоров с Болгарией, Румынией и Венгрией с последующим вынесением их на обсуждение Мирной конференции. Ситуация, однако, серьезно осложнилась заявлением министров иностранных дел США и Англии Бирнса и Бевина о том, что разработке проекта мирного договора с Болгарией должны предшествовать известные изменения ее политического режима. Среди прочих было выдвинуто требование провести «свободные» выборы в парламент и предоставить возможность группировкам, не участвовавшим в них, войти в новое, реконструированное правительство. После консультации с болгарскими политическими деятелями 23—24 декабря 1945 г.¹³⁷ советское руководство подписало Коммюнике совещания, пункт 6 которого содержал дружеский совет болгарскому правительству включить в состав кабинета дополнительно двух представителей других демократических групп, которые: а) действительно представляют группировки партий, не входящих в правительство, и б) готовы к лояльному сотрудничеству с правительством¹³⁸. Привлечение в правительство представителей оппозиции, бойкотировавших выборы, фактически означало нарушение парламентской практики, согласно которой правительство формируется из функционеров партий, победивших на выборах. Борьба вокруг создания так называемого непарламентарного правительства в Болгарии началась в конце 1945 г. переговорами с оппозиционными партиями. Их лидеры заняли нереалистическую позицию, заявив о необходимости полной реконструкции

кабинета, роспуска парламента и проведения новых законодательных выборов, денационализации армии и пр. Согласно с данными требованиями означало для народно-демократической власти отступление под натиском оппозиции по весьма существенным вопросам. Такой путь был неоправданным с точки зрения расстановки классовых и политических сил в стране, но в пользу его говорили сложные международные условия. Ситуация была весьма напряженной. 9 января 1946 г. в Софию прибыл заместитель народного комиссара иностранных дел СССР А. Я. Вышинский с целью разъяснить оппозиционным лидерам действительный смысл решения Московского совещания, однако миссия его закончилась безуспешно. Как записал в своем личном дневнике лидер оппозиционных социал-демократов К. Лулчев, точке зрения советского дипломата, настаивавшего на «буквальном толковании и выполнении Московского решения», оппозицией было противопоставлено «подлинное» раскрытие этого решения¹³⁹, явившееся, по существу, подтверждением ее прежних требований. Неопределенность создавшейся ситуации негативно отразилась на положении в партиях ОФ. В «Звене» укреплялись правые силы, открыто выступавшие за «терпимость» по отношению к оппозиции, против происходившего «коммунизирования» страны¹⁴⁰. Внутри БЗНС усилилось недовольство «второстепенной ролью» крестьянской партии в политической жизни, вновь оживились настроения в духе аграристских идей, по любому поводу руководство БЗНС подчеркивало исключительное значение крестьянской партии в ОФ, что сильно раздражало «Звено» и БРСДП. В руководстве ОФ, как признал на одном из заседаний НК министр внутренних дел коммунист А. Югов, чувствовалась неуверенность, граничащая с ожиданием серьезных перемен в стране¹⁴¹. Однако НК ОФ рекомендовал правительству отказаться от дальнейших контактов с оппозицией и таким образом показать несостоятельность ее расчетов на реконструкцию кабинета.

В данной обстановке оппозиция вновь попыталась мобилизовать внешний фактор для решения внутренних болгарских вопросов. С этой целью она вошла в СКК с просьбой содействовать разрешению «политического кризиса» в стране. Но заместитель председателя СКК генерал-полковник С. С. Бирюзов охарактеризовал этот шаг оппозиционных лидеров как непатриотический и не принял подготовленный ими специальный документ. Действия

оппозиционеров создали повод для усиления вмешательства США во внутренние дела Болгарии. 22 февраля 1946 г. государственный департамент довел до сведения болгарской стороны позицию американского правительства по выполнению решения Московского совещания. В памятной записке, в частности, говорилось, что представители оппозиционных партий должны войти в правительство на взаимоприемлемых как для оппозиции, так и для правительства условиях ¹⁴². Такая интерпретация Московского решения вполне устраивала оппозицию, выдвинувшую на новый тур переговоров с правительством следующие требования: проведение не позднее июня 1946 г. выборов одновременно в обыкновенное и Великое Народное собрание; передача МВД нейтральному лицу или в коллективное управление по следующей схеме — у министра-коммуниста должно быть два помощника — представители БЗНС-НП и БРСДП(о)*, отвечающих соответственно за работу милиции и административного аппарата; передача портфеля министра юстиции представителю БЗНС-НП ¹⁴³.

Новый этап борьбы оппозиции за создание «непарламентарного правительства» начался в условиях серьезного ухудшения международного климата, вызванного возникновением элементов «холодной войны». Международная обстановка самым серьезным образом повлияла и на развитие событий в Болгарии.

Ограниченные в своих действиях отсутствием мирного договора великих держав с Болгарией, коммунисты пришли к выводу о необходимости формирования нового правительства, которое бы имело вотум доверия парламента.

Образованию нового кабинета предшествовали деятельные меры компартии по налаживанию сотрудничества внутри ОФ, сглаживанию противоречий между его участниками. Уже в феврале 1946 г. прошли на высшем уровне встречи руководства БРП(к) с партнерами.

Особую тревогу вызывала ситуация в «Звене», усилившем свои контакты с оппозиционным БЗНС во главе с Н. Петковым на почве страха перед «большевизацией страны» ¹⁴⁴. Допуская, что в ходе рассмотрения некоторых законопроектов в парламенте отношения между «Звеном» и другими партиями ОФ могут обостриться, Политбюро

* Названия оппозиционных партий: БЗНС-НП (Никола Петков); БРСДП(о) (объединенная).

ЦК БРП(к) по инициативе Г. Димитрова предложило выработать «одинаковые установки» по экономическим вопросам, и особенно по законам о конфискации и ТПС, а также достичь предварительного соглашения по закону о прогрессивно-подходящем налоге ¹⁴⁵.

Встреча Г. Димитрова с руководством БЗНС преследовала цель прежде всего сгладить сильные антизвенарские настроения среди «земледельцев», в то время как представители БРП(к) и БРСДП, собравшись вместе, особое внимание уделили вопросам международной деятельности оппозиционной БРСДП(о), а также наличию значительных точек соприкосновения в оценках двумя партиями обстановки в стране. Была подчеркнута перспектива их слияния в будущем в единую партию рабочего класса.

Конкретные предложения БРП(к) по структуре и составу нового кабинета прозвучали на совместном заседании представителей партий ОФ. На нем Г. Димитров высказался за создание института заместителей председателя Совета министров и помощников министров в отдельных министерствах. Это открывало простор деловому сотрудничеству партнеров по Фронту в центральных органах власти. На том этапе был решен вопрос и о главе будущего кабинета: этот пост был вновь предложен К. Георгиеву. Заявление Г. Димитрова о том, что позиции партнеров не должны ограничиваться, а их влияние и роль в управлении ущемляться ¹⁴⁶, фактически подтверждало следование принципу паритета при формировании нового кабинета, как по крайней мере это было в первом правительстве, где БРП(к), БЗНС и «Звено» имели одинаковое число портфелей ¹⁴⁷. Однако, на наш взгляд, такая перспектива не представлялась коммунистам уж слишком продолжительной. Не случайно Г. Димитров четко констатировал, что «Рабочая партия должна более активно и более широко (выделено, нами. — Т. В.) участвовать в управлении страной и в правительстве» ¹⁴⁸. Очевидно при этом и другое: расширить участие коммунистов в правительстве за счет представителей других партий в конкретной обстановке весны 1946 г. не представлялось возможным. Тем не менее состав 2-го правительства ОФ свидетельствовал о том, что паритет был нарушен: БРП(к) получила 5 портфелей, БЗНС и «Звено» — по 4, БРСДП — 2, Радикальная партия и «независимые» — по 1. Увеличение числа коммунистов в правительстве было достигнуто путем включения в его состав возглавлявшего Высший эко-

помический совет Д. Терпешева, соответственно увеличился и состав кабинета. «Независимые» передали один портфель представителю вошедшего в ОФ осенью 1945 г. крыла Радикальной партии во главе с С. Костурковым. Он возглавил Министерство народного просвещения.

Затянувшийся процесс формирования нового правительства шел параллельно с деятельностью Народного собрания, которое именно в начале 1946 г. рассмотрело законопроекты, весьма важные с точки зрения реализации правительственной программы и укрепления союза составлявших ОФ сил.

В январе 1946 г. коммунисты внесли в парламент законопроект о конфискации собственности, нажитой спекуляцией и незаконными путями. Само название законопроекта, соответствовавшее решению Политбюро ЦК БРП(к) от 10 ноября 1944 г. и лишившее акцента на условия военного времени, показывало, что компартия стремилась использовать идею конфискации не только для борьбы против сил, сотрудничавших с антинародным режимом.

Болгарский исследователь П. Петков в специальной работе показал, что значительные средства сосредоточились у бывших военных поставщиков, владельцев транспортных средств и представителей свободных профессий. Однако особо крупные капиталы находились в руках торговцев сельскохозяйственной продукцией, и прежде всего табаком и зерном ¹⁴⁹. На одном из заседаний руководства БЗНС говорилось, что среди торговцев-экспортеров имелись такие, чьи торговые операции принесли им от 200 млн до 2 млрд левов прибыли по ценам того времени ¹⁵⁰. Следовательно, объективно основной удар законопроект о конфискации наносил торгово-спекулятивному и ростовщическому капиталу. Таким образом, новая формулировка названия законопроекта соответствовала достигнутому в сентябре 1944 г. компромиссу, воплощенному в программе правительства, и именно это было принципиально важным.

По законопроекту подозреваемые в незаконном обогащении собственники были обязаны в течение двух месяцев доказать, что их капиталы имеют законное происхождение. При этом срок давности закона определялся в 20 лет. Всякое увеличение имущественного состояния, не объясняемое поступлением нормальных доходов, рассматривалось как результат спекуляции и других незаконных действий. Основным, хотя и не единственным, ис-

точником информации судебных органов о необходимости проверки тех или иных собственников становились комитеты ОФ.

Законопроект вызвал бурную реакцию в болгарском обществе. Всколыхнулась вся страна. Секретарь Г. Димитрова Н. Ганчовский записал в своем дневнике: «Обсуждения проходят чуть не по всей стране — в Национальном комитете ОФ, в самом Народном собрании; в Совет министров непрерывным потоком идут резолюции, предложения, рекомендации, указываются конкретные имена торгашей и спекулянтов, наживших деньги и имущество без меры в военные годы темными путями. Специальные комиссии НК ОФ собирают, рассматривают и анализируют эти рекомендации. По городам и селам проходят митинги и собрания с настойчивыми требованиями голосовать за законопроекты. Излишне говорить, что газеты „Отечествен фронт“, „Земедельско знаме“, „Народ“ и другие, не говоря о „Работническо дело“, превратились в оживленную трибуну этого всенародного плебисцита»¹⁵¹. Один из таких митингов состоялся в Софии 31 января 1946 г. перед зданием Народного собрания. Его участники потребовали немедленного принятия и проведения в жизнь закона о конфискации. «Все, что награблено у народа, надлежит вернуть народу, его народному государству с целью использовать эти средства для скорейшего восстановления народного хозяйства, повышения культурного и материального благосостояния народа», — говорилось в резолюции митинга. Она была вручена Народному собранию специально избранной на митинге делегацией, передавшей народным представителям еще 70 резолюций, принятых на аналогичных митингах и собраниях жителей Софии¹⁵².

Среди политических группировок и партий, не входивших в ОФ, наиболее непримиримую позицию заняла буржуазная Демократическая партия. Кампания против принятия законопроекта открылась на страницах печатного органа этой партии статьей ее лидера А. Гиргинова под заголовком «К пролетаризации страны»¹⁵³. Автор предсказывал, что принятие закона явится «самым страшным и опасным внутренним ударом по будущему страны». Категорически отвергая «чудовищный» законопроект о конфискации, «демократы» доказывали, что государство не сможет надлежащим образом распорядиться конфискованным имуществом, которое, следовательно, будет распылено и нужд народа не удовлетворит¹⁵⁴.

Кроме «демократов», ни одна партия из числа остро критиковавших законопроект, не решилась на его отрицание. Это было связано прежде всего с настроениями широких трудящихся масс и нежеланием разоблачить себя в их глазах. Поэтому противники законопроекта из других партий стали на путь критики основных статей проекта и коррекции их демократического содержания.

БЗНС-НП потребовал введения более «четких» и «конкретных» определений понятий «спекуляция» и «незаконным путем». Оппозиционная пресса не без основания подчеркивала, что вольное толкование термина «незаконным путем» недопустимо, что оно откроет двери беззаконно и пристрастному подходу. Особую активность оппозиция проявляла в деревне, добиваясь поддержки крестьян. После смерти хозяина, утверждал официоз БЗНС-НП, его имуществу грозит конфискация, поскольку «жена и дети обычно не знают дел главы семьи и не смогут доказать и объяснить происхождение этого имущества»¹⁵⁵. С аналогичными доводами выступала оппозиционная БРСДП(о), демагогически заявляя, что внешние признаки еще не показатель материального состояния кого-либо¹⁵⁶.

Острая борьба вокруг законопроекта развернулась внутри ОФ и даже в Регентском совете¹⁵⁷. Партийные фракции Народного собрания, хотя и поддерживали идею конфискации, продемонстрировали различия в ее толковании, а также и в определении своевременности выдвижения такой задачи. Основным камнем преткновения при обсуждении законопроекта явилось, как и ожидалось¹⁵⁸, «Звено». На страницах «Изгрева», ставшего трибуной правых сил этой партии, критика законопроекта шла по нескольким направлениям. «Изгрев», в частности, проводил мысль о несоответствии законопроекта программе ОФ. В программе, писала газета, речь шла об изъятии собственности у незаконно разбогатевших, т. е. у нарушителей каких-либо законов, а в законопроекте предусматривалась конфискация всей собственности, которую можно оценить как увеличенную быстро, хотя это не противоречит никакому закону¹⁵⁹. «Изгрев» предсказывал серьезные отрицательные последствия принятия закона в плане политической переориентации болгарских трудящихся, недовольных ущемлением их правовых чувств, поскольку, напоминала газета, «сущность и творчество частнокапиталистического строя заключаются в возможности всякого бедняка достичь на протяжении жизни экономического благополучия без нарушения закона». «Изгрев» заявил

также и об антиконституционном характере законопроекта, так как статья 75 Конституции запрещала конфискацию имущества¹⁶⁰. Не обошли «звенари» и проблему отношения к будущей конфискации буржуазных кругов и состояния в связи с этим производства. «Может быть, тезис, что государство является плохим хозяином, не отвечает истине, но оно может таковым стать, если будет конфисковано значительное число более крупных хозяйственных предприятий и если они попадут в руки неподготовленных служащих... Закон создаст в жизни отдельных предприятий известную неуверенность, что отрицательно отразится на ряде отраслей хозяйства»¹⁶¹. Эта же мысль прозвучала и в Народном собрании в выступлении И. Харизанова, высказавшего опасение «смущения экономической инициативы» в результате принятия обсуждаемого законопроекта¹⁶². О том, что в этих рассуждениях «звенарей» проявилась забота прежде всего о промышленной буржуазии, свидетельствует позиция руководства Всеобщего союза болгарской промышленности (ОСБИ), прямо поставившего вопрос о том, что закон о конфискации не должен коснуться промышленной отрасли экономики. Оно заявило, что «все промышленное производство в военное время постоянно находится под контролем государства и, следовательно, предприятия имеют лишь такие доходы, которые не противоречат законам нашей страны»¹⁶³. Выражая опасения, что, не имея возможности «защитить себя», промышленники потеряют чувство уверенности, руководство ОСБИ обратилось к К. Георгиеву с просьбой установить меры наказания за ложные доносы на промышленников¹⁶⁴. Крайне важно и другое требование ОСБИ: добиться устранения комитетов ОФ от реализации закона, создав Центральную следственную комиссию при Министерстве юстиции¹⁶⁵. За это высказались и народные представители — члены «Звена»¹⁶⁶. Выступление И. Харизанова в Народном собрании содержало предложение о сокращении срока давности закона. Парламентская фракция «Звена» высказалась за установление срока в 11 лет вместо 20 по первоначальному проекту. Таким образом, заподозренные в незаконном обогащении собственники должны были объяснить происхождение своего имущества, нажитого с 1 января 1935 г. Это предложение поддержал Всеобщий союз болгарской торговли (ОСБТ). Главный секретарь ОСБТ Б. Георгиев заявил о необходимости при определении срока давности закона учитывать объективные моменты, в частности то,

что архивы и бухгалтерские книги собственник сохраняет не более 10 лет¹⁶⁷. В отдельных кругах «Звена» высказывались еще более мягкие предложения. Так, «звенари» Трявненской околии предлагали установить срок давности с 1939 г.¹⁶⁸. Основными аргументами здесь служили выводы о том, что в более ранние годы военная конъюнктура еще не сложилась и, следовательно, не было возможности получить чрезмерную прибыль¹⁶⁹.

За сокращение срока давности высказались во время обсуждения и члены парламентской фракции Радикальной партии¹⁷⁰.

Выступления «Звена» вызвали резкий отпор со стороны «земледельцев» и социал-демократов. Позиция «Изгрева» в БЗНС характеризовалась как «опасная и чисто реакционная». Выступая в Народном собрании от имени БЗНС, С. Пушкаргов говорил: «Изгрев» называет законопроект о конфискации несвоевременным. Я согласен: он слишком сильно запоздал»¹⁷¹.

Таким образом, «земледельцы» осуществили возврат на прежние свои программные позиции, от которых отступили ранее, формулируя в октябре 1945 г. положения своей Декларации по экономическим вопросам. Связано это было прежде всего с необычайной популярностью требования конфискации в широких кругах крестьянства¹⁷², что свидетельствовало о том, что курс БРП(к) получил у них поддержку.

Принципиально важным представляется нам тот факт, что «земледельцы» проведение конфискации увязывали с возможностью эффективно осуществить в стране аграрную реформу. „Земледельцы“ говорят, — указывал на обсуждении законопроекта о конфискации С. Пушкаргов, — сколько бы ни платили нам за зерно, пользы не будет, ибо все, что вы дадите, вновь украдут у нас те же, кто и ранее крал; сколько бы земли нам ни дали, не имеет значения, ибо уже через 10 лет она вновь перейдет в чужие руки, причем не к чифликчиям*, а к торговцам и промышленникам, которые массовым порядком скупили земли, чтобы „инвестировать“ свои капиталы и сохранить их и при возможном обесценивании болгарского лева». Отсюда четкая зависимость, устанавливаемая «земледельцами» между законами о конфискации и о ТПС,

* Чифликчия — в годы османского владычества собственник крупного поместья, феодал. В переносном смысле — сельский буржуа, крупный земельный собственник.

отмечавшими, что их связывает «логика, отношение к крестьянину, которому должна быть оказана действенная помощь». Законопроект о ТПС, ограничивающий собственность в селе, писала «Земедельско знаме», «неминуемо ведет к принятию еще одного закона, ограничивающего собственность в городах»¹⁷³, т. е. закона о конфискации. Что касается вопроса о сроке давности, то в целом БЗНС придерживался точки зрения, отраженной в законопроекте, хотя в отдельных организациях были предложены свои варианты¹⁷⁴. Тем не менее в парламенте фракция БЗНС поддержала срок в 20 лет¹⁷⁵.

Полную поддержку законопроект о конфискации нашел у фракции БРСДП. Ее представитель И. Бодуров отметил глубинную связь идеи конфискации с принципами социальной справедливости и предложил провести обсуждение проекта по ускоренной процедуре¹⁷⁶.

Депутаты Народного собрания проявили единодушие при обсуждении вопроса о судьбе конфискованного имущества: оно должно было быть использовано в экономическом строительстве¹⁷⁷.

Ход дискуссии при обсуждении законопроекта о конфискации показал, что его критика как в парламенте, так и за его пределами идет в одном русле — защиты частной собственности, что сближало точки зрения всех противников законопроекта или его отдельных пунктов и являлось попыткой использовать настроения мелкобуржуазных масс для срыва планов конфискации. Отсюда полное совпадение, иногда даже текстуальное, требований скорректировать отдельные статьи проекта у «Звена» и представителей оппозиции¹⁷⁸.

В этих условиях от коммунистов потребовалось немало усилий для правильной ориентации трудящихся и нейтрализации оппозиционной пропаганды. С трибуны Народного собрания они не раз подчеркивали, что добросовестно работавшие промышленники и торговцы не должны испытывать тревогу за свои капиталы. Министр юстиции М. Нейчев конкретно указал на те социальные группы общества, которые попадали под действие закона. Лейтмотивом его выступления стала мысль о том, что служащие, крестьяне, ремесленники, торговцы и промышленники, увеличившие свое имущество трудом, бережливостью и добросовестной деятельностью «в рамках закона», не должны его опасаться¹⁷⁹.

В ходе обсуждения в законопроект были внесены некоторые изменения. Однако безусловная поддержка

массами идеи конфискации сделала эти изменения минимальными. По оценке министра юстиции М. Нейчева, наиболее существенная из них касалась сокращения срока давности действия закона с 20 до 11 лет, т. е. обследованию подвергалось имущество, приобретенное с 1 января 1935 г. Отступление от первоначального варианта законопроекта в этом вопросе отвечало предложению «Звена»¹⁸⁰.

8 марта 1946 г. после вторичного чтения в Народном собрании закон о конфискации был утвержден. Этот акт парламента с огромным удовлетворением был встречен трудящимися массами. «Как торжествовал народ, встречая этот закон!» — вспоминала на одном из заседаний НК ОФ Ц. Драгойчева¹⁸¹. Несомненен и еще один важный политический итог принятия закона о конфискации — определенное ослабление позиций «Звена». По констатации В. Юрукова, закон и его проведение в жизнь оттолкнули от этой партии многих сторонников¹⁸². Проведением закона в жизнь занималась специальная комиссия при Совете министров, во главе которой стоял коммунист Тр. Костов. Первые дела по конфискации были заведены в том же 1946 г. Наступил новый этап в борьбе вокруг реализации идеи конфискации. Упорная борьба шла как «наверху» (неоднократно пытался замедлить промульгацию закона регент В. Ганев), так и «внизу», выразившись, в частности, в неоправданно медленных темпах проведения закона в жизнь и в разногласиях между партнерами по ОФ на местах¹⁸³.

В этой обстановке руководство компартии пришло к выводу о необходимости передать в новом сформировавшемся правительстве портфель министра юстиции БЗНС, справедливо полагая, что если это министерство возглавит «звенарь», то возникнут дополнительные сложности при проведении в жизнь закона о конфискации¹⁸⁴. Сами коммунисты сочли невозможным далее возглавлять Министерство юстиции, поскольку в их руках находилось МВД и это сочетание вызывало критику оппозиции и отдельных кругов ОФ.

Приняв Министерство юстиции, новый министр Л. Коларов в одном из первых интервью специально остановился на проведении в жизнь закона о конфискации, подчеркнув, что главным явится «строгая объективность». «Все болгарские граждане, которые нажили свои состояния честным трудом, должны быть полностью спокойны. Закон не преследует и не мешает творческой инициативе

болгарских граждан, не ставит цели снизить жизненный уровень, а, напротив, поддерживает любую инициативу. Основная цель его — исправить допущенные в прошлом несправедливости, разыскать и наказать всех, кто грабил болгарский народ»¹⁸⁵.

В ходе реализации закона судебные власти в целом рассмотрели более 5000 дел, из которых лишь 693 касались промышленников¹⁸⁶. Иными словами, основная тяжесть закона легла на торговцев и ту часть зажиточного крестьянства, которая в довольно широких масштабах занималась торговыми операциями. Используя данные о количестве конфискационных дел, касавшихся промышленников, на 1 марта 1947 г., М. Исусов установил, что здесь первенство держали текстильная и пищевая отрасли (соответственно 134 и 126 конфискационных дел)¹⁸⁷, имевшие выход непосредственно на сельскохозяйственное производство. Большинство предприятий этих отраслей относились к категории «наиболее крупных». А об их удельном весе в общем объеме промышленного производства представление дают следующие данные: в 1937 г. 170 предприятий текстильной промышленности давали около четверти стоимости всей промышленной продукции в стране¹⁸⁸. Таким образом, принятие и проведение в жизнь закона о конфискации наносило сильнейший удар по торгово-спекулятивному капиталу и тому отряду национальной буржуазии, который был связан с переработкой сельскохозяйственного сырья («паразитической промышленностью»). Вследствие особенностей структуры болгарской экономики, заключавшихся в сосредоточении основных групп национальной буржуазии в сфере торговли, скупки и переработки сельскохозяйственной продукции, очевидно, что закон о конфискации серьезно ослабил позиции класса буржуазии в целом, причем в ходе осуществления традиционного и исключительно популярного среди мелкобуржуазных масс требования. Это обстоятельство имело самые серьезные позитивные последствия с точки зрения укрепления союза с крестьянскими массами.

5 февраля 1946 г. в Народное собрание был внесен проект закона об аграрной реформе. Проект, подготовленный министром земледелия и государственного имущества М. Геновским (БЗНС), основывался на положениях, взятых из программы крестьянской партии. В центре законопроекта находилась главная и основная проблема болгарской деревни — ослабление земельного го-

лода и оказание помощи создаваемым кооперативам. Следует учесть, что в условиях острого малоземелья Болгарии проблему земельного голода разрешить путем перераспределения земельной собственности не представлялось возможным. Существовавшие источники «лишней» земли (общественный земельный фонд и крупные капиталистические хозяйства) были недостаточны. В ходе обсуждения законопроекта в парламенте указывалось, что для наделения землей всех нуждающихся требовалось 12 млн декаров, тогда как реально можно было рассчитывать на получение 4,5 млн декаров (450 тыс. га). Это обеспечивало землей лишь около 30% подлежащих наделению. Очевидно, что в такой ситуации усиливалось значение кооперирования. В силу этого в пункте 36 законопроекта предусматривалось преимущественное наделение земель в малоземельных районах тех хозяев, которые желали вступить в кооператив. Таким образом пункт отразил реалистический подход к решению сельскохозяйственной проблемы путем комплексных преобразований в деревне. В этом авторы законопроекта, несомненно, находили поддержку со стороны коммунистов. Политбюро ЦК БРП(к) еще в ноябре 1944 г. подчеркивало триединый характер аграрных преобразований: наделение крестьянских хозяйств землей должно было сочетаться с созданием производственных кооперативов и механизацией сельского хозяйства. Закон об аграрной реформе, — говорилось в одном из выступлений в Народном собрании, — «без координации с законом о кооперативной обработке земли не будет полезным, не будет иметь никакого значения. Раздать по 5—10—20 декаров земли Ивану и Драгану — значит не сделать ничего. Но если эта реформа будет соединена с кооперативной обработкой земли, если мы дадим... хозяевам тракторы и машины, жатку и сеялку... мы придем к совершенно другому результату».

Однако исключительное значение кооперирования в условиях страны не умаляло ни в коем случае роли собственно аграрной реформы: ее необычайная популярность, собственнические тенденции крестьянства давали основание рассчитывать на достижение в результате перераспределения земельных фондов определенного политического эффекта на таком важном участке экономического фронта, как деревня. Характерно, что, учитывая эти факторы и опираясь на традиции болгарской деревни, именно коммунисты предложили назвать законопроект

«О трудовой поземельной собственности»¹⁸⁹. Проект вызвал серьезные дебаты в парламенте, раскрывшие существенные различия партнеров во взглядах на сущность и методы проведения аграрной реформы.

Позиция БРП(к) соответствовала неоднократно высказывавшейся идее увязывания аграрной реформы с кооперированием деревни. Она нашла поддержку у представителей БРСДП. Важное значение имело прозвучавшее в Народном собрании обоснование ими реформы как акта, не имевшего ничего общего с национализацией земли, а преследовавшего цель лишь ограничить крупные земельные владения¹⁹⁰. Эту оценку поддержали представители БЗНС, отметившие, что закон о ТПС станет регулятором поземельной собственности, что частная собственность на землю является для крестьянина идеалом. Как подчеркнул Й. Пекарев, крестьянину своя земля дороже, чем собственная семья¹⁹¹. Эти обстоятельства заставляли считаться с собой.

Важный вопрос о негативном влиянии процесса раздробления земельных площадей на создание кооперативных хозяйств подняли во время обсуждения законопроекта социал-демократы. Их опасения разделили «звенари», подметившие определенный диссонанс, существовавший между законом о ТКЗХ и проектом закона о ТПС: первый закон был направлен на укрупнение земельных наделов, тогда как реализация второго, наоборот, означала их дробление. В связи с этим возникал вопрос о том, что предпочтительнее в конкретной обстановке. Представитель «Звена» И. Харизанов четко определил последовательность действий: сначала укрепить индивидуальные хозяйства и затем лишь перейти к организации ТКЗХ. Характерно, что в качестве аргумента он приводил пример СССР, где массовая коллективизация началась лишь в 20-е годы, и Венгерской советской республики, опыт изъятия помещичьих земель в которой был позднее признан венгерскими коммунистами ошибочным. «Звено» поставило вопрос об увеличении размера компенсации за землю, а также и о предоставлении больших наделов тем, кто обрабатывает землю самостоятельно, но для кого она не является единственным средством существования: служащим, учителям, ремесленникам.

Закон о ТПС был принят Народным собранием после второго чтения в марте 1946 г. После принятия закона сторонники оппозиции в Министерстве земледелия стали всячески тормозить проведение его в жизнь. Воспользо-

завшись этим, кулацкие элементы начали продавать землю, стремясь таким образом обойти закон об аграрной реформе. В ряде случаев продажа была фиктивной. Поэтому закон о ТПС, предвидя это, предусматривал право Министерства земледелия аннулировать фиктивную продажу. Лишь на одном из заседаний Совет дирекции земли не утвердил продажу более 600 га земли именно по этой причине¹⁹². Оппозиция распускала ложные слухи об изменении закона и, следовательно, о приостановке его действия. Министерство земледелия специальным заявлением разоблало этот маневр¹⁹³.

Активная реализация закона началась летом 1946 г. Основной этап работы — сосредоточение значительных площадей земли в государственный поземельный фонд — оказался и наиболее трудным. Особенные трудности вызывало изъятие земли частных сельских хозяев. Кстати, по закону оно могло длиться от 6 месяцев до 2 лет. Сопротивление изъятию земель оказывали даже сторонники ОФ¹⁹⁴. До конца 1946 г. в государственный поземельный фонд было собрано 1200 тыс. декаров, главным образом общественных земель. Парцеллировано было еще около 262 тыс. декаров (26 тыс. 200 га). На базе этого 37 технических бригад осуществили раздачу земель в 34 околиях и 219 селах. Размер наделов был невелик — в среднем чуть более 10 декаров. В силу этого социальный облик болгарской деревни почти не изменился. Система выплаты собственникам компенсации за отчужденные земли действовала по принципу обратной зависимости: чем больше земель изымалось, тем меньше был размер компенсации. В связи с этим нам кажется интересным вывод М. Исусова о том, что осуществление закона о ТПС носило характер конфискации¹⁹⁵. Несмотря на слабый собственно экономический эффект аграрной реформы, последняя оправдала себя: трудовое крестьянство с удовлетворением встретило ее¹⁹⁶, что подтвердило прежде всего политическое значение этого акта народной власти.

Весьма важный канал деятельности торгово-спекулятивного капитала был связан со сферой обмена между городом и деревней. В 1945 г., по данным Верховной хозяйственной палаты, в Болгарии действовали более 91 тыс. торговцев, как единоличников, так и объединенных в капиталистические торговые общества¹⁹⁷.

Наступление на торговый капитал развертывалось по нескольким направлениям. С одной стороны, через нормативные акты народно-демократического государства,

преследовавшие цель обуздания паразитического посредничества в торговле и спекулятивных устремлений ее участников. Так, в апреле 1945 г. министр торговли и промышленности специальным распоряжением запретил многократную передачу одних и тех же товаров из рук в руки. Эта идея была закреплена и в законе о снабжении и ценах (сентябрь 1945 г.), в котором подчеркивалось: «товар в обращении может переходить, самое большее, от импортера или производителя к торговцу оптом, от торговца оптом — к торговцу в розницу и от него — к потребителю». Лишь в особых случаях по разрешению министра торговли и промышленности могли быть образованы новые звенья сбыта¹⁹⁸. Таким образом, реализовывался пункт из программы от 17 сентября 1944 г. о «ликвидации экономически и социально вредного посредничества». С другой стороны, наступление велось через широкий и последовательный переход торговли на государственно-кооперативные рельсы. В сфере внутренней торговли, которая была связана с закупкой сельскохозяйственной продукции в целях ее дальнейшей переработки или непосредственного снабжения населения, активную деятельность развернули государственные организации — Болгарский земледельческий кооперативный банк (БЗКБ) и Дирекция «Храноизнос». Главные торговые операции БЗКБ были связаны с табаком, в то время как Дирекция «Храноизнос» располагала монопольным правом закупок более 50 наименований сельскохозяйственной продукции, в том числе пшеницы, ржи, сои, кукурузы, фасоли, проса, ячменя, риса, гороха, семян подсолнечника и пр. В деятельности этих двух организаций значительную роль играла кооперация, постоянно теснившая частный капитал. Следовательно, народной власти удалось сделать шаги в направлении реализации пункта правительственной программы в введении государственной монополии на экспортируемый табак, зернопродукты и другую продукцию сельского хозяйства.

Такая целенаправленная политика народной власти реализовывалась не без борьбы мнений и позиций как между партиями ОФ, так и внутри них.

Руководство БЗНС в этот период сочло необходимым особо подчеркнуть преобразующий характер кооперации, устраняющей несправедливость капиталистического строя, исключительную роль кооперативной формы производства и обмена для Болгарии¹⁹⁹, заявило о назревшей потребности создания монополии торговли наиболее

важными сельскохозяйственными продуктами. При этом предложен был компромиссный вариант формы такой монополии: «Производителям нужны свои производительные монополии, руководимые государством, но осуществляемые самими кооперативными организациями и функционирующие за счет своих производителей»²⁰⁰. Иными словами, на данном этапе «земледельцы» не стали отстаивать свои позиции, отраженные в Декларации БЗНС от 10 октября 1945 г., где был зафиксирован отказ от требования кооперативной монополии внутренней торговли, и поддерживали практические шаги правительства.

Особого разговора заслуживает позиция «Звена», поскольку в ней проявились очень существенные нюансы, свидетельствовавшие о планах «звенарей» спасти торговый капитал с помощью... кооперации. В статье М. Файонова «Что требуется от болгарского торговца» получила четкое оформление мысль о налаживании сотрудничества между профессиональными торговцами и государством через кооперацию. «Торговцы, — писал автор, — должны участвовать как профессионалы в деятельности кооперации, которая осуществляет частно-правовую торговую деятельность, но поддерживается и направляется государством во имя осуществления его социальных целей в области пропитания, снабжения, а также улучшения быта населения»²⁰¹. На одном из заседаний ЦК партии «Звено» В. Юруков обвинил власти в «непонимании сути кооперации», которую он отнес целиком и полностью к частному сектору²⁰². Таким образом, определенная часть «звенарей» выступила в защиту торговли как «непаразитической профессии», с планом привлечения к этой защите кооперации, т. е. именно той организации, которая была призвана постепенно вытеснить частного торговца из сферы обмена. Непопулярность этих планов свидетельствовала о том, что массы в целом правильно понимали роль кооперации в ограничении позиций торгового капитала.

В сфере внутренней торговли, связанной со снабжением населения промышленными товарами, частный капитал имел довольно сильные позиции. В стране функционировали десятки тысяч частных магазинов, лавочек и прочих заведений, где продавались импортные или отечественные промышленные товары. Значительная часть их принадлежала мелкой и средней буржуазии, меньшая — крупной²⁰³. И здесь наступление на частный капитал развертывалось главным образом через коопе-

ративную торговую сеть. Действовавший в стране режим распределения промышленных товаров и сырья, согласно которому кооперация имела преимущество перед частным торговцем, облегчил развитие процесса ограничения частного капитала ²⁰⁴. В 1946 г. произошло определенное укрепление позиций государственного сектора во внутренней торговле: были созданы государственные предприятия «Топливо», получившее монопольное право розничной торговли каменным и древесным углем, дровами и прочими отопительными материалами, и «Народен магазин», занимавшийся оптовой и розничной торговлей (экспортной и импортной) всеми видами промышленных, ремесленных, сельскохозяйственных, лесных и колониальных товаров широкого потребления ²⁰⁵.

В области внешней торговли в 1946 г. в стране функционировали более 3 тыс. частных торговых предприятий и организаций. Однако, учитывая прежде всего структуру внешнеторгового оборота Болгарии, ясно, что не частный капитал занимал здесь главное место. В экспорте страны основной статьей являлся табак, причем доля его в 1945—1947 гг. последовательно возрастала: соответственно 63, 64 и 76 % ²⁰⁶. Торговыми операциями, связанными с табаком, ведал БЗКБ. Ему же принадлежало и монопольное право экспорта розового масла, на долю которого приходилось 3,2 % всего экспорта. Экспортировало сельскохозяйственную продукцию и другое государственное предприятие — Дирекция «Храноизнос». Постепенно укрепил свои позиции в экспортной торговле и кооперативный сектор: в 1946 г. почти 10 % всего экспорта пришлось на его долю. Более значительными были позиции частного капитала в импортной торговле, хотя и здесь его деятельность ограничивалась участием БЗКБ и Дирекции «Храноизнос». Смешанные государственно-частные торговые центры, игравшие заметную роль в импорте, такие, как, например, «Болгарская промышленность» (импорт материалов и запчастей для нужд промышленности), были поставлены под особый государственный контроль и кредитовались государственным банком «Болгарский кредит» ²⁰⁷.

Очевидно, что тенденция развития торговли неизбежно вела к созданию такой организации, которая раз и навсегда устранила бы «монополистические поползновения» крупного торгового капитала ²⁰⁸. Но пока такая организация отсутствовала, одним из главных элементов вытеснения и ограничения этого капитала оставалась

кооперация. «В целом кооперация оказалась более удобной и пригодной, чем частные торговцы, — как правило, неисправимые спекулянты, алчные до наживы...» — признал в одном из своих выступлений министр торговли социал-демократ Д. Нейков ²⁰⁹.

Такая тенденция особенно беспокоила правые круги «Звена», отражавшие прежде всего интересы крупной буржуазии. Именно поэтому сама идея установления монополии в сфере торговли как со стороны государства, так и кооперации вызвала неодобрение, несмотря на наличие определенных пунктов такого характера в программе от 17 сентября. «Звенари» выступили против широкого распространения «монополомании», конкретно поставили вопрос о необходимости изменить соответствующий пункт правительственной программы, где фиксировалось требование введения государственной монополии на табак ²¹⁰. Иначе говоря, подтвердилась и получила логическое завершение точка зрения «Звена» о нецелесообразности табачной монополии, выраженная осенью 1945 г. в ответ на появление Декларации ЦК БРП(к).

В результате реализации курса наступления на торговый капитал из его рук к концу 1946 г. было изъято более 44 % объема розничной и 60 % объема оптовой торговли. В 2 раза сократилась доля частной торговли в образовании национального дохода ²¹¹.

Ограничение частной капиталистической собственности осуществлялось также и по линии налоговой политики. В рассматриваемое время налоги являлись наиболее доступным рычагом изыскания средств для восстановления народного хозяйства. Общий курс народно-демократической власти в сфере налоговой политики был нацелен по словам Г. Димитрова, на «обеспечение самого справедливого распределения налогового бремени». Это означало, что главная его тяжесть, как и предлагалось в программе от 17 сентября 1944 г., должна была приходиться на зажиточные слои ²¹². И в соответствии с этим курсом, продолжившим общую политическую линию, проводимую компартией, в Народном собрании на протяжении 1946 г. были приняты некоторые законы, по которым через налоговую политику изымалась значительная часть из прибылей капиталистов. В мае 1946 г. на основе утвержденных парламентом дополнений и изменений закона о налоге с оборота подверглись дополнительному обложению 18 тыс. налогоплательщиков, чей

годовой доход превышал 180 тыс. левов. При этом процент дополнительного налогообложения резко возрастал по мере увеличения доходов: так если для доходов в 180—200 тыс. левов он равнялся 6 %, то для доходов 800 тыс. — 1 млн левов составлял 35 % и т. д. Изменения, внесенные в принятый, согласно программе от 17 сентября, закон о налоге на доходы военного времени, определили снижение размера необлагаемого минимума до 200 тыс. левов ²¹³, что также позволило изъять дополнительные суммы у владельцев крупных капиталов.

Функционирование налоговой системы подверглось принципиальной перестройке и с точки зрения постепенного изменения соотношения прямых и косвенных налогов. «ОФ не отказался от косвенных налогов, еще лет для этого возможности, — говорил в Народном собрании В. Коларов. — Но мы должны добиться того, чтобы косвенные налоги не отягощали предметы первой необходимости — соль, сахар, керосин, спички, подсолнечное масло, пряжу и пр. Мы должны ощутимо снизить акциз на эти предметы, сохранив более высокое обложение предметов роскоши. Вместе с тем ОФ должен взять курс на увеличение прямого налогообложения»²¹⁴. В 1946 г. эта линия реализовывалась с максимальной последовательностью: если в бюджете 1944 г. соотношение прямых и косвенных налогов равнялось 1 : 4, то в бюджете 1946 г. оно составило уже 1 : 2 ²¹⁵. Были увеличены косвенные налоги на предметы роскоши ²¹⁶. Такой подход находил в целом положительный отклик среди партнеров коммунистов по ОФ, считавших, что центром внимания должно стать прямое налогообложение, так как косвенные налоги антисоциальны, что налоговая система должна быть так реформирована, чтобы налоги стали справедливыми ²¹⁷. В требование серьезных перемен в налоговой системе входило и введение прогрессивно-подоходного налогообложения. Соответствующий пункт об этом был включен в программу от 17 сентября. Но попытки перейти к его реализации в 1945 г. вызвали у коммунистов, неоднократно поднимавших этот вопрос в достаточно резкой форме ²¹⁸, серьезные трудности из-за активного сопротивления буржуазных элементов в правительстве ²¹⁹. Последним удалось утвердить в правительстве свою линию на то, чтобы «не играть» с прогрессивно-подоходным налогом, добиться предварительно относительной стабилизации хозяйственных отношений для правильной оценки минимума. Не случайно на одном из заседаний

Народного собрания в феврале 1946 г. представитель БЗНС Р. Найденов напомнил, что закон о прогрессивно-подоходном налоге и некоторые другие «были саботированы немалым числом министров, которые в итоге его провалили...»²²⁰. Наиболее сильно противостояли идее прогрессивно-подоходного обложения «звенари». Серьезное значение для ускорения принятия закона о прогрессивно-подоходном налоге, несомненно, имела передача в марте 1946 г. в связи с формированием нового правительства портфеля министра финансов коммунистам.

Прогрессивно-подоходный налог был узаконен Народным собранием в октябре 1946. после бурных дебатов. Закон получил название «О налоге на общий доход».

Статьи его предусматривали освобождение от данного налога рабочих и служащих с низкой заработной платой, а также земледельцев, чьи участки были менее 30 декаров (3 га). Последнее положение, в частности, принесло освобождение от данного налога 30—40 % крестьянских хозяйств²²¹. Характерно, что ТКЗХ освобождались от уплаты налога на 3 года, а затем его размер сокращался на 25 %. Не подлежали обложению средства, ассигнованные на оплату труда на предприятиях. Зато доходы, поступающие от промышленности, торговли, арендных операций и в качестве ренты с имевшихся капиталов, облагались налогами размером от 15 до 68 %, а доходы акционерного капитала — от 18 до 74 %²²². Лица свободных профессий платили в среднем на 4 % больше других граждан.

Принятие закона о прогрессивном налогообложении давало народно-демократическому государству, по словам «земледельцев», тот рычаг, с помощью которого можно было палить на «экономически крепкие плечи», т. е. осуществить принцип «заставить платить богачей». Крестьянство, как и другие трудовые слои болгарского общества, с удовлетворением восприняло утверждение закона о прогрессивном налоге. Особенно это касалось тех категорий крестьян, которые освобождались от уплаты налога. Однако имели место и неверные оценки как самого налога, так и функционирования налоговой системы в целом. В частности, распространились слухи, что середняк будет платить вдвойне²²³, что прогрессивно-подоходный налог будет единственным, а все прочие упраздняются. Когда же этот слух не подтвердился, в ряде мест возникло серьезное недовольство, в том числе и среди определенной части крестьян-коммунистов²²⁴.

Потребовалась целенаправленная разъяснительная работа, прежде всего со стороны членов БРП(к), с тем чтобы пресечь распространение подобных слухов, не дать оппозиции возможности использовать их для раздувания недовольства. Министерство финансов, со своей стороны, выпустило специальную брошюру с вопросами и ответами, растолковывавшую закон о прогрессивном обложении²²⁵.

В целом перестройка налоговой системы, предпринятая на протяжении 1946 г., отвечала статьям и духу правительственной программы от 17 сентября 1944 г. Защищая интересы прежде всего трудовых слоев общества, она неизбежно вела к экономическому разоружению торгово-спекулятивной буржуазии и класса капиталистов в целом, к укреплению союза коммунистов с крестьянством и мелкой буржуазией.

Конечно, линия на устранение торгово-спекулятивного капитала, которая последовательно проводилась после выборов в Народное собрание 26-го созыва, не исчерпывала всей многообразной и напряженной законодательной деятельности парламента. В самом деле, 1946 год явился «наиболее решительной фазой осуществления всех основных мероприятий программы от 17 сентября 1944 г.»²²⁶.

Однако в условиях Болгарии, как отмечалось ранее, именно последовательное проведение в жизнь мер против торгово-спекулятивного капитала имело исключительно важное значение, отвечало интересам огромного большинства населения из числа рабочего класса, крестьянства, мелкобуржуазных слоев города. Это позволило компартии положительно решить проблему союза с крестьянством и мелкобуржуазными слоями. Оно дало возможность осуществить дифференцированный подход к классу буржуазии, вычленив из него те группы, которые стремились использовать благоприятную для себя конъюнктуру и шли на сотрудничество с народной властью. Помимо исключительно важного экономического результата такой политики, устранялась возможность фронтального наступления буржуазии на позиции народной власти. Вместе с тем очевидно, что захват позиций торгово-спекулятивного капитала наносил мощный удар по всему национальному капиталу страны.

Наступление революционных сил на экономическом фронте сопровождалось активными, по внимательными их действиями в политической сфере. В общем виде сто-

явшие в этом плане перед страной задачи сформулировал, выступая 5 апреля 1946 г. перед парламентской фракцией БРП(к), Г. Димитров. «Наш народ не может дольше терпеть, чтобы кто бы то ни было мешал укреплению демократических порядков в стране, восстановлению народного хозяйства, удовлетворению насущных потребностей населения, благоприятному урегулированию международного положения Болгарии и заключению справедливого и достойного мира», — подчеркнул руководитель болгарских коммунистов²²⁷. При этом он имел в виду как оппозиционные группировки, так и «нездоровые элементы» ОФ, стоявшие одной ногой во Фронте, а другой вне его. Прямым следствием этого заявления явилось принятие 25 апреля 1946 г. Политбюро ЦК БРП(к) решения об усилении кампании по разоблачению оппозиции, усилении бдительности государственных органов и общественных организаций. В середине апреля министр юстиции Л. Коларов внес в Народное собрание два законопроекта — о дополнении закона о печати и об изменении и дополнении декрета-закона о защите народной власти. Эти узаконения давали возможность пресекать контрреволюционные выступления в печати, распространение слухов, сеявших смятение и дезорганизовывавших экономическую и политическую жизнь. Законы были приняты оперативно, без каких-либо обсуждений.

К середине 1946 г. в международном положении Болгарии намечались некоторые позитивные изменения, явившиеся прямым следствием твердой линии Советского Союза на поддержку революционных завоеваний болгарского народа. Мирный договор с Болгарией еще не был подписан, однако Парижская сессия СМВД, проходившая весной — летом 1946 г., приняла согласованные решения по территориальным, политическим и военным разделам будущих договоров с Италией, Румынией, Венгрией, Болгарией и Финляндией. Эти обстоятельства, несомненно, стимулировали наступление революционных сил Болгарии на позиции внутренней реакции.

2 июля 1946 г. военным министром Д. Велчевым в Народное собрание был внесен законопроект о руководстве армией и контроле над ней. Основные пункты проекта — передача верховного руководства армией правительству, законодательное урегулирование прав и обязанностей офицеров-политработников, удаление из армии лиц, допустивших фашистские, реставраторские или антидемократические действия, — свидетельствовали о

твердом намерении компартии (Г. Димитров лично работал над текстом закона) всемерно способствовать превращению армии в защитницу революционных завоеваний народа²²⁸. Закон был принят Народным собранием без обсуждения в тот же день. Кроме того, парламент сразу утвердил предложение Г. Димитрова о создании парламентской комиссии для его реализации²²⁹. Комиссия под руководством коммуниста Г. Дамянова сосредоточила свои усилия на проведении новой чистки состава офицерского корпуса: за короткий срок из него было удалено около 2 тыс. человек, или примерно треть его. В августе 1946 г. с поста военного министра был смещен Д. Велчев. Вскоре назначение на этот пост получил Г. Дамянов. В армии была создана новая партийно-политическая структура путем организации ячеек БРП(к) среди старшего и среднего командного состава войсковых частей. Позиции партии в армии серьезно укрепились. Осуществленные в 1946 г. мероприятия заложили хорошую основу для последующего форсированного процесса дальнейшей демократизации и обновления болгарской армии²³⁰.

Нарастание революционных преобразований, формирование и функционирование представительных органов новой государственной власти, резкое противостояние ряда политических партий заострили вопрос о «совместимости» монархического института в Болгарии с развитием революционного процесса, перевели этот вопрос непосредственно в повестку дня. Несомненно, положительным образом сказались позитивные изменения в международном положении Болгарии, о которых говорилось выше, и особенно позиция СССР.

В июне 1946 г. в Москве находилась неофициальная делегация БРП(к) в составе Г. Димитрова, В. Коларова, Тр. Костова. 6 июня на встрече со Сталиным и Молотовым были обсуждены, как отметил в своем дневнике секретарь Г. Димитрова, «животрепещущие вопросы политической жизни», касавшиеся как предстоящего подписания Мирного договора, так и дальнейшего развития революционного процесса в Болгарии. Был поставлен также вопрос о темпах революционных преобразований в стране²³¹.

16 июля 1946 г. Политбюро ЦК БРП(к) по предложению Г. Димитрова приняло решение о проведении референдума для определения формы государственной власти. А уже 22 июля совместное заседание НК ОФ и прави-

тельства рассмотрело законопроект о референдуме и выборах в Великое Народное собрание. Были намечены даты проведения референдума и выборов — соответственно 8 сентября и 27 октября 1946 г. 25 июля началось обсуждение законопроекта в Народном собрании. Он был единодушно поддержан представителями всех политических партий: за него поименно проголосовали все 244 присутствовавшие на заседании депутата. 26 июля законопроект был утвержден при втором чтении. Была разработана процедура проведения референдума.

Политическая кампания в пользу республики открылась 16 августа 1946 г. Широкая деятельность политических партий, острая политическая борьба, развернувшаяся вокруг вопроса о республике, принесла успех антимонархической акции: около 96 % действительных бюллетеней — за республику и лишь чуть более 4 % — за монархию. Вместе с тем референдум выявил наличие политической индифферентности и оппозиционных настроений среди немалой части населения: число воздержавшихся от голосования, проголосовавших недействительными бюллетенями или за монархию достигло примерно 15 %.

15 сентября 1946 г. Народное собрание официально провозгласило Болгарию народной республикой. Была решена политическая задача исключительной важности. Однако БРП(к) отчетливо понимала, что по пути создания действительно народного республиканского государства сделан лишь первый шаг. Эту мысль подчеркнул Г. Димитров, выступая перед иностранными профсоюзными делегациями и журналистами 10 сентября 1946 г. «Народная республика... потребует упорного труда для создания ее как подлинно народной республики. Мы стараемся быть реалистами. Мы не закрываем глаза и не хотим того, чтобы наш народ, в особенности наш героический рабочий класс, стал жертвой вредных иллюзий. Трудности есть. На нашем пути много препятствий. Он крутой и не такой ровный, как мостовая на площади 9 Сентября. Но мы глубоко верим в силы народа, у нас непоколебимая воля, у нас сердца борцов и революционный опыт — в этом гарантия того, что мы преодолеем все трудности»²³².

Референдум явился своеобразной увертюрой, «репетицией», по словам Г. Димитрова, предстоящих выборов в Великое Народное собрание²³³. Установление политической «формы» народно-демократической государствен-

ной организации требовало конституционного оформления «содержания» нового государственного организма. Положить начало решению этой задачи и предстояло будущему Великому Народному собранию.

С наступлением революционных сил на экономическом и политическом фронте связано качественное изменение осенью 1946 г. соотношения политических сил в Болгарии. Отчетливо выявили это состоявшиеся в октябре выборы в Великое Народное собрание и их политические итоги. Выборы показали, что в Болгарии осуществилась поляризация политических сил: БРП(к), набравшей 53,6 % голосов, поданных за ОФ, противостоял лагерь оппозиции — 28,35 % голосов. Другие партии ОФ потеряли значительное число сторонников, что выразилось в следующем распределении голосов: БЗНС — 13,23 %, БРСДП — 1,78, «Звено» — 1,65, Радикальная партия — 0,19 % ²³¹. Победа ОФ и коммунистов на выборах дала возможность впервые в истории народно-демократической Болгарии сформировать правительство, в котором половина портфелей (10 из 20) принадлежала БРП(к). Правительство возглавил Г. Димитров.

Обсуждение законопроектов продемонстрировало, что буржуазии в лице «Звена» не удалось добиться ни в одном случае коренных изменений содержания рассматриваемых документов или существенным образом повлиять на ход дискуссии в парламенте. Это свидетельствовало о том, что, оставаясь соправящей партией, «Звено» фактически начало выпадать из коалиции политических сил. Иначе говоря, союз компартии с крестьянством и мелкобуржуазными слоями города на основе предложенного реалистического курса преобразований и его реализации превратился в определяющий фактор политического развития страны.

Это положение было достигнуто в ходе реализации компромисса, составившего основу принятой в сентябре 1944 г. программы правительства ОФ, и открывало возможность приступить к преобразованиям, создававшим непосредственные условия для перехода к социализму. В развитии революционного процесса в Болгарии наступил переломный момент.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Существовавшее с конца 30-х годов главное противоречие болгарского общества — между большинством населения, с одной стороны, и авторитарной властью, опиравшейся на поддержку гитлеровской Германии, — с другой, было разрешено в ходе национально-освободительной борьбы болгарского народа, возглавлявшейся рабочим классом и его политическим авангардом. Важнейшим стимулом для развертывания патриотического движения Сопротивления в стране явились победы антигитлеровской коалиции, и прежде всего Советской Армии, на фронтах второй мировой войны. Народное вооруженное восстание 9 сентября 1944 г. привело к власти блок левых политических сил, олицетворением которого был Отечественный фронт. Участие в нем широких социальных слоев, в том числе и национальной буржуазии, свидетельствовало о том, что свержение реакционного режима в Болгарии являлось центральной политической задачей, осознававшейся как первостепенная подавляющим большинством болгарского общества. Это нашло отражение в разделах программы правительства ОФ от 17 сентября 1944 г. Отвечавшая классовому содержанию ОФ как боевого союза «рабочего класса, крестьянства, ремесленников, народной интеллигенции и демократической, прогрессивной части буржуазии»¹, программа отразила компромисс, на который согласились все участники ОФ и стержнем которого явилось осознание ими необходимости ликвидации торгово-спекулятивного капитала, скомпрометировавшего себя сотрудничеством с реакционными режимами в межвоенный период и в годы войны.

Такая направленность программы в сочетании с учетом значительного числа требований в защиту непосредственных интересов широких народных масс открывала немалые возможности для решения проблемы межклассового союза в качественно новых условиях, дававших возможность постепенного подвода масс к осознанию необходимости устранения основного противоречия болгарского

общества — между трудом и капиталом, коренных преобразований в материальной и духовной сферах. Вместе с тем выделение торгово-спекулятивной буржуазии в качестве основного объекта, против которого направлялся удар, позволяло не допустить консолидации буржуазного лагеря и перетягивания на его сторону колеблющихся мелкобуржуазных слоев. Оно обеспечивало народной власти сотрудничество с теми группировками буржуазии — средней и частично крупной, которые рассчитывали на создание выгодной для себя экономической конъюнктуры в процессе решения сложных задач восстановительного периода.

Учитывая место торгово-спекулятивного капитала в структуре национальной экономики, коммунисты четко понимали, что последовательное наступление на его позиции обусловит выход революционного процесса за рамки разрешения противоречий между частными монополиями и всем угнетаемым ими обществом, иными словами, придаст революционному процессу антикапиталистическую направленность. Такие потенциальные возможности заключала в себе программа от 17 сентября.

Утверждение ориентации на социалистические цели зависело от исхода борьбы за руководство революционным процессом. Пролетариат, руководимый компартией, стремился обеспечить перерастание революции, начавшейся под антифашистскими, общедемократическими лозунгами, в социалистическую. Ориентируясь на мирное развитие революции, коммунисты рассчитывали подвести непролетарские слои к социализму через борьбу за «промежуточные», общедемократические требования.

Претендовавшая на роль лидера национальная буржуазия, точнее, часть ее, занимавшая антифашистские, патриотические позиции, стремилась не допустить углубления революции, перелива революционной волны за рамки капиталистических отношений, выступала за модернизацию буржуазного строя, искоренение авторитаризма и проявлений фашизма.

Мирный путь развития революционного процесса и перехода к социализму означал известную временную протяженность становления власти социалистического типа, неизбежность наличия переходных форм власти. В эпоху империализма такую переходную форму В. И. Ленин видел в революционно-демократической диктатуре пролетариата и крестьянства, усматривая в ней «начало завоевания политической власти пролета-

риатом, опирающимся на революционную мелкую буржуазию, в особенности на крестьянство»².

В условиях Болгарии в сентябре 1944 г. была установлена демократическая власть пролетариата, крестьянства, мелкой буржуазии и части средней буржуазии, в основе которой лежал союз пролетариата и крестьянства при гегемонии пролетариата. Т. е. речь шла о наличии, на наш взгляд, демократической диктатуры не одного, а нескольких классов, постепенно качественно менявшей свою сущность, накапливавшей черты, присущие диктатуре пролетариата, и в конечном счете превращавшейся в нее. Завершился этот процесс в конце 1947 г., однако одним из важных внутренних рубежей его, думается, стали выборы в Великое Народное собрание осенью 1946 г. Выборы знаменовали наступление качественно нового момента в развитии революционного процесса в стране, характеризовавшегося определенной перегруппировкой классовых сил, постепенным «выпадением» буржуазии в лице Народного союза «Звено» из системы власти. Средняя буржуазия оказывалась лишенной возможности проводить свою классовую линию в правительстве, отличную от той, что предлагалась коммунистами. Нет сомнения, что компартия временно делила власть с частью национальной буржуазии, соотносила свои действия с действиями партнеров по ОФ, в том числе и с буржуазными кругами, и такая линия не может рассматриваться единственно как тактическая. Факты говорят иное.

Программа от 17 сентября 1944 г. включала в себя требования, восходившие к программным документам главным образом мелкобуржуазных партий межвоенного периода. С ними соотносились буржуазные партии страны, рассчитывавшие усилить свои позиции за счет поддержки большинства населения. Доступные пониманию широких народных масс формулировки разделов программы отразили умение компартии учесть специфические условия Болгарии, правильно наметить основное звено в цепи социальных преобразований, сконцентрировать силы на направлении «главного удара», выступить главной силой, организующей политическое сотрудничество в рамках Отечественного фронта.

Вскоре после победы восстания 9 сентября партия болгарских коммунистов испытала на себе огромный соблазн «спрямленных действий», дававших, казалось, выигрыш во времени. Переоценив в целом благоприятную с точки зрения развития революции ситуацию в

стране, БРП(к) предприняла попытку форсировать движение в направлении к социализму. Следствием такой попытки, выразившейся в пересмотре программы от 17 сентября и выдвигании более радикальных требований, направленных на ограничение позиций национальной буржуазии, явилось возникшее недоверие партнеров коммунистов по ОФ, временное ослабление межклассового союза, достигнутого на предыдущих этапах развития революционного процесса в стране.

Потребовалось серьезное осмысление возникшей ситуации, корректировка руководством компартии своей политической линии, приведшая к глубокой переоценке сущности и значения программы от 17 сентября 1944 г. как документа, учитывающего интересы различных слоев общества, политически представленных правящей коалицией.

В ходе реализации правительственной программы происходило упрочение союза рабочего класса с непролетарскими массами, наполнение его качественно новым содержанием, характеризующимся постепенным нарастанием антикапиталистических элементов, превращение этого союза в определяющий фактор политического развития страны. Массы были подведены к тому рубежу, с которого открывалась возможность приступить к серьезным преобразованиям, готовившим плацдарм для перехода к социализму. Этим определяется роль программы от 17 сентября в развитии народно-демократической революции в Болгарии.

ПРИМЕЧАНИЯ

ВВЕДЕНИЕ

- ¹ Яковлев А. И. Достижение качественно нового состояния советского общества и общественные науки // Коммунист. 1987. № 8. С. 6, 9.
- ² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 26. С. 75.
- ³ Волобуев П. В. Выбор путей общественного развития: Теория, история, современность. М., 1987. С. 11.
- ⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 374.
- ⁵ Там же. С. 12.
- ⁶ Димитров Г. Избр. произведения: В 3 т. М., 1983. Т. 2. С. 119.
- ⁷ Там же. С. 150.
- ⁸ Лейбзон Б. М., Шириня К. К. Певорот в политике Коминтерна: Историческое значение VII конгресса Коминтерна. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1975. С. 255.
- ⁹ Димитров Г. Указ. соч. Т. 2. С. 245.
- ¹⁰ Волобуев П. В. Выбор путей... С. 59.
- ¹¹ Димитров Г. Указ. соч. Т. 2. С. 86.
- ¹² Подробнее об этом см.: Тарновский К. Н. О предпосылках образования в России марксистской партии нового типа // Вопр. истории КПСС. 1987. № 10. С. 48; *Он же*. В преддверии Октября // Наука и жизнь. 1987. № 10. С. 77 и след.
- ¹³ Димитров Г. Указ. соч. Т. 3. С. 18.
- ¹⁴ Георги Димитров и българската народнодемократична държава. С., 1982. С. 176; Петроз К. Изграждане на народната демокрация // Кратка история на България. С., 1983. С. 418; Огнянов Л. Деветосептемврийската социалистическа революция. С., 1984. С. 41; и др.
- ¹⁵ Исусов М. Революционният процес и политическата система на народната демокрация в България (1944—1948) // Ист. прегл. 1979. № 4/5. С. 107.
- ¹⁶ Работническо дело. 1944. 20 септ.
- ¹⁷ Там же. 27 септ.
- ¹⁸ Съвременник. 1945. № 2. С. 51.
- ¹⁹ Исусов М. Политическите партии в България, 1944—1948. С., 1978. С. 56.
- ²⁰ Костов Тр. Избрани статии, доклади, речи. С., 1964. С. 599.
- ²¹ Димитров Г., Костов Тр., Югов А. Речи по отговора на Тронното слово пред XXVI Обикновено Народно събрание. С., 1945. С. 5.
- ²² Съвременник. 1945. № 21/22. С. 947, 950.
- ²³ Исусов М. Политическите партии... С. 56—57.
- ²⁴ Българската комунистическа партия в резолюции и решения на конгресите, конференциите, пленумите и политбюро на ЦК. С., 1955. Т. 4: 1944—1955 г. С. 4.
- ²⁵ Информационно заседание представители на некоторых компартий в Польше в конце сентября 1947 года. М., 1948. С. 11.

- ²⁶ *Исусов М.* Комунистическата партия и революционният процес в България, 1944—1948. С., 1983. С. 267.
- ²⁷ *Исусов М.* Георги Димитров и проблемите на народната демокрация // Интернационалното и националното в опита на строителството на социализма. С., 1985. С. 51.
- ²⁸ Цит. по: *Исусов М.* Комунистическата партия... С. 271—272.
- ²⁹ Там же. С. 275.
- ³⁰ Там же. С. 279, 283.
- ³¹ Проблеми на българската историография след втората световна война. С., 1973. С. 30—31.
- ³² *Димитров Г.* Указ. соч. Т. 3. С. 442.
- ³³ *Червенков В.* По пътя на Георги Димитров: Избрани доклади и речи, 1948—1950. С., 1950. С. 205.
- ³⁴ *Юдин П.* Развитие товарищем Сталиным учения о диктатуре пролетариата // Правда. 1949. 27 июня.
- ³⁵ Работническо дело. 1949. 17 дек.
- ³⁶ Там же. 1950. 29 юни.
- ³⁷ См. об этом: *Попов П.* Установяване, развитие и система на пролетарската диктатура у нас. С., 1956. С. 70.
- ³⁸ *Захариев В.* Към въпроса за характера на Деветосептемврийското въстание и на нашата народнодемократична държава // Филос. мисъл. 1950. № 1. С. 34.
- ³⁹ *Караколов Р.* Георги Димитров за характера на Деветосептемврийското въстание и народната власт у нас // Работническо дело. 1950. 29 юни.
- ⁴⁰ Софийският градски архив на БКП. Ф. 1. Оп. 23. А. е. 25. Л. 36, 39. Протокол съвещания городского партактива от 11.IV. 1956 г.
- ⁴¹ *Соболев А. И.* Народная демократия как форма политической организации общества // Большевик. 1951. № 19.
- ⁴² Там же. С. 28—29.
- ⁴³ *Szymczak T.* Ustrój europejskich państw socjalistycznych. W-wa, 1983. S. 17.
- ⁴⁴ Трети конгрес на Отечествения фронт, 28—29 май 1952 г. С., 1952. С. 33.
- ⁴⁵ *Павлов Т.* За марксистическа история на България. С., 1954. С. 293.
- ⁴⁶ *Яковлев А. Н.* Указ. соч. С. 10.
- ⁴⁷ *Павлов Т.* За марксистическа история... С. 397.
- ⁴⁸ *Чаръкчиев А.* За характера на народнодемократическата революция в България // Въпроси на развитието на България по пътя на социализма. С., 1954. С. 94—95; *Он же.* За характера на нашата народнодемократическа революция // Филос. мисъл. 1954. № 4. С. 31—56; *Павлов Т.* Вълко Червенков — достоен продължител на делото на Георги Димитров и верен ученик на великия Сталин // Вълко Червенков 50 години. С., 1952. С. 199, 200; *Гиндев П.* За някои особености на Деветосептемврийското въстание и на нашата народнодемократическа държава в светлината на доклада на др. Вълко Червенков «Отечественият фронт и неговите предстоящи задачи» // Филос. мисъл. 1952. № 4. С. 44—71; и др.
- ⁴⁹ *Чаръкчиев А.* Характер и движещи сили на народнодемократическата революция в България. С., 1956. С. 79.
- ⁵⁰ *Попов П.* Установяване, развитие и система... С. 101, 102.
- ⁵¹ *Гиндев П.* Общото и специфичното в Деветосептемврийската социалистическа революция // Летопис на дружбата. С., 1975. Т. 5. С. 226—227; История на антифашистката борба в Бълга-

- рия, 1939—1944. С., 1976. Т. 2: Март 1943 — 9 септ. 1944. С. 278; *Горненски И.* Характер на Деветосептемврийската революция в България // България и Балканите, 681—1981. С., 1983. С. 467—469; *Овчаров С.* Установяването на социалистическата власт в България — главен въпрос на стратегията и тактиката на БКП // АОНСУ: Науч. тр. Парт. строителство. 1981. Т. 131. С. 297. Ету же позиция отстаивает на страницах болгарского периодического издания польский болгарист А. Косецки. См. его статью: Социалистическите революции в Полша и България — звена от революциите в Централна и Югоизточна Европа, 1944—1948 // Ист. прегл. 1986. № 8. С. 7.
- ⁵² Проблеми на българската историография... С. 36, 37.
- ⁵³ *Вълов П.* Особеностите на нашата народна демокрация // Ново време. 1956. № 9; *Ангелов С.* За формите на прехода на различните страни към социализма // Там же. № 12; *Попов А.* За общите черти и специфичните особености във възникването и формирането на народната демокрация като държавна форма на прслетарската диктатура у нас // Филос. мисъл. 1957. № 2; *Чаръков А.* Българската комунистическа партия — организатор и ръководител на Деветосептемврийското въстание // Ново време. 1956. № 8; и др.
- ⁵⁴ *Павлов Т.* К вопросу о характере болгарской народно-демократической революции // Вопр. философии. 1956. № 6.
- ⁵⁵ VII конгрес на Българската комунистическа партия, 2 юни — 7 юни 1958 г.: Стеногр. протокол. С., 1958. С. 109.
- ⁵⁶ Там же. С. 110.
- ⁵⁷ *Павлов Т.* Още веднъж за характера на Деветосептемврийското народно въстание: Някои теоретико-методологически въпроси на социалистическата революция. С., 1960. С. 30.
- ⁵⁸ *Валев Л. Б.* Новая и новейшая история Болгарии в трудах современных болгарских исследователей (1944—1966) // Сов. славяноведение. 1967. № 4. С. 101.
- ⁵⁹ История на България: В 3 т. 2 прераб. изд. С., 1964. Т. 3. С. 484. Авт. раздела — К. Драмалиев; *Христов Х.* Великата Октябърска социалистическа революция и работно движение в България (1917—1944) // Сов. славяноведение. 1967. № 4. С. 13. Следует отметить, что в болгарской историографии тех лет отражена и полярная точка зрения — о «немалом объеме» буржуазно-демократических задач. См.: *Аладжем Н.* Още веднъж за характера на българската народнодемократична революция // Год. на катедрите по марксизъм-ленинизъм при ВУЗ. 1961. Год 1, № 1. С. 69—70.
- ⁶⁰ *Манафов Г.* Особенности на социалистическата революция в България // Год. Софийск. унив. 1964. Т. 8. С. 38.
- ⁶¹ *Ангелов С.* Народнодемократическата държава — главно оръдие за построяване на социализма. С., 1958; С. 42; *Славов П.* Общи закономерности на социалистическата революция в политическата област и тяхното проявление в България. С., 1970. С. 103.
- ⁶² *Славов П.* Характер на обществените противоречия у нас в навечерието на 9.IX 1944 г. и непосредствено след това и тяхното разрешаване // 15 години народнодемократична държава и право, 9.IX 1944—9.IX 1959. С., 1959.
- ⁶³ *Исусов М.* Политическите партии... С. 20; *Он же.* Георги Димитров и проблемите... С. 44.
- ⁶⁴ Кратка история на България. 2 прераб. и доп. изд. С., 1983. С. 401.

- ⁶⁵ *Славов П.* Общи закономерности... С. 156—157.
- ⁶⁶ *Петров С.* Социалистического общество в НРБ — етапи и особености. С., 1987. С. 11, 16 и др.
- ⁶⁷ *Овчаров С.* Установяването на социалистическата власт... С. 296, 297.
- ⁶⁸ *Димитров И.* Другарят Тодор Живков за Деветосептемврийската социалистическа революция // Ист. прегл. 1985. № 9/10. С. 18.
- ⁶⁹ *Христов Х.* Хиляда и триста години българска държава, народност и култура // България, 681—1981. С., 1981. С. 39.
- ⁷⁰ «Народно-демократическая революция 9 сентября, социалистическая по своему характеру, является продолжением на деле Великой Октябрьской социалистической революции, ее повторением в главном, в основном», — говорится в Программе БКП (Програма на Българската комунистическа партия. С., 1971. С. 29).
- ⁷¹ *Стародубовская В. Н.* Строительство экономического фундамента социализма в Народной Республике Болгарии. М., 1953. С. 58 и др.; *Константинов Ф. Т.* Болгария по пути социализма. М., 1949. С. 186—187; *Данилов В. Т., Щетинин Б. В.* Возникновение и сущность народно-демократических государств. М., 1956. С. 8; и др.
- ⁷² *Константинов Ф. Т.* Болгария по пути социализма. М., 1953. С. 369—374.
- ⁷³ *Аратский Б.* Укрепление народно-демократического государства Болгарии (1944—1954 гг.) // Болгарский народ в борьбе за социализм. М., 1954. С. 90, 91. Авторы предисловия к этому сборнику — Л. Б. Валев, М. А. Бирман. Их позиция фиксируется на С. 9.
- ⁷⁴ История Болгарии: В 2 т. М., 1955. Т. 2. С. 363.
- ⁷⁵ *Валев Л. Б.* Общественно-политически промени в Централна и Югоизточна Европа след втората световна война // България в света от древността до наши дни. С., 1980. Т. 2. С. 365.
- ⁷⁶ *Тихомиров В. П.* Социалистическое переустройство сельского хозяйства в Болгарии. М., 1951 *Айзенштат Я.* Государственный строй Народной Республики Болгарии: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 1950; *Обручков Г. Г.* Болгарская коммунистическая партия в борьбе за утверждение режима народной демократии, 9.IX 1944—1957 г.: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1954; и др.
- ⁷⁷ *Быстржина И.* Об особенностях возникновения и развития народной демократии в Чехословакии // Вопр. философии. 1957. № 4.
- ⁷⁸ О народной демократии в странах Европы: Сб. ст./Под. общ. ред. Ф. Т. Константинова. М., 1956.
- ⁷⁹ Там же. С. 17.
- ⁸⁰ Там же. С. 51, 19.
- ⁸¹ См., напр.: Основы марксизма-ленинизма. М., 1959. С. 561; Философская энциклопедия. М., 1964. С. 543; *Арнольдов А.* Социализм и культура. М., 1968. С. 431; и др.
- ⁸² *Хвостов В. М.* Современное состояние изучения в СССР истории европейских стран народной демократии и задачи научно-исследовательской работы // Новая и новейшая история. 1962. № 3. С. 7—8.
- ⁸³ *Соболев А. И.* Марксизм-ленинизм о формах перехода от капитализма к социализму. М., 1958. С. 56—58; *Марьина В. В.* Вопросы послевоенного развития зарубежных славянских стран в со-

- ветской историографии // Славянская историография: Сб. ст. М., 1966. С. 57; *Бутенко А. П.* Революционные преобразования в странах Центральной и Юго-Восточной Европы // Мировая экономика и междунар. отношения. 1964. № 9. С. 18, 20, 21—22.
- ⁸⁴ *Зародов К. И.* О формах перехода различных стран от капитализма к социализму. М., 1959. С. 78—79; *Ганевич И. В.* Борьба болгарского народа под руководством коммунистической партии за национальное и социальное освобождение (1941—1945), Киев, 1960; *Хлябин И. А.* К вопросу о соотношении общего и специфического в общественном развитии // Общие закономерности социалистических революций и особенности строительства социализма в разных странах. М., 1960; *Коптева Е. А.* К вопросу о характере, особенностях и этапах народно-демократических революций в славянских странах народной демократии // Славянский сборник. Великие Луки, 1963. С. 165. (Учен. зап. Веліколуц. пед. ин-та; Вып. 22); *Баскаков С.* Некоторые особенности народно-демократической революции в Болгарии и установившейся после победы революции власти // Юбил. науч. конф. преподавателей МАТИ, посвящ. 26-летию ин-та. Секция обществ. наук: (Тез. докл.). М., 1965. С. 16—17; *Леднев Н. И.* Разработка болгарской компартией вопроса о характере народно-демократической революции // Советское славяноведение: Материалы IV конф. историков-славистов. Минск, 31.1—3.11 1968 г. Минск, 1969; и др.
- ⁸⁵ *Гришина Р. П.* К вопросу о характере народно-демократической революции в Болгарии // Сов. славяноведение: Материалы IV конф.../С. 112—113.
- ⁸⁶ Проблемы на българската историография... С. 601.
- ⁸⁷ *Удальцов И. И.* XXII съезд КПСС и изучение проблем народной демократии // Новая и новейшая история. 1962. № 3, 7, 19; *Марьина В. В.* Вопросы послевоенного развития... С. 58.
- ⁸⁸ *Коптева Е. А.* К вопросу о характере... С. 171.
- ⁸⁹ Проблемы на българската историография... С. 515.
- ⁹⁰ Там же. С. 519, 524, 526.
- ⁹¹ *Решетникова О. Н.* Историография проблемы создания и развития Отечественного фронта Болгарии (в 1942—1948 годах): Автореф. дис.... канд. ист. наук. М., 1978. С. 12.
- ⁹² *Мурашко Г. П.* Борьба рабочего класса за национализацию промышленности: Из опыта революций 40-х годов в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1979. С. 27—28; *Марьина В. В.* Крестьянство в революциях 40-х годов в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1984. С. 16—17.
- ⁹³ *Мурашко Г. П.* Борьба рабочего класса... С. 28.
- ⁹⁴ *Димитров И.* Провалът на контрареволуционния пристъп срещу народнодемократичната власт в края на 1944 г. // Изв. Бълг. ист. дружество. 1967. Кн. 26. С. 12; *Исусов М.* Формиране на многопартийната система в България (1944—1945) // В чест на академик Д. Косев: Изследвания по случай 70 години от рождението му. С., 1974, с. 352; *Он же.* Работническата класа в България, 1944—1947. С., 1971. С. 24.
- ⁹⁵ *Исусов М.* Политическите партии... С. 22.
- ⁹⁶ *Йотов В.* Идейно-политическата еволюция на БЗНС. С., 1966. С. 50; *Огнянов Л.* Деветосептемврийската социалистическа революция... С. 41.
- ⁹⁷ *Златев З.* Проблеми на прехода от капитализма към социализма в България. С., 1982. С. 110; *Шарланов Д.* Отечественният фронт и

- социалистическата революция. С., 1975. С. 42—43; *Бонев В.* За единния, народния и Отечественния фронт. С., 1971. С. 243.
- 98 *Куков К.* Разгром на буржоазната опозиция (1944—1947). С., 1965. С. 43.
- 99 *Петров С.* За етапите на социалистическото развитие на България // Проблеми на българската историография... С. 536.
- 100 *Мозеров В. Д.* К вопросу о характере народно-демократической революции в Болгарии // Некоторые вопросы классовой борьбы в зарубежных странах. Саранск, 1976. С. 7.
- 101 *Позолотин М. Е.* Болгарский рабочий класс в борьбе за социализм // Рабочий класс и строительство социализма в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1977. С. 33.
- 102 *Гришина Р. П.* Расстановка политических сил в Болгарии после установления народно-демократической власти (сентябрь 1944 — ноябрь 1945 г.) // Из истории народно-демократических и социалистических революций в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1977. С. 51; *Копылов А. А.* Отечественный фронт и народно-демократическая революция в Болгарии. Львов, 1985. С. 189.
- 103 Великий Октябрь и революции 40-х годов в странах Центральной и Юго-Восточной Европы: Опыт сравн.-ист. исслед. соц.-экон. преобразований в рев. процессе. М., 1977. С. 226.
- 104 *Гришина Р. П.* Расстановка политических сил... С. 51.
- 105 *Конаков Н. К.* Политическая борьба в Болгарии (9 сентября 1944 г. — ноябрь 1945 г.): Дис. ... канд. ист. наук. Л., 1976. С. 19.
- 106 Великий Октябрь и революции 40-х годов в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. 2-е изд. М., 1982. С. 222.
- 107 *Златев З.* Проблеми на прехода... С. 110.
- 108 История Болгарии. М., 1955. Т. 2. С. 365; *Petrov S.* The programme of the Bulgarian communist party for the building of a socialist society // Problems of the transition from capitalism to socialism in Bulgaria. Sofia, 1975. P. 66; *Boev B.* The role of the Fatherland front in the system of the people's democracy // Ibid. P. 85; *Зарчев Й.* БЗНС и изграждането на социализма в България, 1944—1962. С. 1984. С. 8.
- 109 *Василев Л.* Социално-икономически проблеми в творчеството на Георги Димитров. С., 1982.
- 110 *Златев З.* Стопанската политика на народнодемократичната власт непосредствено след 9 септември 1944 г. // В чест на академик Христо А. Христов: Изследвания по случай 60 години от рождението му. С., 1976.
- 111 *Мурашко Г. П.* Историография социалистических стран о национализации основных средств производства в странах Центральной и Юго-Восточной Европы // Всесоюз. науч. конф. «Общие закономерности Великого Октября и революций 40-х годов в странах Центральной и Юго-Восточной Европы» (Рига, 14—16 дек. 1976 г.): Тез. докл. и выступления. М., 1976. Вып. 1. С. 74—75.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

- 1 *Пикифоров В.* Измененията в структурата на нашето народно стопанство като фактор за неговото ускорено развитие // Икон. мисъл. 1959. № 1. С. 17.
- 2 30 години икономика на Народна Република България. С., 1974. С. 22.

- ³ Там же. С. 24.
- ⁴ Икономиката на България до социалистическата революция. С., 1969. С. 534.
- ⁵ *Натан Ж.* Стопанска история на България // Избрани трудове: В 2 т. С., 1977. Т. 1: Изследвания върху стопанското минало на България. С. 574.
- ⁶ *Тотев А.* Състоянието на препазеноост в нашето земеделско стопанство // Списание на Българското икономическо дружество. С., 1940. Кн. 6. С. 369.
- ⁷ Икономиката на България... С. 572.
- ⁸ 30 години икономика... С. 27.
- ⁹ *Брадистилев Д.* Към въпроса за районирането на нашето народно стопанство // Изв. Икон. инст. 1955. Т. 9, кн. 1/2. С. 76.
- ¹⁰ Промисленост на Народна Република България: Статист. сб. С., 1958. С. 6.
- ¹¹ Там же. С. 7.
- ¹² *Валев Л. Б.* Болгарский народ в борьбе против фашизма: (Накануне и в начальный период второй мировой войны). М., 1964. С. 37.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Там же. С. 39.
- ¹⁵ Икономиката на България... С. 600.
- ¹⁶ *Беров Л.* «Антикартелното» законодателство в буржоазна България в светлината на нови данни // Икон. мисъл. 1960. № 10. С. 71.
- ¹⁷ *Георгиев Л.* Финансов капитал в България // Ново време. 1957. № 8. С. 53.
- ¹⁸ *Валев Л. Б.* Болгарский народ... С. 41.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Там же. С. 43.
- ²¹ *Натан Ж., Беров Л.* Монополистическият капитализъм в България. С., 1958. С. 258—262.
- ²² Там же. С. 248.
- ²³ *Цонев С., Близнаков П.* Икономически предпоставки на социалистическата революция в България. Варна, 1964. С. 96.
- ²⁴ *Цонев С.* Държавно-монополистическият капитализъм в България. Варна, 1968. С. 96—97.
- ²⁵ *Валев Л. Б.* Болгарский народ... С. 49—50.
- ²⁶ Там же. С. 51.
- ²⁷ Икономиката на България... С. 590—591.
- ²⁸ Цит. по: *Георгиев Л.* Финансов капитал... С. 62.
- ²⁹ *Беров Л.* Към въпроса за външнотърговската ориентация на българския фашизъм, 1929—1944 // Трудове на Висшия икономически институт «Карл Маркс». С., 1954. Кн. 1. С. 155.
- ³⁰ *Валев Л. Б.* Болгарский народ... С. 52.
- ³¹ Там же.
- ³² Советско-болгарские отношения и связи: Документы и материалы. М., 1976. Т. 1 : 1917—1944. С. 495.
- ³³ Стопанска история на България, 681—1981. С., 1981. С. 413.
- ³⁴ *Валев Л. Б.* Болгарский народ... С. 195.
- ³⁵ История Болгарии: В 2 т. М., 1955. Т. 2. С. 269.
- ³⁶ *Валев Л. Б.* Болгарский народ... С. 57.
- ³⁷ 30 години икономика... С. 59.
- ³⁸ *Кадацки В. Ф.* Политическая борьба в Болгарии, 30-е годы XX в. М., 1984. С. 27.
- ³⁹ *Георгиев В.* Буржоазните и дребнобуржоазните партии в България, 1934—1939. С., 1971. С. 16.

- 40 Подробнее об этом см.: Игнатъева (Волокитина) Т. В. Эволюция мелкбуржуазных представлений об общественно-экономическом развитии Болгарии // Сов. славяноведение. 1979. № 4. С. 23.
- 41 Георгиев В. Буржоазните и дребнобуржоазните партии... С. 34.
- 42 Там же. С. 35.
- 43 Там же. С. 54.
- 44 О дискуссии болгарских ученых относительно характера режима «19 мая» см.: Изв. Инст. история БКП. 1969. Т. 21.
- 45 Кадацкий В. Ф. Политическая борьба... С. 45.
- 46 Гришина Р. П. К вопросу о болгарской разновидности фашизма // Фашизм и антидемократические режимы в Европе: Начало 20-х годов — 1945 г. М., 1981. С. 116.
- 47 См., напр.: Политические системы в странах Центральной и Юго-Восточной Европы: 1917—1929. М., 1988. С. 46.
- 48 Подробнее об этом см.: Генов И. Зъбите на фашизма. С., 1945.
- 49 Копылов А. А. Отечественный фронт и народно-демократическая революция в Болгарии. Львов, 1985. С. 27.
- 50 Подробнее об этом см.: Димитров И. Буржоазната опозиция в България, 1939—1944. С., 1969.
- 51 Аврамов П. Организационното изграждане на БКП след излизането ѝ от нелегалност (9 септември 1944 — февруари 1945 г.) // Ист. прегл. 1965. № 2. С. 9.
- 52 См.: VII конгресс Коминтерна и борьба за создание Народного фронта в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1977.
- 53 Гришина Р. П. К вопросу... С. 116.
- 54 Георгиев В. Буржоазните и дребнобуржоазните партии... С. 442.
- 55 Гальдер Ф. Военный дневник. М., 1968. Т. 1. С. 213.
- 56 Подробнее об этом см.: Чичовска В. Соболевата акция. С., 1972.
- 57 Советско-болгарские отношения... Т. 1. С. 558—559.
- 58 Подробнее об этом см.: Божинов В. Политическа криза в България през 1943—1944. С., 1957.
- 59 Цит. по: Копылов А. А. Отечественный фронт... С. 122.
- 60 Говори радиостанция «Христо Ботев». С., 1951. Т. 7. С. 191—192.
- 61 Хаджисимеоков В. Още за фашизма и неговите особености в България // Ист. прегл. 1968. № 6. С. 63.
- 62 Советско-болгарские отношения ... Т. 1. С. 603.
- 63 Копылов А. А. Отечественный фронт... С. 174.
- 64 Цит. по: Петрова С. Девеогосептемврийската социалистическа революция 1944. С., 1981. С. 282—283.
- 65 Советско-болгарские отношения... Т. 1. С. 604.
- 66 Там же.

ГЛАВА ВТОРАЯ

- 1 Въоръжената борба на българския народ против фашизма, 1941—1944; Документи. С., 1962. С. 123.
- 2 Работническо дело. 1942. № 1, 2, 3; 1943. № 11.
- 3 Димитров И. Буржоазната опозиция в България, 1939—1944. С., 1969. С. 115.
- 4 Венков И. Революционната ситуация в България през втората световна война. С., 1977. С. 152.
- 5 Говори радиостанция «Христо Ботев» (23 юли 1941 — 22 септември 1944). С., 1951. Т. 7. С. 239.
- 6 Там же. С. 245—246.
- 7 Въоръжената борба... С. 632—634.

- ⁸ Петров С. БКП в борьбе против монархо-фашизма (1941—1944). М., 1973. С. 288.
- ⁹ Драгойчева Ц. Дейността на партията за изграждане на Отечествен фронт // Спасителният за България Отечествен фронт: Статии и спомени. С., 1975. С. 167.
- ¹⁰ Минчев М. Дейността на БРП за образуването и персонално оформяне на първото правителство на Отечествения фронт // Изв. Инст. история БКП. 1984. Т. 52. С. 89.
- ¹¹ Подробен об этом см.: Матеев Б. За главния удар на Деветосептемврийското въоръжено въстание // Ист. прегл. 1969. № 2/3.
- ¹² Минчев М. Социално-класовата опора на първото правителство на Отечествения фронт (9.IX 1944 — 21.III 1946) // Там же. 1982. № 5; *Он же*. Партийно-политически и лични мотиви в образуването и дейността на първото Отечественофронтовско правителство // Там же. 1984. № 4.
- ¹³ Минчев М. Дейността на БРП... С. 97.
- ¹⁴ По свидетелству Ц. Драгойчевой, в это время в доме К. Георгиева, где проходило заседание, в одной из комнат находился, по настоянию хозяина, Д. Велчев, но в заседании он не участвовал. См.: Драгойчева Ц. Победата: Повеля на дълга. С., 1979. Кн. 3: Спомени и размисли. С. 611.
- ¹⁵ Минчев М. Дейността на БРП... С. 98.
- ¹⁶ Бранчев П. Спомени. С., 1968. С. 626.
- ¹⁷ Минчев М. Дейността на БРП... С. 99.
- ¹⁸ Павлов Т. Из спомените ми за Георги Димитров // Спомени за Георги Димитров. С., 1982. Т. 3: 1944—1949. С. 29.
- ¹⁹ Братанов Д. В борбата за единство и победа на Отечествения фронт // Ист. прегл. 1969. № 2/3. С. 284.
- ²⁰ Петрова С. Деветосептемврийската социалистическа революция, 1944 С., 1981. С. 458.
- ²¹ Минчев М. Дейността на БРП... С. 94.
- ²² Братанов Д. В борбата за единство... С. 282.
- ²³ Драгойчева Ц. Победата. С. 611.
- ²⁴ Петрова С. Деветосептемврийската социалистическа революция... С. 330.
- ²⁵ Георгиев К. От началото до победата // Спасителният за България... С. 269.
- ²⁶ Минчев М. Дейността на БРП... С. 98.
- ²⁷ Там же. С. 100.
- ²⁸ Цит. по: Там же. С. 96, 101.
- ²⁹ Павлов Т. Из спомените ми... С. 29.
- ³⁰ См.: Димитров И. БКП за характера на народнодемократичната власт (1944—1948): Кратък исторически обзор // История и география. 1965. № 2. С. 3. Позднее, весной 1945 г., на VIII пленуме БРП(к) Тр. Костов подчеркнул, что в условиях «колоссального революционного взрыва» в стране 9 сентября 1944 г. имелась реальная возможность установить советскую власть.
- ³¹ Петрова С. Деветосептемврийската социалистическа революция... С. 438.
- ³² Советско-болгарские отношения и связи: Документы и материалы. М., 1981. Т. 2: Сентябрь 1944 — декабрь 1958. С. 11.
- ³³ Отечествен фронт. 1944. 18 септ.
- ³⁴ Сведения об этом, в частности, поступили из г. Испериха и окрестностей. См.: Центральный архив Министерства обороны СССР. Ф. 243. Оп. 2914. Д. 226. Л. 34. (Далее: ЦАМО СССР).

- ³⁵ *Драмалиев К.* В Националният комитет на ОФ през ония дни // Спасителният за България ... С. 199.
- ³⁶ *Stredni i Jihovýchodní Evropa ve válce a v revoluci, 1939—1945.* Pr., 1969. S. 434—435.
- ³⁷ Земеделско знаме. 1944. 14 септ.
- ³⁸ Българската комунистическа партия в резолюции и решения на конгресите, конференциите и пленумите на ЦК. С., 1951. Т. 2. С. 222 (Далее: БКП в резолюции и решения).
- ³⁹ Там же. С. 9, 227—229.
- ⁴⁰ *Ангелова Т.* Проектoproграма за действие на БРП против хитлеристите и монархо-фашистката диктатура, за установяване на народнодемократична власт в България // Изв. Инст. история БКП. 1972. Т. 28, С. 449.
- ⁴¹ Там же. С. 448.
- ⁴² Там же. С. 448, 449.
- ⁴³ Земеделско знаме. 1945. 17 март.
- ⁴⁴ *Григоров Б.* За някои идейно-политически тенденции в българската социалдемократия (1931—1934) // Изв. Инст. история БКП. 1976. Т. 35. С. 135.
- ⁴⁵ Централен партисен архив при ЦК на БКП. Ф. 205. Оп. 3. А. Е. 37. Л. 2. (Далее: ЦПА).
- ⁴⁶ Народен съюз «Звено»: Нашата програма. С., 1945. С. 15.
- ⁴⁷ *Георгиев К.* Дейността на ОФ правителство от 9 септември до 9 март 1945 г.: Доклад направен пред първия национален конгрес на ОФ комитети състоял се на 9 до 12 март т. г. С., 1945. С. 11.
- ⁴⁸ Присъствовавший на митинге бывший премьер-министр К. Муравиев позднее так вспоминал об услышанном «Кимон Георгиев перечислил положения всех политических программ, известных нам на протяжении нескольких десятилетий... Но в целом речь была серьезна, за исключением некоторых демагогических приемов». Цит. по: Научен архив на БАН. Сб. IV. Оп. 1. А. е. 134. Л. 468. (Далее: НА на БАН).
- ⁴⁹ Установяване и укрепване на народнодемократичната власт: Септември 1944 — май 1945 г.: Сб. документи. С., 1969. С. 133—136.
- ⁵⁰ Ист. арх. КП. Т. 7. С. 50.
- ⁵¹ Подробнее об этом: *Драгойчева Ц.* Победата. С. 308—317.
- ⁵² Текст декларации опубликован: Там же. С. 317—319.
- ⁵³ Устав и програма на БЗН Съюз: Правилници и наредби. С., 1946. С. 20; ЦПА. Ф. 205. Оп. 3. А. е. 47. Л. 2—3; Народ. 1944. 4 ноем.; Централен държавен архив на НРБ. Ф. 68. Оп. 1. А. е. 327. Л. 22. об. (Далее: ЦДА на НРБ).
- ⁵⁴ *Драгойчева Ц.* Победата. С. 312.
- ⁵⁵ Ист. арх. КП. Т. С. 287.
- ⁵⁶ Цит. по: *Севъян Д. А.* Из истории Союза коммунистов Югославии, 1919—1945. М., 1982. С. 148.
- ⁵⁷ *Палешутски К.* Югославската комунистическа партия и македонският въпрос, 1919—1945. С., 1985. С. 314.
- ⁵⁸ Там же. С. 316.
- ⁵⁹ Цит. по: Там же. С. 324.
- ⁶⁰ *Коларов В.* Избрани произведения. С., 1955. Т. 3. С. 313.
- ⁶¹ Требование восстановления Тырновской конституции в качестве основного лозунга Народного фронта в Болгарии болгарские коммунисты выдвинули в июне 1935 г. См.: *Недев Н.* Стратегия на класовите съюзи: Шестият пленум на ЦК на БКП (1936 г.) и проблемите на антифашистката борба. С., 1984. С. 76.

- ⁶² Работническо дело: Избрани статии и материали, 1927—1944. С., 1954. С. 461.
- ⁶³ *Недев Н.* Стратегия... С. 80.
- ⁶⁴ Работническата партия в България, 1927—1938; Сб. от документи и материали. С., 1966. С. 517.
- ⁶⁵ Текст платформи Демократического объединения подготовил к печати и откомментировал Д. Сирков. См.: *Сирков Д.* Изборна платформа на Народния фронт в България — 1938 г. // Изв. Инст. история БКП. 1962. Т. 9. С. 380.
- ⁶⁶ *Георгиев К.* За точния текст на програмата на Отечественния фронт // Военноист. сб. 1966. № 3. С. 52.
- ⁶⁷ *Ангелова Т.* Проектпрограма... С. 441, 446, 447.
- ⁶⁸ Там же. С. 438.
- ⁶⁹ *Казасов Д.* Видяно и преживяно, 1891—1944. С., 1969. С. 658.
- ⁷⁰ Конституция болгарского царства (1879 г.) // Конституции буржуазных стран. М.; Л., 1936. Т. 2: Средние и малые европейские страны. С. 164.
- ⁷¹ Установяване и укрепване... С. 101.
- ⁷² *Исусов М.* Комунистическата партия и революционният процес в България, 1944—1948. С., 1983. С. 38.
- ⁷³ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 11. С. 5.
- ⁷⁴ ЦДА на НРБ. Ф. 28. Оп. 1. А. е. 81. Л. 9.
- ⁷⁵ Об этом оповестила радиостанция «Свободная и независимая Болгария», ведшая свои передачи из Лондона. «Пладненцы», — говорилось в радиопередаче 31 июля 1942 г., — присоединяясь к платформе ОФ..., считают основной задачей дня создание «народовластического правительства» (*Панайотов Ф.* Двубой в эфира, 1941—1944. С., 1975. С. 103—104). Время показало, что этот термин не был случайным и воскресил старые аграристские иллюзии некоторых деятелей БЗНС.
- ⁷⁶ БЗНС «против всех положений Конституции, которые мешают создать такое (народовластическое конституционно-парламентарное. — *Т. В.*) управление и будет стремиться к ее изменению и дополнению в смысле расширения и оздоровления народовластия в стране», — гласил 5 принцип БЗНС (*Стамболийски А.* Принципи на Българският земеделски съюз. С., 1919. С. 15). Конкретизируя это положение, «земледельцы» выступали за предоставление народу полных демократических свобод и прав (*Стамболийски А.* Земеделският съюз и неговите врагове. С., 1919. С. 33).
- ⁷⁷ ЦПА. Ф. 205. Оп. 3. А. е. 47. Л. 2; Народ. 1944. 4 ноем.
- ⁷⁸ Народ. 1944. 7 окт.
- ⁷⁹ *Славчева Г.* Еволюция на политическия кръг «Звено» към антифашистко сътрудничество с БКП в навечерието на втората световна война // Изв. Инст. история БКП. 1971. Т. 25. С. 84.
- ⁸⁰ Народен съюз «Звено»: Нашата програма. С., 1945. С. 8.
- ⁸¹ *Георгиев В.* Буржоазните и дребнобуржоазните партии в България, 1934—1939. С., 1971. С. 9.
- ⁸² ЦПА. Ф. 1. Оп. 15. А. е. 2. Л. 6.
- ⁸³ *Захаров В.* Националният комитет на Отечественния фронт и централните държавни органи (1944—1947) // Роля на социалистическото право през двадесет и петте години социалистическо строителство в НР България. С., 1969. С. 276—277.
- ⁸⁴ Во время одного из заседаний ВНС, на котором обсуждался проект новой конституции, Ц. Драгойчева заявила, что в программе правительства не случайно не сказано о восстановлении Тыр-

- новской конституции, «ибо никто не имел намерения восстанавливать именно ее». Цит. по: *Цолов П.* БРСДП за конституцията: Речь произнесена пред Велико Народно събрание на 6.VI. 1947 г. С., 1947. С. 26. Вряд ли такое заявление можно считать убедительным.
- ⁸⁵ Нар. земеделско знаме. 1946. 9 март.
- ⁸⁶ *Цолов П.* БРСДП за конституцията... С. 27.
- ⁸⁷ *Ангелова Т.* Проектнопрограма... С. 447.
- ⁸⁸ Там же.
- ⁸⁹ ЦПА. Ф. 147. Оп. 2. А. е. 864. Л. 2.
- ⁹⁰ *Захаров В.* Проблема чистки государственного аппарата в болгарской народно-демократической революции // Год. Софийск. унив. Юрид. фак. 1965. Т. 56, кн. 2. С. 396—397, 398.
- ⁹¹ Особое сопротивление чистке в первые же месяцы народной власти оказывали в Министерствах финансов, социальной политики, торговли, промышленности и труда, военном и народного просвещения, возглавлявшихся соответственно «независимыми», социал-демократами и «звенарями». А главный секретарь Министерства финансов П. Коев, как свидетельствуют документы, опубликованные И. Пейковым, даже попытался провести своего рода «чистку наоборот»: сокращал политически активных работников, увольнял членов комитета ОФ Министерства и пр. (*Пейков И.* Борбата на ОФ комитети за прочистване на държавния апарат от фашисти и реакционни елементи (9.IX 1944—1947 г.) Изв. държав. арх. 1964. № 8. С. 36, 48—50). Препятствовали министерства и кампании чистки госаппарата в его низовых звеньях. Во что сообщали, например, из околийского комитета ОФ г. Берковицы: «Министерства не дают быстрого хода решениям [комитета ОФ]..., а во многих случаях открыто мешают. В связи с этим околийский комитет направил письма протеста министрам и г. г. регентам...» (Установяване и укрепване на народнодемократичната власт в Михайловградски окръг: Сб. документи, Септември 1944 — декември 1946 г. Михайловград, 1973. С. 113).
- ⁹² *Ангелова Т.* Проектнопрограма... С. 451; *Стамболийски А.* Принципите... С. 27, 56; БРСДП. XXXIII годишен отчет на Централния комитет за партийната 1929—1930 година представен на XXXIII редовен конгрес. С., 1930. С. 13.
- ⁹³ Общинската политика на БКП, 1891—1944. С., 1974. С. 507; *Радков И.* Дейността на БРП(к) за вливане на ново, социалистическо съдържание в старата организация на общините (1944—1947) // Изв. Висша парт. школа при ЦК на БКП. Отд. «История». С., 1963. Т. 20. С. 195—196.
- ⁹⁴ *Стамболийски А.* Принципите... С. 16, 55, 56.
- ⁹⁵ *Радев Г.* Идеино-политическото развитие на БРСДП след военно-фашисткия преврат на 19 мая 1934 г. // Изв. Инст. история БКП. 1977. Т. 36. С. 156.
- ⁹⁶ *Георгиев В.* Буржоазните и дребнобуржоазните партии... С. 53.
- ⁹⁷ Там же. С. 340.
- ⁹⁸ Там же. С. 341.
- ⁹⁹ ЦДА на НРБ. Ф. 68. Оп. 1. А. е. 327. Л. 10.
- ¹⁰⁰ См., напр.: *Гибианский Л. Я.* Развитие югославской революции в ходе народно-освободительной войны и борьба за окончательное утверждение новой Югославии // Из истории народно-демократических и социалистических революций в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1977. С. 359; Освобожд-

- денне Венгрии, 1944—1945; Сб. документов. Будапешт, 1975. С. 57; Румыния в годы народно-демократической революции, 1944—1947. М., 1974. С. 89; *Košický vládný program*. Br., 1978. S. 103—107.
- 101 Ангелова Т. Проектнопрограма... С. 441, 445.
 - 102 Симов Б., Благов Б., Асланян О. Възстановяване и развитие на промишлеността в НРБ, 1944—1948. С., 1968. С. 91.
 - 103 Костов Т. Избрани статии, доклади, речи. С., 1964. С. 570.
 - 104 Христов Х. Революционната криза в България през 1918—1919 г. С., 1957. С. 463.
 - 105 Земеделско знаме. 1944. 14 септ.
 - 106 Народният съюз «Звено» и Отечественият фронт. С., 1947. С. 4; ЦДА на НРБ. Ф. 28. Оп. 1. А. е. 99. Л. 204.
 - 107 ЦДА на НРБ. Ф. 68. Оп. 1. А. е. 2. Л. 47; Пейков И. Подготовка, провеждане и значение на Народния съд през 1944—1945 г. // Ист. прегл. 1964. № 2/3. С. 158.
 - 108 Държавен вестн. 1944. 9 септ.
 - 109 Добрускин М. Е. Религия и атеизм в европейских социалистических странах. М., 1986. С. 60—61.
 - 110 БКП в резолюции и решения. Т. 2. С. 12, 240.
 - 111 Стамболийски А. Принципиите... С. 54.
 - 112 Окръжен държавен архив—Плевен. Ф. 496. Оп. 1. А. е. 1. Л. 14. (Далее: ОДА).
 - 113 Софийски градски и окръжен държавен архив. Ф. 38. Оп. 1. А. е. 55. Л. 89. (Далее: СГОДА).
 - 114 ЦДА на НРБ. Ф. 28. Оп. 1. А. е. 25. Л. 210.
 - 115 Декларацията на новото правителство на Отечествения фронт обявена от министър-председател Георги Димитров пред Великото Народно събрание, София, 28 ноември 1946 г. С., 1946. С. 5. Вопрос о материальной помощи церкви отразил серьезные опасения значительной части духовенства остаться без средств к существованию. В Пловдиве, например, по сведениям, относящимся к началу октября 1944 г., некоторые священники всерьез готовились оставить свой сан именно по этой причине, узнав о предполагаемом отделении церкви от государства (ЦАМО СССР. Ф. 243. Оп. 2914. Д. 226. Л. 200).
 - 116 Стамболийски А. Земледельско управление: Първа година. С., 1921. С. 96—97.
 - 117 Симов Б., Благов Б., Асланян О. Възстановяване и развитие... С. 19.
 - 118 БКП в резолюции и решения. Т. 2. С. 116.
 - 119 Радев Г. Идеино-политическото развитие... С. 136.
 - 120 Славчева Г. Еволюция на политическия кръг «Звено»... С. 86.
 - 121 Проект-програма на БРСДП: (Приета от ИК на 27 юли 1945 г.). С., 1945. С. 13.
 - 122 Народен съюз «Звено»... С. 11—13.
 - 123 См., напр.: Кожухаров К. Кооперацията според земеделската идеология. С., 1947. С. 32—35.
 - 124 БКП в резолюции и решения. Т. 2. С. 234.
 - 125 Подробнее об этом: Чакалов А. Формы, размер и дейность на чуждния капитал в България (1878—1944). С., 1962.
 - 126 Там же. С. 83.
 - 127 Валева Л. Б. Болгарский народ в борьбе против фашизма: (Накануне и в начальный период второй мировой войны). М., 1964. С. 48.
 - 128 По сведениям А. Чакалова, колоссальные прибыли, приносимые

- занятием страхованием, объясняли наличие чрезмерного для потребностей Болгарии количества конкурировавших между собой страховых компаний: 3 — с германским капиталом, 3 — с итальянским, 2 — с французским, 1 — с испанским, 1 — с австрийским, 1 — со швейцарским (Чакалов А. Форми, размер и дейност... С. 87).
- 129 Сирков Д. Изборна платформа... С. 381.
- 130 Подробен об этом см.: Беров Л. «Антикартелното» законодателство в буржоазна България в светлината на нови данни // Икон. мисъл. 1960. № 10. С. 57—73.
- 131 Дискусии по някои спорови въпроси от историята на БКП. Характер на 19-то майския преврат през 1934. Изказване на проф. В. Хаджиниколов // Изв. Инст. история БКП. 1969. Т. 21. С. 256.
- 132 Икономиката на България до социалистическата революция. С., 1969. С. 566.
- 133 Там же.
- 134 Недев Н. Поглед върху дейността на Военния съюз (Офицерската лига) от основаването му до 9 септември 1944 г. // Ист. прегл. 1963. № 2. С. 60.
- 135 Бразда. 1947. 15 март, № 15. С. 165.
- 136 Народен съюз «Звено»... С. 15—16.
- 137 Дискусии по някои спорови въпроси от историята на БКП. Съдоклад на доц. Н. Недев. С. 228.
- 138 Бразда. 1945. 15 окт., № 16. С. 343; 1945. 1 ноем., № 17. С. 368.
- 139 ЦДА на НРБ. Ф. 68. Оп. 1. А. е. 2. Л. 109.
- 140 Земеделско знаме. 1944. 30 дек.; Стамболийски А. Принципи... С. 52.
- 141 Остоич П. БКП и изграждането на народнодемократическата държава, 9 септември 1944 — декември 1947 г. С., 1967. С. 207.
- 142 Земеделско знаме. 1945. 13 март.
- 143 Манифеста и резолюциите на първия исторически конгрес на комитетите на Отечествения фронт. С., 1945. С. 11.
- 144 ЦДА на НРБ. Ф. 68. Оп. 1. А. е. 384. Л. 33.
- 145 Работническо дело. 1982. 9 юли.
- 146 Великий Октябрь и революции 40-х годов в странах Центральной и Юго-Восточной Европы: Опыт сравн.-ист. исслед. соц.-экон. преобразований в рев. процессе. С. 226—227.
- 147 Работническата партия в България... С. 517.
- 148 Ангелова Т. Проектпрограма... С. 449.
- 149 Индустрия. 1945. № 3/4. С. 66—67.
- 150 100 години българска индустрия, 1834—1937. С., 1937. С. 69.
- 151 Цонев С., Близнаков П. Предпоставките на социалистическата революция в България. Варна, 1964. С. 90.
- 152 Работническата партия в България... С. 517.
- 153 Ангелова Т. Проектпрограма... С. 448.
- 154 Народен съюз «Звено»... С. 11.
- 155 Симов Б., Благоев Б., Асланян О. Възстановяване и развитие... С. 34.
- 156 Цонев С., Близнаков П. Предпоставките... С. 41.
- 157 См. выступление И. Харизанова на I съезде комитетов ОФ: Земеделско знаме. 1945. 11 март.
- 158 Изгрев. 1945. 9 март.
- 159 Георгиев В. Буржоазните и дребнобуржоазните партии... С. 76.
- 160 Цонев С., Близнаков П. Предпоставките... С. 34.
- 161 Подробен об этом см.: Торез М. Единый и Народный фронт во

- Франции. М., 1935; *Он же*. Современная Франция и Народный фронт. М., 1937; *Торез М., Коньо Ж.* Народный фронт во Франции. М., 1937.
- 162 ЦДА на НРБ. Ф. 68. Оп. 1. А. е. 368. Л. 6; *Славчева Г.* Еволюция на политическия кръг «Звено»... С. 105.
- 163 *Гришина Р. П.* Расстановка политических сил в Болгарии после установления народно-демократической власти (сентябрь 1944 — ноябрь 1945) // Из истории народно-демократических и социалистических революций в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1977. С. 77.
- 164 Икономиката на България през преходния период от капитализма към социализма. С., 1972. С. 28.
- 165 Земеделско знаме. 1945. 13 март.
- 166 ЦДА на НРБ. Ф. 68. Оп. 1. А. е. 371. Л. 24.
- 167 *Костов Т.* Избрани статии... С. 334—335.
- 168 Земеделско знаме. 1944. 1 поем.
- 169 Там же. 25 поем.
- 170 Там же. 18 окт.; Земя и труд. 1945. Февр.-март, № 6/7. С. 188; *Ванков В.* Укрепване на съюза между БРП(к) и БЗНС в борба против гетовщината // 15 години социалистическо строителство в Народна република България. С., 1959. С. 8.
- 171 *Кожухаров К.* Кооперацията... С. 32—35.
- 172 Подробен об этом см.: *Исусов М.* О социальной структуре болгарской деревни после второй мировой войны // *Études historiques*. Sofia, 1970. Vol. 5. P. 604—605.
- 173 ЦДА на НРБ. Ф. 28. Оп. 1. А. е. 392. Л. 86.
- 174 Земеделско знаме. 1944. 1 поем.
- 175 Установяване и укрепване... С. 300.
- 176 Отечествен фронт. 1944. 23 поем.
- 177 Установяване и укрепване... С. 306.
- 178 *Mateev B.* The establishment of the cooperative system in agriculture in Bulgaria // *Études historiques*. Vol. 5. P. 625.
- 179 ЦПА. Ф. 1. Оп. 17. А. е. 23. Л. 12. 20; Земеделско знаме. 1944. 1, 22 поем.
- 180 *Коларов В.* «Аграризм» как теория «социального мира» // Ком. Интернационал. 1928. № 19/20. С. 32.
- 181 БКП в резолюции и решения. Т. 2. С. 116, 308.
- 182 *Исусов М.* Политическите партии в България, 1944—1948. С., 1978. С. 119.
- 183 Проект-программа на БРСДП... С. 12.
- 184 ЦДА на НРБ. Ф. 68. Оп. 1. А. е. 166. Л. 21 об.
- 185 Земеделско знаме. 1944. 2 окт.
- 186 Там же.
- 187 Там же.
- 188 *Кожухаров К.* Капитализъм и кооператизъм под светлината на земеделското учение. С., 1945. С. 30—31.
- 189 Земеделско знаме. 1944. 20 дек.
- 190 ЦДА на НРБ. Ф. 68. Оп. 1. А. е. 166. Л. 21 об.
- 191 Земеделско знаме. 1944. 9 дек.
- 192 История Чехословакии. М., 1960. Т. 3. С. 58—59.
- 193 Цит. по: *Педорезов А. И.* Аграрные преобразования в народно-демократической Чехословакии. М., 1954. С. 10.
- 194 Там же. С. 12—14.
- 195 Там же. С. 14.
- 196 *Велев А.* Главни реформи на земеделското правителство: Трудовата повинност, аграрната и просветната реформа. С., 1977. С. 75, 80.

- 197 Изгрев. 1945. 18 апр.
- 198 ЦДА на НРБ. Ф. 28. Оп. 1. А. е. 103. Л. 1.
- 199 Там же. А. с. 91. Л. 92.
- 200 *Стамболийски А.* Принципите... С. 47, 49—50.
- 201 БКП в резолюции и решения. Т. 2. С. 235.
- 202 *Поплазев П.* Историческо оправдание: Социална база и вътрешна политика на Народния съюз «Звено». С., 1945. С. 12—13; Изгрев. 1945. 19 окт.
- 203 Мировое хоз-во и мировая политика. 1946. № 3. С. 75.
- 204 *Сирков Д.* Изборна платформа ... С. 381.
- 205 Установяване и укрепване... С. 306.
- 206 Советско-болгарские отношения, 1944—1948 гг.: Документы и материалы. М., 1969. С. 91—92.
- 207 *Мозеров В. Д.* Экономическая политика Болгарской коммунистической партии в промышленности: Восстановительный период (1944—1948 гг.). Саранск, 1973. С. 188—189.
- 208 Работническо дело. 1945. 16 авг.
- 209 *Ганевич И. В.* Деятельность БКП по укреплению диктатуры пролетариата: Сентябрь 1944—1948 гг. Киев, 1974. С. 171.
- 210 Икономиката на България... С. 29.
- 211 Стенографски дневници на XXVI Обикновено Народно собрание. 1 редовна сесия. С., 1947. Кн. 1. С. 244. (Далее: Стенографски дневници на XXVI ОНС).
- 212 Икономиката на България... С. 29.
- 213 *Ангелова Т.* Проектпрограма... С. 439.
- 214 БКП в резолюции и решения. Т. 2. С. 306; Работническата партия в България... С. 517; Проект-програма на БРСДП... С. 14; Устав и програма на БЗН Съюз... С. 27.
- 215 Стенографски дневници на XXVI ОНС. Кн. 1. С. 232.
- 216 *Стамболийски А.* Принципите... С. 48.
- 217 Установяване и укрепване... С. 302.
- 218 Работническо дело. 1944. 18 дек.
- 219 Установяване и укрепване... С. 20.
- 220 *Донев С., Близнаков П.* Предпоставките... С. 63.
- 221 ЦДА на НРБ. Ф. 28. Оп. 1. А. е. 284. Л. 88.
- 222 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 43. С. 310.
- 223 Работническо дело. 1948. 24 дек.
- 225 *Мозеров В. Д.* Экономическая политика... С. 109, 111—112.
- 225 Установяване и укрепване... С. 302.
- 226 ЦПА. Ф. 1. Оп. 17. А. е. 19. Л. 1.
- 227 Земедельско знаме. 1945. 10 окт.
- 228 *Янчев Д.* Икономическите отношения между града и селото от 9.IX.1944 г. до национализацията на промишлеността през 1947 г. // Висш институт по механизация и електризация на селското стопанство—Русе. Научни трудове. С., 1961. Т. 4. С. 11.
- 229 Социална политика на Отечественния фронт. От 9 септември 1944 год до 9 септември 1946 год. С., 1946. С. 11—13.
- 230 Проект-программа на БРСДП... С. 13.
- 231 *Георгиев К.* Дейността на ОФ правителство от 9 септември до 9 март 1945 г. Доклад направен пред първия национален конгрес на ОФ комитети състоял се на 9 до 12 март т. г. С., 1945. С. 12.
- 232 После войны «развитые промышленные страны станут социалистическими республиками, — подчеркивал Н. Петков в узком кругу „земледельцев”, — а такие страны, как наша, будут развиваться как крестьянские кооперативные республики»

(Георгиев П. Като кооперативен деец и сдружен земеделец в революционните събития, 1941—1944 // Ист. прегл. 1969. № 2/3. С. 265).

²³³ Ванков В. Укрепване на съюза... С. 36.

²³⁴ Tomaszewski J. Rozwój Bulgarii w latach 1944—1956. W-wa, 1980. S. 66.

²³⁵ Георгиев К. Дейността... С. 13.

²³⁶ ЦПА. Ф. 205. Оп. 3. А. е. 47. Л. 2; Народ. 1944. 4 ноем.

²³⁷ Попзлатев П. Историческо оправдание. С. 10.

ГЛАВА ТРЕТЯ

¹ Остоич П. БКП и изграждането на народнодемократическата държава, 9 септември 1944 — декември 1947. С., 1967. С. 72.

² ЦГАОР СССР. Ф. 4459. Оп. 12. Д. 262. Л. 114—115.

³ Непубликувани радиограми на Георги Димитров и ЦК на БРП(к) (август—декември 1944 г.) // Изв. Инст. история БКП. 1975. Т. 32. С. 35.

⁴ ЦГАОР СССР. Ф. 4459. Оп. 27/1. Д. 2736. Л. 159—160; Д. 2742. Л. 32, 33; Златев З. Стопанската политика на народнодемократичната власт непосредствено след 9 септември 1944 г. // В чест на акад. Хр. Христов: Изследвания по случай 60 години от рождението му. С., 1976.

⁵ ЦДА на НРБ. Ф. 28. Оп. 1. А. е. 284. Л. 3.

⁶ Гришина Р. П. Расстановка политических сил в Болгарии после установления народно-демократической власти (сентябрь 1944 — ноябрь 1945 г.) // Из истории народно-демократических и социалистических революций в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1977. С. 44.

⁷ Окръжен партийен архив — Стара Загора. Ф. 1. Оп. 1. А. е. 2. Л. 5 об. (Далее: ОПА).

⁸ ЦДА на НРБ. Ф. 68. Оп. 1. А. е. 2. Л. 19.

⁹ ЦПА. Ф. 1. Оп. 15. А. е. 2. Л. 5.

¹⁰ Цит. по: Копылов А. А. Отечественный фронт и народно-демократическая революция в Болгарии. Львов, 1985. С. 201.

¹¹ Земеделско знаме. 1944. 18 окт.

¹² ЦДА на НРБ. Ф. 28. Оп. 1. А. е. 27. Л. 179.

¹³ Земеделско знаме. 1944. 18 окт.; Земя и труд. 1945. Април, № 8. С. 217—218; и др.

¹⁴ Народният съюз «Звено» и Отечественният фронт. С., 1947. С. 3; Изгрев. 1944. 7 ноем.

¹⁵ Народ. 1944. 4 ноем.

¹⁶ ЦДА на НРБ. Ф. 68. Оп. 1. А. е. 2. Л. 37—38.

¹⁷ Изгрев. 1945. 13 април.

¹⁸ ЦДА на НРБ. Ф. 68. Оп. 1. А. е. 8а. Л. 79.

¹⁹ Там же. Ф. 28. Оп. 1. А. е. 24. Л. 7.

²⁰ ЦПА. Ф. 1. Оп. 17. А. е. 25. Л. 1.

²¹ Там же. А. е. 23. Л. 10—18.

²² Там же. Л. 3.

²³ Там же. Л. 12.

²⁴ Златев З. Стопанската политика... С. 452.

²⁵ ЦПА. Ф. 1. Оп. 17. А. е. 23. Л. 19—25.

²⁶ Работническо дело. 1944. 19 ноем.; Установяване и укрепване на народнодемократичната власт: Септември 1944 — май 1945: Сб. документи. С., 1969. С. 299—303.

²⁷ Земеделско знаме. 1946. 6 ян.

- 28 *Исусов М.* О социальной структуре болгарской деревни после второй мировой войны // *Études historiques. Sofia. 1970. Vol. 5. P. 592.*
- 29 *Луджев Д.* Дребната буржоазия в България, 1944—1958. С., 1985. С. 82.
- 30 *Кунин П.* Процесът на изграждане на социалистическия строй в българското село: Същност и закономерности: Разрешение на аграрно-селския въпрос. С., 1977. С. 38.
- 31 «Вывеской кооперации передко пользуются общественные организации, преследующие частнокапиталистические цели, или откровенно частнокапиталистические предприятия», — говорилось в одном из документов Политбюро ЦК БРП(к) от 12 декабря 1944 г. (Установяване и укрепване... С. 373).
- 32 ЦПА. Ф. 1. Оп. 17. А. е. 23. Л. 22.
- 33 Народ. 1944. 4 поем.
- 34 ЦГАОР СССР. Ф. 4459. Оп. 27/1. Д. 4003. Л. 242—245; *Исусов М.* Политическите партии в България, 1944—1948. С., 1978. С. 72.
- 35 Проект-програма на БСРДП: (Приета от ИК на 27 юли 1945 г.). С., 1945. С. 12.
- 36 *Рубинштейн А. Я.* Отто Бауэр — теоретик австрийской социал-демократии. М.; Л., 1935. С. 133, 139, 141.
- 37 ЦПА. Ф. 205. Оп. 3. А. е. 183. Л. 11 об.; А. е. 275. Л. 7. и др.
- 38 *Исусов М.* Политическите партии в България... С. 64.
- 39 Земеделско знаме. 1944. 17 окт.
- 40 Установяване и укрепване... С. 306; ЦПА. Ф. 1. Оп. 17. А. е. 23. Л. 18.
- 41 *Мурашко Г. П.* Борьба рабочего класса за национализацию промышленности: Из опыта революций 40-х годов в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1979. С. 291—292.
- 42 Земеделско знаме. 1945. 17 март.
- 43 Там же. 24 ян.
- 44 ЦДА на НРБ. Ф. 68. Оп. 1. А. е. 2. Л. 57.
- 45 Здесь, видимо, имеется в виду выступление регента-коммуниста Т. Павлова перед слушателями Школы офицеров запаса 24 ноября 1944 г., в котором он подчеркнул, что 9 сентября произошло «только народное, демократическое антифашистское вооруженное восстание», а не социальная революция (Изгрев. 1944. 26 поем.). «Звенари» сразу же ухватились за эти слова. В специальной статье «Не социальная революция» газета «Изгрев» отмечала, что слова Т. Павлова «устраняют... заблуждение и вносят успокоение в некоторые общественно-экономические группы, которые оказались в смущении» (Там же. 7 дек.).
- 46 ЦДА на НРБ. Ф. 68. Оп. 1. А. е. 2. Л. 97.
- 47 Бразда. 1945. 15 ян., № 1. С. 13—14.
- 48 Земеделско знаме. 1945. 11 март.
- 49 Изгрев. 1945. 27 март.
- 50 Там же. 30 март.
- 51 *Исусов М.* Политическите партии в България... С. 111.
- 52 *Исусов М.* Движението за кооперативно обработване на земята в България, 1944—1947 // Ист. прегл. 1969. № 2/3. С. 150.
- 53 Изгрев. 1945. 5 май.
- 54 ЦДА на НРБ. Ф. 68. Оп. 1. А. е. 371. Л. 21.
- 55 Там же. А. е. 384. Л. 35.
- 56 *Исусов М.* Политическите партии в България... С. 112—113.
- 57 СГОДА. Ф. 38. Оп. 1. А. е. 18. Л. 291об.
- 58 ЦДА на НРБ. Ф. 68. Оп. 1. А. е. 368. Л. 7.
- 59 Манифеста и резолюциите на първия исторически конгрес на

- Отечественния фронт. С., 1945. С. 11.
- ⁶⁰ *Златев З.* Стопанската политика... С. 442.
- ⁶¹ *Исусов М.* Политическите партии и социалистическата алтернатива в България, 1947—1949 // *Études historiques.* Sofia, 1978. Vol. 8. P. 392.
- ⁶² ЦПА. Ф. 1. Оп. 17. А. е. 25. Л. 11.
- ⁶³ Осенью 1945 г. П. Кунин констатировал «Законопроект... давно лежит в Совете министров, но кроме изучения земель, которые составят фонд, и числа хозяйств, подлежащих поделению земель, ничего не сделано» (ЦПА. Ф. 1. Оп. 17. А. е. 23. Л. 3—4).
- ⁶⁴ ЦДА на НРБ. Ф. 28. Оп. 1. А. е. 26. Л. 65.
- ⁶⁵ СГОДА. Ф. 38. Оп. 1. А. е. 18. Л. 26; ЦДА на НРБ. Ф. 28. Оп. 1. А. е. 73. Л. 204; А. е. 91. Л. 24; А. е. 97. Л. 212—213 и др.
- ⁶⁶ ЦДА на НРБ. Ф. 28. Оп. 1. А. е. 91. Л. 41, 43.
- ⁶⁷ *Исусов М.* О социальной структуре... С. 604.
- ⁶⁸ *Исусов М.* Политическите партии в България... С. 119, 122.
- ⁶⁹ Там же. С. 130.
- ⁷⁰ Там же.
- ⁷¹ БКП в резолюции и решения на конгресите, конференциите, пленумите и политбюро на ЦК. С., 1955. Т. 4: 1944—1955. С. 8. (Далее: БКП в резолюции).
- ⁷² Там же. Т. 4. С. 9.
- ⁷³ Икономиката на България през преходния период от капитализма към социализма. С., 1972. С. 78—79.
- ⁷⁴ *Димитров Г.* Писма: 1905—1949. С., 1962. С. 431.
- ⁷⁵ Характерна в этом плане констатация околийского комитета ОФ в Радомире, относящаяся к 1945 г.: «Вопрос о поставках — основной повод для всех разногласий и периодических разочарований во власти ОФ» (ЦДА на НРБ. Ф. 28. Оп. 1. А. е. 97. Л. 201).
- ⁷⁶ Работническо дело. 1945. 7 юли.
- ⁷⁷ Там же. 25 юли.
- ⁷⁸ В исторической литературе зафиксирована такая оценка данного момента и характера платформы НК ОФ. М. Исусов считает, например, что вытекавшее из платформы известное ограничение крупной частной собственности в промышленности, торговле, кредите, сельском хозяйстве, развитие кооперативного движения и пр. означали постановку «значительного круга задач социалистического характера» (*Исусов М.* Политическите партии в България... С. 144—145).
- ⁷⁹ Работническо дело. 1945. 4 юли.; 3, 7 авг.
- ⁸⁰ О ее содержании см.: Там же. 16 авг.
- ⁸¹ Там же. 25 авг.
- ⁸² ЦАМО СССР. Ф. 392. Оп. 8900. Д. 128. Л. 97, 116об.
- ⁸³ Там же. Л. 96, 117, 148, 168об.
- ⁸⁴ ЦДА на НРБ. Ф. 28. Оп. 1. А. е. 26. Л. 88.
- ⁸⁵ Цит. по: *Исусов М.* Политическите партии в България... С. 162.
- ⁸⁶ Там же. С. 160. Комментируя приостановку действия закона о ТКЗХ, оппозиционеры непосредственно связывали ее с «повсеместным отпором и протестами» крестьян, которых силой принудили вступить в кооперативы (Нар. земеделско знаме. 1945. 2 окт.).
- ⁸⁷ *Исусов М.* Политическите партии в България... С. 212.
- ⁸⁸ БКП в резолюции. Т. 4. С. 29—41.
- ⁸⁹ ЦПА. Ф. 1. Оп. 17. А. е. 19. Л. 16.

- ⁹⁰ Работническо дело. 1945. 10 апр.
- ⁹¹ ЦДА на НРБ. Ф. 28. Оп. 1. А. е. 402. Л. 96.
- ⁹² ЦПА. Ф. 1. Оп. 17. А. е. 19. Л. 7.
- ⁹³ Там же. А. е. 23. Л. 1.
- ⁹⁴ На различия в подходе к этому вопросу в руководство БРП(к) указал В. Коларов в письме Г. Димитрову осенью 1945 г.: «В тот момент, когда наши хозяйственники не могут поставить на ноги производство на шахте Перника, когда из-за нехватки угля сокращается сегодня график работы железных дорог, когда на посу у нас тяжелая из-за отсутствия топлива зима, в правительстве вносится законопроект о национализации всех шахт. И вот результат — частные шахты останавливают производство и распродают оборудование. Когда снабжение электроэнергией находится на грани катастрофы и многие фабрики остановлены по этой причине, фантазеры разрабатывают законопроект о национализации отрасли в форме какого-то «комбината». Значение этих проектов, для реализации которых нужно теперь же изыскать многие миллиарды левов, в том, что они тормозят восстановление существующих предприятий и способствуют углублению кризиса... А жизненной необходимостью в нынешний критический момент является пуск в эксплуатацию существующих предприятий». Цит. по: *Василев Л.* Социально-икономически проблеми в творчество на Георги Димитров. С., 1982. С. 153.
- ⁹⁵ ЦПА. Ф. 1. Оп. 17. А. е. 21. Л. 4.
- ⁹⁶ Излишками зерновых продуктов, в частности, считались те их количества, которые оставались после обеспечения каждого хозяйства определенным минимумом зерна для посева и пропитания семьи. В численном выражении расчет минимума был следующим: по 23 кг на каждый декар обрабатываемой земли плюс по 950 г зерна в день для пропитания главы хозяйства или постоянного работника. См.: *Исусов М.* Работническата класа в България, 1944—1947. С., 1971. С. 45.
- ⁹⁷ *Исусов М.* Политическите партии в България... С. 214.
- ⁹⁸ Появление Декларации ЦК БРП(к) и ЦК БЗНС вызвало острое недовольство в руководстве БРСДП, которое усмотрело в этом «пренебрежение» к другим партиям ОФ и «нежелательный сепаратизм». В ответном письме руководству БРСДП секретарь ЦК БРП(к) Г. Чанков дал следующее объяснение: «Цель Декларации (о создании ТКЗХ. — Т. В.) — дать немедленный отпор кампании, которую организует против ТКЗХ реакция, исправить допущенные ошибки..., обеспечить их (кооперативов. — Т. В.) правильное развитие и стабилизацию и нормализовать отношения между БЗНС и БРП(к), которые ухудшились на некоторых местах при создании ТКЗХ. Именно из-за этой последней причины и из-за необходимости дать более быстрый и своевременный отпор реакционной кампании Декларация была издана лишь руководствами БРП(к) и БЗНС...» (ЦПА. Ф. 205. Оп. 3. А. е. 489. Л. 106; А. е. 488. Л. 23).
- ⁹⁹ *Димитров Г.* Писма. С. 409.
- ¹⁰⁰ В одной из брошюр в защиту интересов ремесленников говорилось по этому поводу: «Одна боль у болгарских ремесленников — недостаточное снабжение сырьем» (*Ламбрев Г.* На ясни позиции: Във връзка с изборите за Велико Народно събрание и българското занаятчиство. С., 1946. С. 9).
- ¹⁰¹ *Димитров Г.* Писма. С. 446—447.

- 102 Костов Тр. Избрани статии, доклади, речи. С., 1964. С. 639
- 103 Там же. С. 641.
- 104 Цит. по: Василев Л. Социално-икономически проблеми... С. 153
- 105 Луджев Д. Дребната буржоазия... С. 116.
- 106 Костов Т. Избрани статии... С. 641.
- 107 Знаме. 1945. 16 окт.
- 108 Народ. 1945. 18 окт.
- 109 Проект-програма на БРСДП... С. 13.
- 110 Там же.
- 111 Изгрев. 1945. 7 окт.
- 112 Там же. 10, 16 17 окт.
- 113 Там же. 10 окт.
- 114 Бразда. 1945. Кн. 6. С. 351.
- 115 Изгрев. 1945. 10 окт.
- 116 Там же. 16 окт.
- 117 Икономиката на България... С. 63.
- 118 Изрев. 1945. 16 окт.
- 119 Там же. 17 окт.
- 120 Народен съюз «Звено»: Нашата програма. С., 1945. С. 11.
- 121 Изгрев. 1945. 27, 28 дек.
- 122 Там же. 10 окт.
- 123 ЦПА. Ф. 1. Оп. 17. А. е. 19. Л. 45.
- 124 ЦДА на НРБ. Ф. 75. Оп. 1. А. е. 485. Л. 6. 8; А. е. 488. Л. 16. 18.
- 125 Там же. Оп. 2. А. е. 13. Л. 68.
- 126 Зарчев Й. Българският земеделски народен съюз (9 септември 1944—1948 г.) // Изв. Инст. история БКП. 1975. Т. 32. С. 138.
- 127 Земеделско знаме. 1945. 10 окт.
- 128 Поскольку подобное намерение наблюдалось и ранее, коммунисты сочли необходимым отреагировать на такого рода обвинения. Выступая в начале октября 1945 г. в НК ОФ, В. Коларов отмечал, что с самокритикой относительно проведения экономических мероприятий выступила лишь БРП(к), а другие партии ОФ предпочитали только критиковать коммунистов, хотя последние не возглавляли ни одно хозяйственное министерство. См.: ЦПА. Ф. 1. Рп. 17. А. е. 21. Л. 10.
- 129 Тишев Д. Съвместната работа на БКП и БЗНС в строителството на социализма: (Кратък исторически преглед). С., 1969. С. 117.
- 130 Работническо дело. 1945. 12 окт.
- 131 Цит. по: Исусов М. Политическите партии в България... С. 215.
- 132 Игнатъева (Волокитина) Т. В. 3 історії боротьби демократичних сил Болгарії проти «крайньої лівої опозиції», після 9 вересня 1944 р. // Проблеми слов'янознавства. Львів, 1979. Вип. 20. С. 27.
- 133 Драголюбов П. Изборните борби и работата на БКП в Народното собрание (1945—1949) // Изв. Инст. история БКП. 1967. Т. 13. С. 232.
- 134 Стенографски дневници на XXVI Обикновено Народно събрание. I редовна сесия. С., 1946. Кн. 1. С. 3—5. (Далее: Стенографски дневници на XXVI ОНС).
- 135 См. интервью В. Коларова корреспонденту газеты «Ден» (Ден. 1946. 27 ян.).
- 136 Стенографски дневници на XXVI ОНС. Кн. 1. С. 39.
- 137 Ганчовски П. Дните на Димитров, каквито ги видях и записях. С., 1975. Т. 1. С. 47—48.
- 138 Всепартийная политика Советского Союза, 1945 г. М., 1949. С. 163.
- 139 ЦПА. Ф. 267. Оп. 1. А. е. 34. Л. 71—72.

- 141 Изгрев. 1946. 22 ян.
- 142 ЦДА на НРБ. Ф. 28. Оп. 1. А. е. 27. Л. 25.
- 143 Работническо дело. 1946. 9 март.
- 144 Земеделско знаме. 1946. 29 март.
- 145 *Исусов М.* Политическите партии в България... С. 234.
- 146 Там же. С. 249.
- 147 Там же. С. 259—260.
- 410 На этом заседании Г. Димитров предложил не менять численность представительство отдельных партий в правительстве, хотя и подчеркнул, что БПР(к) является основной политической силой в стране. См.: *Исусов М.* Комунистическата партия и революционният процес в България, 1944—1948 С., 1983. С. 189.
- 148 Цит. по: *Исусов М.* Политическите партии в България... С. 259—260.
- 149 *Петков П.* Конфискуване на имуществата, придобити чрез спекула и по незаконен начин след 9 септември 1944 г. // Ист. прегл. 1961. № 3. С. 6—9.
- 150 ЦДА на НРБ. Ф. 75. Оп. 1. А. е. 50. Л. 109.
- 151 *Ганчовски П.* Дните на Димитров... С. 82.
- 152 Отечествон фронт. 1946. 1 февр.
- 153 Знаме. 1946. 29 ян.
- 154 Там же. 4 февр.
- 155 Народно земеделско знаме. 1946. 29 ян. 9 февр.
- 156 Свободен народ. 1946. 30 яном.
- 157 *Славов П.* Общи закономерности на социалистическата революция в политическата област и тяхното проявление в България. С., 1970. С. 266.
- 158 «...В ОФ самым слабым элементом... продолжают оставаться правые в „Звене“, — констатировалось на заседании Политбюро ЦК БРП(к) в ноябре 1945 г. (См.: *Исусов М.* Политическите партии в България... С. 234).
- 159 Изгрев. 1946. 27 ян.
- 160 Там же. 28 ян.
- 161 Балкански прегл. 1946. № 4. С. 133.
- 162 Стенографски дневници на XXVI ОНС. Кн. 3. С. 153.
- 163 *Марков М.* Към въпроса за класовите изменения в НРБ. С. 1966. С. 60.
- 164 Изгрев. 1946. 31 ян.
- 165 Там же.; *Симов Б., Благоев Б., Аслания О.* Възстановяване и развитие на промишлеността в НРБ, 1944—1948. С., 1968. С. 171.
- 166 Стенографски дневници на XXVI ОНС. Кн. 3. С. 153.
- 167 Ден. 1946. 6 февр.
- 168 ЦДА на НРБ. Ф. 68. Оп. 1. А. е. 166. Л. 21.
- 169 *Петков П.* Конфискуване на имуществата... С. 13.
- 170 Стенографски дневници на XXVI ОНС. Кн. 3. С. 155.
- 171 Земеделско знаме. 1946. 29, 30 ян.
- 172 Лишь в одном из январских номеров за 1946 г. «Земеделско знаме» поместило 17 резолюций с мест с требованием быстрого проведения конфискации. См.: Там же. 31 ян.
- 173 Там же. 1946. 31 ян. 5, 17 февр.
- 174 Высказывалась, например, точка зрения, что проверка капиталов должна коснуться торговцев — экспортеров и импортеров, начиная с 1940 г. См.: ЦДА на НРБ. Ф. 75. Оп. 1. А. е. 50. Л. 109.
- 175 Земеделско знаме. 1946. 2 март.

- 176 Стенографски дневници на XXVI ОНС. Кн. 3. С. 153—155.
- 177 Земеделско знаме. 1946. 30 ян. 8 февр.; Бразда. 1946. 1 февр., № 2.
- 178 ЦДА на НРБ. Ф. 68. Оп. 1. А. е. 166. Л. 21.
- 179 Стенографски дневници на XXVI ОНС. Кн. 2. С. 384.
- 180 На заседания ЦК НС «Звено» в декабре 1946 г. прямо указывалось что при голосовании закона о конфискации «Звено» «не могло устоять», однако определенные изменения в текст закона удалось внести. См.: ЦДА на НРБ. Ф. 68. Оп. 1. А. е. 8а. Л. 66.
- 181 Там же. Ф. 28. Оп. 1. А. е. 44. Л. 43.
- 182 Там же. Ф. 68. Оп. 1. А. е. 8а. Л. 190.
- 183 Земеделско знаме. 1946. 9 юли; ЦПА. Ф. 1. Оп. 17. А. е. 68. Л. 8; ОПА — Плевен. Ф. 4. Оп. 3. А. е. 27. Л. 8, 15; ЦДА на НРБ. Ф. 28. Оп. 1. А. е. 78. Л. 92.
- 184 ЦДА на НРБ. Ф. 75. Оп. 2. А. е. 13. Л. 83—84.
- 185 Земеделско знаме. 1946. 26 апр.
- 186 Икономиката на България... С. 101.
- 187 *Исусов М. Работническата класа...* С. 60.
- 188 Икономиката на България... С. 16.
- 189 *Илиев Б. Преломни години.* С., 1977. С. 379—380.
- 190 Стенографски дневници на XXVI ОНС. Кн. 2. С. 198—199.
- 191 Там же. С. 211—212.
- 192 Работническо дело. 1946. 20 септ.
- 193 *Киришевская А. Н. Отечественный фронт и аграрный вопрос в Болгарии в первый период развития народной демократии (1944—1947).* // Учен. зап. Ин-та славяноведения АН СССР. 1952. Т. 5. С. 319.
- 194 Установяване и укрепване на народнодемократичната власт в Михайловградски окръг. Михайловград, 1973. С. 239.
- 195 *Isusov M. Changements dans la structure socio-économique de la Bulgarie après la seconde guerre mondiale* // Bulgarian historical review. Sofia, 1973. P. 23.
- 196 См., напр.: ЦАМО СССР. Ф. 392. Оп. 8900. Д. 128. Л. 232.
- 197 Икономиката на България... С. 123.
- 198 Държавен вестн. 1945. 13 септ.
- 199 ЦДА на НРБ. Ф. 75. Оп. 1. А. е. 169. Л. 21, 23; Българският земеделски народен съюз за управлението на страната. Речи на народните представители Любомир Коларов, Вера Златарева и Ст. Симов по отговора на Тронното слово. С., 1946. С. 17.
- 200 Земеделско знаме. 1946. 17 март.
- 201 Балкански прегл. 1946. № 1. С. 116.
- 202 ЦДА на НРБ. Ф. 68. Оп. 1. А. е. 8а. Л. 191.
- 203 Икономиката на България... С. 125.
- 204 Процесс этот развивался неоднозначно; например, в 1946—1947 гг. наблюдалось известное расширение, по сравнению с 1945 г., частного сектора в торговле, что было связано с определенной коррекцией государственной политики по части распределения дефицитных товаров (был положительно решен вопрос о предоставлении частным торговцам товаров по нарядам). См.: Икономиката на България... С. 126.
- 205 Сборник на законите и решенията приети от XXVI Обикновено Народно събрание и Велико Народно събрание до 20 юни 1947. С., 1947. С. 226.
- 206 Икономиката на България... С. 128.
- 207 Эта практика помогала избегать таких курьезов, какой, в частности, имел место в 1945 г., когда в результате торговых сделок

были получены некомплектные материалы, смазочные масла, не соответствовавшие типам машин и пр. См.: *Мозеров В. Д.* Экономическая политика Болгарской коммунистической партии в промышленности: Восстановительный период (1944—1948). С.-раанск, 1973. С. 124.

- 208 ЦПА. Ф. 1. Оп. 17. А. е. 117. Л. 9.
209 Там же. А. е. 19. Л. 36—37.
210 ЦДА на НРБ. Ф. 68. Оп. 1. А. е. 327. Л. 26, 27.
211 *Мозеров В. Д.* Экономическая политика... С. 216.
212 *Димитров Г., Костов Т., Югов А.* Речи по отговора на Трoпното слово пред XXVI Обикновено Народно събрание. С., 1945. С. 18.
213 Сборник на законите и решенията... С. 112, 135.
214 Стенографски дневници на XXVI ОНС. Кн. 2. С. 232.
215 *Мозеров В. Д.* Экономическая политика... С. 217.
216 *Маркович С.* Данъчната политика на партията и правителството през годините на народната власт // 15 години социалистическото строителство в Народна Република България. С., 1959. С. 266.
217 Бразда. 1946. 15 февр., № 3. Земеделско знаме. 1945. 10 окт.
218 Работническо дело. 1945. 11 юни, 23 авг., 3, 19 окт., 17 дек.
219 ЦДА на НРБ. Ф. 28. Оп. 1. А. е. 26. Л. 79—80; Стенографски дневници на XXVI ОНС. Кн. 2. С. 244.
220 Стенографски дневници на XXVI ОНС. Кн. 2. С. 244.
221 Икономиката на България... С. 424.
222 Сборник на законите и решенията... С. 180—181.
223 ОПА — Плевен. Ф. 4. А. е. 15. Л. 16.
224 Там же. А. е. 30. Л. 57.
225 ЦПА. Ф. 214. Оп. 1. А. е. 626. Л. 176.
226 *Асланов Л.* За ролята на Българския земеделски народен съюз в строителството на социализма // Социалистическата революция в България: Сборник от исторически студии. С., 1965. С. 353.
227 *Димитров Г.* Избр. произведения: В 3 т. М., 1984. Т. 3. С. 114.
228 Подробнее об этом см.: *Гришина Р. П.* Г. Димитров и становление болгарской народной армии — защитницы завоеваний революции // Жизнь, отданная борьбе за социализм: (100-летие со дня рождения Г. Димитрова). М., 1983. С. 324.
229 Стенографски дневници на XXVI ОНС. Кн. 3. С. 854—855.
230 *Гришина Р. П.* Г. Димитров и становление... С. 325.
231 *Ганчовски Н.* Дните на Димитров... С. 219—220.
232 *Димитров Г.* Указ. соч. Т. 3. С. 179.
233 *Ганчовски Н.* Дните на Димитров... С. 281.
234 *Генчев Н.* Изборите за Велико Народно събрание през октомври 1946 // Ист. прегл. 1964. № 2/3. С. 224.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

- ¹ Стенографски дневници на XXVI Обикновено Народно събрание. С., 1946. Кн. 1. С. 39.
² *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 49. С. 214.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Аврамов П. 27
 Айзенштат Я. 211
 Аладжем Н. 210
 Ангелов Р. 88
 Ангелов С. 210
 Ангелова Т. 217, 218, 219, 220, 221, 223
 Аратский Б. 23, 211
 Арнольдов А. 211
 Асланов Л. 27, 231
 Асланян О. 27, 220, 221, 229
 Атанасов Н. 50
 Атанасов 40
 Ататюрк К. 94
- Багрянов 59
 Баскаков С. 212
 Бауэр, Отто 225
 Беверидж 71
 Бевин 178
 Беров Л. 40, 215, 221
 Бирман М. А. 23, 211
 Бирнс 178
 Бирюзов С. С. 179
 Благоев Б. 27, 220, 221, 229
 Близнаков П. 98, 214, 221, 223
 Богданова Р. 27
 Бодуров Й. 187
 Боев Б. 30
 Божилев Д. 58
 Божинев В. 215
 Бонев В. 28, 213
 Борис III 52, 58
 Борис 52, 78
 Ботев, Христо 57, 63
 Ботев 73
 Брадистилев Д. 214
 Братанов Д. 216
 Броз Тито И. 74
 Буров А. 101
 Буров 39
 Бутенко А. Н. 212
 Быстржица Й. 24, 211
- Валев Л. Б. 23, 25, 29, 30, 42, 210, 211, 214, 220
 Ванков В. 117, 222, 224
 Василев Л. 15, 27, 30, 213, 227, 228
 Велев А. 222
 Велчев Д. 65, 67, 121, 200
 Велчев 65
 Венков Й. 215
 Видински Р. 11
 Влахов Д. 74
 Волобуев П. В. 208
 Вранчев П. 216
 Вышинский А. Я. 179
 Вълков И. 210
- Гальдер Ф. 54, 215
 Ганев В. 111, 188
 Гапевич И. В. 212, 223
 Гапчевский Н. 183, 228, 229
 Гарашанин 73
 Генев Г. 77
 Генев И. 215
 Геневский М. 49, 169, 189
 Генчев Н. 231
 Георгиев Б. 137, 185
 Георгиев В. 100, 214, 215, 218, 219, 221
 Георгиев К. 51, 52, 62, 65, 66, 68, 69, 71, 72, 73, 116, 117, 138, 154, 181, 185, 216, 217, 218, 223, 224
 Георгиев Л. 214
 Георгиев Н. 224
 Георгиев 67
 Гибианский Л. Я. 219
 Гиндев П. 209
 Гиргинов А. 183
 Гичев Д. 50
 Горненски Н. 210
 Григоров Б. 217
 Гришина Р. П. 29, 52, 101, 212, 215, 222, 224, 231

Губиделников Г. 101
Губиделников 30

Дамянов Г. 201
Данилов В. Д. 23, 211
Димитров Г. 5, 9, 10, 11, 12, 13,
17, 57, 67, 74, 75, 76, 96, 121,
145, 146, 148, 149, 150, 160,
161, 169, 178, 181, 183, 196,
200, 201, 202, 203, 208, 209,
220, 224, 226, 227, 228, 229,
231
Димитров Г. /Гемсто/ 50, 146
Димитров И. 21, 28, 211, 212,
215, 216
Добрев К. 15
Добрев 15
Добрускин М. Е. 220
Драгойчева Ц. 64, 67, 74, 80,
89, 104, 144, 188, 216, 217,
218
Драголюбов П. 228
Драмалиев К. 11, 69, 74, 210,
217

Живков Т. 19, 22, 211

Зародов К. И. 212
Зарчев Й. 27, 30, 213, 228
Захариев В. 15, 209
Захаров В. 218, 219
Златарева В. 230
Златев Зл. 27, 28, 30, 126, 142,
212, 213, 224, 226

Игнатъева Т. В. 215, 228
Илчев Б. 230
Исусов М. 11, 13, 21, 27, 28, 79,
135, 189, 192, 208, 209, 210,
212, 218, 222, 225, 226, 227,
228, 229, 230

Иотов В. 28, 212

Кадацкий В. Ф. 214, 215
Казасов Д. 67, 78, 88, 218
Каменов Е. /Ж. Натап/ 15
Каравелов 73
Караколов Р. 15, 209
Кейнс 71
Керр А. К. 60
Киршевская А. Н. 230
Коев П. 219
Кожухаров К. 220, 222

Коларов В. 10, 11, 76, 83, 15
155, 161, 169, 176, 197, 201,
217, 222, 227, 228
Коларов Л. 189, 200, 230
Конаков Н. К. 29, 213
Константинов Ф. Т. 23, 24, 211
Константинов 23
Коньо Ж. 222
Коптева Е. А. 212
Копылов А. А. 29, 213, 215, 224
Косев Д. 212
Косецки А. 210
Костов Тр. 8, 9, 96, 102, 111,
113, 141, 153, 154, 155, 158,
161, 188, 201, 208, 216, 220,
222, 228, 231
Костурков С. 77, 154, 182
Куков К. 28, 213
Кунин П. 115, 124, 133, 143,
157, 225, 226
Кьосеиванов 95

Ламбрев Г. 227
Левский 73
Леднев Н. И. 212
Лейбзон Б. М. 208
Ленин В. И. 3, 4, 80, 114, 205,
208, 218, 223, 231
Луджев Д. 27, 225, 228
Лулчев К. 151, 179
Ляпчев А. 77

Манафов Г. 27, 210
Манолов Х. 49
Марков В. 11
Марков М. 229
Маркович, Светозар 73, 231
Маркович С. 231
Марьина В. В. 211, 212
Масарик 108, 109
Матапов Т. 77
Матсев Б. 27, 216, 222
Меворах Е. 15
Мигев В. 27
Мишчев М. 27, 64, 65, 67, 216
Мозеров В. Д. 29, 213, 223, 231
Молотов В. М. 60, 201
Муравиев К. 59, 217
Муравиев 59
Мурашко Г. П. 29, 137, 212, 213,
225
Муусолини 58

Пайденев Р. 198
Натап Ж. 40, 214

- Наудашер 40
 Недев Н. 217, 218, 221
 Недорезов А. И. 222
 Нейков Д. 66, 144, 196
 Нейчев М. 113, 187, 188
 Никифоров В. 213
 Никова В. 27
- Обручков Г. Г. 211
 Овчаров С. 210, 211
 Огнянов Л. 28, 208, 212
 Остонч П. 27, 120, 221, 224
- Павлов А. 144
 Павлов Ас. 103
 Павлов Т. 17, 19, 20, 22, 24, 66, 67, 83, 209, 210, 216, 225
 Павлов 68
 Папсий 52
 Палешутски К. 217
 Панайотов Ф. 218
 Пастухов К. 77
 Пейков И. 219, 220
 Пекарев Й. 191
 Петков Н. 62, 65, 67, 69, 96, 136, 151, 153, 155, 180, 223
 Петков П. 27, 182, 229
 Петров К. 208
 Петров С. 22, 28, 30, 211, 213 216
 Петров Ст. 64
 Петрова Сл. 68, 215, 216
 Пигу, Артур Сесил 139
 Позолотин М. Е. 29, 213
 Попзлатев П. 138, 139, 223, 224
 Попов А. 210
 Попов П. 15, 209
 Поптомов В. 74, 76
 Пушкаров С. 186
- Радев Г. 219, 220
 Радев Я. 15
 Радков И. 219
 Радулов Р. 107
 Раковски 73
 Решетникова О. Н. 212
 Рубинштейн А. Я. 225
 Рузвельт Ф. 94
- Симеон 83
 Симов Б. 27, 220, 221, 229
 Симов Ст. 230
 Сирков Д. 218, 221, 223
 Славов П. 84, 210, 211, 229
 Славчева Г. 218, 220, 221, 222
- Смилов Б. 77
 Соболев А. 55
 Соболев А. И. 16, 17, 22, 24, 209, 211
 Соболев 16
 Стайнов П. 66
 Сталин 75, 201
 Стамболийский А. 49, 50, 87, 117, 218, 219, 220, 221, 223
 Стамболийский 91, 109
 Стародубровская В. Н. 23, 211
 Стефан 88
 Стоянов П. 66, 144, 151
- Тарповский К. Н. 208
 Терпешев Д. 11, 65, 67, 182
 Тито 75, 76
 Тихомиров В. П. 211
 Тишев Д. 175, 228
 Тодоров К. 50
 Толбухин Ф. И. 60
 Томашевский Е. 117
 Томов К. 49
 Торез М. 221, 222
 Тотев А. 214
 Трифонова М. 27
- Удальцов И. И. 212
- Файонов М. 194
- Хаджишиколов В. 215, 221
 Харизанов И. 138, 139, 141, 185, 191
 Хвостов В. М. 211
 Хлебаров 140
 Хлябин И. А. 212
 Христов А. 139
 Христов Хр. 22, 210, 211, 220, 224
- Цанков А. 49
 Цанков 51
 Цолов П. 219
 Цонев Ст. 98, 214, 221, 223
- Чакалов А. 220, 221
 Чанков Г. 11, 67, 227
 Чаръкчиев А. 209, 210
 Червенков В. 10, 11, 13, 14, 15, 16, 17, 19, 20, 23, 209

Чешмеджиев Гр. 65, 67, 88, 116,
151

Чичовска В. 27, 215

Чолаков Ст. 66

Шарланов Д. 28, 212

Шириня К. К. 208

Щетинин Б. В. 23, 211

Югов А. 11, 67, 70, 150, 179,
208, 231

Юдин П. 209

Юдин П. Ф. 14

Юруков В. 188, 194

Яковлев А. Н. 208, 209

Янчев Д. 223

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
--------------------	---

ГЛАВА ПЕРВАЯ

БОЛГАРСКОЕ БУРЖУАЗНОЕ ОБЩЕСТВО: ХАРАКТЕРНЫЕ ЧЕРТЫ И НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ РАЗВИТИЯ

§ 1. Социально-экономический облик Болгарии в межвоенный период и в годы второй мировой войны	33
§ 2. Политическая обстановка в Болгарии нака- нуне народного вооруженного восстания 9 сентября 1944 г.	49

ГЛАВА ВТОРАЯ

РАЗРАБОТКА ПРОГРАММЫ ПРАВИТЕЛЬСТВА ОТЕЧЕСТВЕННОГО ФРОНТА ОТ 17 СЕНТЯБРЯ 1944 г. И ЕЕ ХАРАКТЕР

§ 1. Образование правительства Отечественного фронта и вопрос о программе нового каби- нета	62
§ 2. Основные положения политических разделов программы от 17 сентября 1944 г.	72
§ 3. Вопросы экономической и социальной поли- тики в программе от 17 сентября	90

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ПРОГРАММА ОТ 17 СЕНТЯБРЯ 1944 г. И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ РЕВОЛЮЦИИ

§ 1. Новые тенденции в экономической политике БРП(к) и позиции партнеров коммунистов по ОФ (осень 1944 — весна 1945 г.) . . .	120
§ 2. Пересмотр руководством коммунистической партии планов форсирования революцион- ного процесса. Декларация ЦК БРП(к) по	

экономическим вопросам от 28 сентября 1945 г.	147
§ 3. Взгляды партнеров БРП(к) по Отечественному фронту на перспективы развития страны в новых условиях	162
§ 4. Реализация правительственной программы от 17 сентября 1944 г. до выборов в Великое Народное собрание (октябрь 1946 г.)— практическое воплощение идеи компромисса политических партий ОФ	177
Заключение	204
Указатель имен	232

Татьяна Владимировна Волокитина
ПРОГРАММА РЕВОЛЮЦИИ
У истоков народной демократии в Болгарии

Утверждено к печати
Институтом славяноведения и балканистики
АН СССР

Редактор Е. И. Михайлова
Художник В. М. Рябышев
Художественный редактор И. Д. Богачев
Технические редакторы М. Л. Маркелова, Т. С. Жарикова
Корректор К. П. Лосева

ИБ № 46106

Сдано в набор 11.09.89.

Подписано к печати 22.12.89.

А-04070. Формат 84×108¹/₃₂

Бумага типографская № 2

Гарнитура обыкновенная новая

Печать высокая

Усл. печ. л. 12,6. Усл. кр.-отт. 12,92. Уч.-изд. л. 14,4.

Тираж 800 экз. Тип. зак. 849

Цена 3 р. 10 к.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука»

117864, ГСП-7, Москва, В-485,

Профсоюзная ул., 90

4-я типография издательства «Наука»

630077 Новосибирск, ул. Стапиславского, 25

В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ «НАУКА»

готовится к печати

Ю. А. Писарев

Сербия и Россия в первой мировой войне.

Мифы и действительность

—М.: Наука, 1990 г.

Почему в первые десятилетия XX в. именно Балканы стали центром европейской напряженности, заслужив прозвище «порохового погреба» Европы? Какова доля ответственности в разжигании мирового пожара Сербии и России? Кто управлял рукой Гаврилы Принципа, сразившей наследника престола Габсбургов Франца Фердинанда и его супругу графиню Хотек? Сколь велика была «славянская угроза» и в какой мере она могла служить поводом к войне? Ответ на эти и многие другие вопросы читатель найдет в данной книге. Автор использует обширный круг источников, в том числе подлинные документы сербских ведомств, ставшие доступными лишь в 80-е годы, мемуары, воспоминания государственных, политических деятелей Европы той поры.

Для историков и широкого круга читателей.

В. П. Грачев

Балканские владения Османской империи
на рубеже XVIII—XIX вв.:

(Внутреннее положение,
предпосылки национально-освободительных движений)

— М.: Наука, 1990 г.

Монография исследует малонизученную в советской и зарубежной историографии проблему общих предпосылок национально-освободительных движений в балканских владениях Османской империи XVIII—XIX вв. В книге рассказывается о формировании центров антиправительственной оппозиции, междоусобной борьбе политических группировок, об отношении великих держав России, Австрии и Франции к противоборствующим силам, к национально-освободительным движениям балканских народов.

Для историков, славистов.

Славянские и балканские культуры XVIII—XIX вв.:

Советско-американский симпозиум

—М.: Наука, 1990 г.

В книге собраны статьи советских и американских ученых, посвященные культуре славянских и балканских народов в XVIII—XIX вв. На широком фактическом материале из истории славянских языков и литератур освещаются узловые вопросы формирования национальных культур народов региона. Читатель узнает о роли языка в процессе складывания славянской интеллигенции, о восприятии славянскими писателями XVIII—XIX вв. образа американца, о специфике и путях развития романтизма в странах региона.

Для филологов, историков культуры, широкого круга читателей.

3 р. 10 к.

